

Время читать "МИШПОХУ"

Главный редактор Аркадий ШУЛЬМАН Дизайн обложки Наталья ТАРАСКИНА Перевод на английский язык Юлия МАНДРИК Эмблема журнала Лия ШУЛЬМАН Корректор Елена ГРИНЬ WEB - мастер Михаил МУНДИРОВ

Адрес редакции:

Беларусь, 210016, г. Витебск, ул. Колхозная, 6

Адрес для корреспонденции: Беларусь, 210001, г. Витебск-1, а/я 22

E-mail: mishpoha@yandex.ru www.mishpoha.org

Журнал издаётся с 1995 г. Всего вышло тридцать семь номеров. © Мишпоха-2017 г. Историко-публицистический журнал.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция в переписку не вступает.

При перепечатке ссылка на «Мишпоху» обязательна.

Выражаем благодарность за помощь в издании журнала «Мишпоха» (№ 37) Майе Казакевич, Светлане и Андрею Мычик, Евгению Фарберову, Льву Пустынскому, Якову Трембовольскому, Дмитрию Широчину. Холдингу «Аптека-Групп» (руководитель Леонид Томчин), АЕОРК «Джойнт». 3 Z₂₀₁₇

Автограф

Аркадий ШУЛЬМАН

Почему человек летает

Шагаловские заметки «Почему человек летает» писались на протяжении достаточно долгого времени. Это мои наблюдения, размышления после многочисленных встреч с теми, кто понимает и не понимает, любит и не любит художника. Каждый из них имеет на это полное право.

Думаю, что у шагаловских заметок будет продолжение...

Po KapureHax Maraea a Burny zuro-mo ozeH6 gHaro eroe u Sergroe MHE. Начну с цитаты уважаемого мной писателя Юрия Нагибина.

«Он принадлежит Витебску, России, миру, этот человек с детской улыбкой и мудрой душой, художник и поэт, друг людей и животных, ставший одним из чудес нашего невероятного века». Эти слова были сказаны о Марке Захаровиче Шагале — одном из крупнейших и самых противоречивых художников ХХ века.

Он порой по-детски наивен в своих работах и в то же время многим совершенно не понятен. Его ученик и сам прекрасный художник Ефим Рояк назвал Шагала «художником сказки и фольклора» и имел для этого все основания. Однако Шагал сумел понять и проиллюстрировать Библию, как никто другой.

У него был далеко не простой характер. Впрочем, у кого из талантливых людей он бывает простым? Внучка художника Белла Мейер, будучи в Витебске на открытии Дома-музея Марка Шагала, рассказывала: «У дедушки была противоречивая натура. Он обладал большим чувством юмора и в то же время часто грустил. Иногда он был тяжёлым человеком, а иногда демонстрировал лёгкий характер».

(Г-та «Народное слово», 8 июля 1997 г.)

Чтобы понять Шагала, надо понимать людей, живших в диаспоре в XX веке, когда ушла еврейская обособленность, когда ортодоксальность перестала быть повсеместной, когда началось броуновское движение народов.

Противоречия Шагала — это не только противоречия талантливого и не всегда понимаемого художника, это не только противоречия сказочника, живущего в реальном мире, это ещё и противоречия «галутного» еврея.

Он прожил большую часть почти вековой жизни среди людей, культура и язык которых не были ему родными с детства, но впитал в себя эти культуры и языки, как родные. Шагал был иудеем, всю жизнь оставался им, он не только сумел понять, но и прочувствовал самую суть христианства — его витражи в соборах Майнца являются одним из крупнейших произведений христианского искусства.

...Московские студенты пригласили меня выступить на семинаре с названием, которое на первый взгляд может показаться странным: «Почему человек летает? О жизни и творчестве Марка Шагала». Куратор семинара, извиняясь,

писала, что, конечно же, окончательное название семинара будет другим, более весомым, более научным и т. д. А мне название понравилось. Я сам очень хочу понять, почему на картинах Шагала люди летают...

Самое простое объяснение этому дал сам художник. Впрочем, если, зная историю Витебска, сформулировать вопрос чуть по-другому, он займёт достойное место среди вопросов, которые разыгрываются в клубе «Что? Где? Когда?». Что общего между одним из старейших в России витебским трамваем и картинами Марка Шагала? Витебск расположен на холмах. И когда в конце XIX века конка, то есть лошади, уже не были в состоянии тянуть вагончики с горки на горку, французский инженер Фернан Гильён предложил пустить в Витебске трамвай. И Марк Шагал, вспоминая витебский рельеф, говорил, в детстве ему казалось, что с одной горки на другую легче перелететь, чем пройти пешком.

В Витебске, на родине художника, в день его рождения 6 — иногда 7 июля, каждый год, с начала 90-х, проходят шагаловские праздники. Несколько раз это было буквально грандиозное зрелище, которое заслуживает отдельного рассказа. Финалом праздника становилось феерическое представление, которое проходило на крышах старого города. Скрипачи, отрываясь от земли, улетали в небеса.

Проводились шагаловские пленэры, на которые приезжали крупнейшие художники из разных стран мира. Естественно, журналисты задавали им много вопросов, связанных с творчеством Шагала, и, в том числе и наш красивый вопрос: «Почему на картинах Марка Захаровича люди летают?» В числе журналистов, который задавал этот вопрос, в молодости был и я.

Ответы были разные. Мне запомнились слова художника, живущего во Франции, Бориса Заборова. Сегодня это один из самых дорогих и самых признанных художников мира. Не случайно внучка Шагала Мэрет Мейер Грабер, которая занимается исследованием творчества Шагала и издательской деятельностью, подготовила издание именно об этом художнике. Творчество Шагала Борис Абрамович Заборов знает хорошо, с детства. Его отец, художник Абрам Заборов, сам из Витебска. Ученик Юделя Пэна. Пэн был первым учителем Шагала. У Заборовых художественная семья. Отец, оба

сына — художники. Михаил ещё и искусствовед, живёт в Иерусалиме. Так вот, Борис Заборов, отвечая на вопрос, сказал:

— Шагал — это художник, который сумел запомнить свои детские сны и воспроизвести их на картинах. В детстве во сне все летают.

Такой незамысловатый ответ, и в то же время он наводит на многие размышления. Шагал сумел сохранить детскую чистоту и непосредственность восприятия, детские эмоции, доверчивость, бесхитростность и перенести их на свои полотна. Жил ли он, так как писал, — это отдельный и очень сложный вопрос.

Есть и другое, более практичное, если хотите, более утилитарное объяснение, почему на картинах Шагала люди летают. Рассказывают, что художник, работая над своими картинами, наносил изображение сразу со всех сторон. Писал какой-то фрагмент сверху, снизу, слева, справа. Художник Амшей Нюренберг, который ещё в десятые годы работал вместе с Марком Захаровичем в Париже и даже снимал с ним одну мастерскую на двоих на улице Данциг, описал в воспоминаниях «Мой друг — Марк Шагал» работу над картиной «Воскресный день». На первом плане Нотер-Дам, Эйфелева башня, улицы Парижа, на заднем плане - освещённый солнцем Витебск, зимний день, маленький домик, церковь. На детских салазках сидит мужичок, и над ним парит какая-то птица светло-фиолетового цвета.

На этой картине Амшей Нюренберг насчитал шесть фрагментов, написанных разными красками в различной манере. «Шагал не рисует в одной манере. До сих пор трудно сказать, где кончается в его картинах импрессионизм и где начинается интерес к кубизму. Иногда кажется, что на одной картине можно найти следы 3-4 художественных школ. Сложна и интересна шагаловская техника красок. Разобраться в её принципах тяжело. Одно лишь ясно. Шагал ни на кого не похож. Он лишь Шагал».

Иногда художник просто клал подрамник с натянутым холстом на вращающуюся табуретку, как на гончарный круг, и, вращая её, наносил изображение там, где ему этого хотелось.

«Картины Шагала, как водная поверхность, на которой всплывают острова памяти». Эти слова принадлежат Михаилу Шемякину, тоже всемирно известному художнику.

Мне порой кажется, что Шагал в процессе творчества приводил себя в состояние, сход-

§ **7**2017

ное с состоянием людей, находящихся в невесомости, когда понятия «верх», «низ» перестают быть актуальными.

Несколько раз я принимал участие в семинарах молодых художников и проводил такие игры. Брал большие планшеты, например два на два метра, и одновременно команды из пяти-шести человек начинали на них рисовать. Им давали темы, связанные с именем того или иного художника, и на подготовку десять минут. Так вот, традиционно считалось, что больше всех повезло тем, кто получил тему, связанную с творчеством Марка Шагала или Сальвадора Доли. Можно было рисовать сразу со всех сторон, понятия композиции, перспективы были не очень важны и т. д.

Ещё одно мнение, почему на картинах Шагала люди летают. Художник пытался заполнить всё пространство, которое видел перед собой. Это относилось и к картинам, и к жизни. Чем это объяснить? Может быть, той теснотой, в которой он вырос. В маленьком домике жило 10-12 человек. На каждой кровати спало по несколько сестёр или братьев. Первой мастерской Шагала была малюсенькая лежанка русской печки в домике на Покровской улице в Витебске. Может быть, тогда он научился бережно относиться к пространству. И однажды, уже в солидном возрасте, почувствовав и вкус денег, и славы, живя в отличных парижских апартаментах, он написал о своём первом учителе Юделе Пэне. У Юделя Моисеевича в мастерской картины были повсюду, на полу, на стенах висели в несколько рядов, и Шагал очень удивлялся, почему у Пэна от картин свободен потолок. Почему такое отличное пространство он оставил только для паутины. На взгляд Шагала, потолок — замечательное место для развешивания картин.

Заметьте, на картинах Шагала всегда мало воздуха.

Почему у людей появилось желание летать? Неужели на земле мало места? Чудаки залезали на колокольни, прикрепив себе крылья, сделанные из дерева, кожи. Прыгали вниз, ломали ноги. Но всё равно продолжали залезать на колокольни, изобретать летательные аппараты, разбиваться. Может быть, в каждом из нас живёт желание преодолеть силы земного притяжения? Только у кого-то оно бывает более сильным, и его непременно тянет в небо.

Каждая картина художника — это в той или иной мере автопортрет. И может быть, нереализованная, спрятанная глубоко внутри, мечта Марка Шагала подняться в небо нашла своё воплощение в картинах?

Знаменитая работа Марка Захаровича — «Над городом». О ней знают все, или почти все. Марк и Белла парят над Витебском, провинциальным городом, который, как писал Роберт Рождественский, «приколот к земле каланчою пожарной».

Глядя на эту картину, я вспоминаю слова дагестанского поэта и мудреца Расула Гамзатова: «Любовь нас, больших, делает маленькими. Любовь нас, маленьких, делает большими». Вряд ли Расул Гамзатов, при всём моём огромном уважении к нему, хорошо знал творчество Марка Шагала. Вряд ли Марк Шагал знал стихи Расула Гамзатова. Но мудрость потому и мудрость, что приближает к истине или, как говорил один мой знакомый, мудрость потому есть мудрость, что мудрее не придумаешь.

Уверен, редко кто обращает внимание, что на картине «Над городом» есть не только два персонажа, влюблённые Марк и Белла, но и ещё один маленький человечек, сидящий под забором и справляющий нужду. В картинах Шагала нет случайных вещей. Они как притчи абсолютно чётко выводят на финальную фразу.

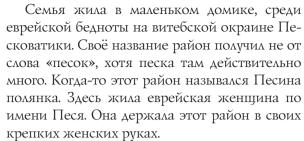
Вот такие мы в обыденной жизни, — утверждает художник, — как этот человечек, справляющий нужду. Маленькие, ничего не значащие, заботящиеся о своих ежеминутных интересах. И вот какими большими, красивыми, мощными нас делает любовь. Она поднимает в воздух, она преодолевает силы земного притяжения... Может быть, поэтому на картинах Шагала люди летают? Любовь способна преодолеть силы земного притяжения.

В ночь с 6 на 7 июля (24 июня по старому стилю) 1887 года в Витебске в семье рабочего рыбного склада Хацкеля Шагала родился сын. Первенец, которому на восьмой день, как и положено, сделали брит-милу (обрезание) и дали имя Моше.

Многое в биографии Шагала может показаться сюрреалистическим и почти невероятным. Он родился в тот день, когда весь Витебск был охвачен пожаром. «Мать и младенца у неё в ногах, вместе с кроватью, перенесли в безопасное место, на другой конец города. Но главное, я родился мёртвый. Не хотел жить. Этакий, вообразите, бледный комочек, не желающий жить. Как будто насмотрелся картин Шагала... Пусть только психологи не делают из этого каких-нибудь нелепых выводов», — писал Марк Захарович в книге «Моя жизнь».

Шагал любил своё детство и жил им до глубокой старости. А возможен ли без этого чувства истинный художник?

Фейга-Ита, мать художника, часто рассказывала сыну историю его рождения. А с кем в доме можно было ещё поговорить? Муж приходил с работы чуть живой от усталости. Остальные детки, дай Бог им здоровья, пока умеют только плакать и кушать. А Мойша-Моисей, её старшенький, её самая большая радость, сядет напротив, подопрёт голову локтем и слушает.

На Песковатиках всегда жили люди, умевшие постоять за себя. Поверьте, я сам родился и провёл детство в этом районе. Особенным боевым нравом выделялись плотогоны, которых здесь называли «лалы». Не приведи Бог, комуто попасться под их кулак. Так что Песе было не просто стать «песковатинским авторитетом». Но это была женщина, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Хотя,

— Ты родился в маленьком домике. Мы жили на краю Витебска, у самого шоссе, за тюрьмой. Во второй половине дня за Могилёвским базаром, около Сенной площади, начался пожар. Ветер был сильный, и огонь пошёл гулять по домам. Горела Большая Могилёвская и Замковая. И дыма было море. Мы думали, задохнёмся от дыма, и отнесли кроватку с тобой в другой дом. Наш домик, слава Богу, уцелел. Отец почти сразу его продал. Выгорело столько домов, страшно вспомнить. Столько бедных евреев оказалось без крыши над головой.

Фейга не читала газет. Она ни по-русски, ни по-еврейски не умела читать. В те дни газеты сообщали, что в городе «сгорели 125 лавок, 268 деревянных и 16 каменных домов, не считая надворных построек и флигелей».

(«Витебские ведомости», 1887 г., 27 июня, № 50, стр. 3—4).

извините, написаны эти строки не про еврейских женщин.

Самуил Маршак, вспоминая своего витебского деда и время, проведённое у него, писал: «В этом городе извозчики (балагулы) со своими лошадьми говорили на идише».

Моя бабушка почти всю свою жизнь прожила на Песковатиках, и звали её тоже Песя. Однажды я ей рассказал про воспоминания Самуила Яковлевича Маршака. Она очень удивилась и спросила: «А как ещё можно было говорить с лошадьми? Они же другого языка не понимали». «А извозчики другой язык понимали?» — спросил я у бабушки. После долгого раздумья она сказала: «Наверное, кое-кто понимал. Те, кто ездил за пассажирами на вокзал». Вот таким районом когда-то были Песковатики.

3 **7**2017

Недавно приезжали два хасида из Америки. Их прадеды из Витебска похоронены на еврейском кладбище. Хасиды попросили отвезти их на кладбище: может быть, сумеют найти могилы и прочитать поминальную молитву Каддиш. Обычно такие экскурсии приезжающие совершают на такси. Но молодые хасиды решили пройтись пешком, посмотреть по сторонам, подышать витебским воздухом. Пока шли по улице, ведущей к кладбищу, вдоль всех заборов выстраивались бабушки посмотреть на евреев, которые одеты в традиционные сюртуки, шляпы, с пейсами. Дети бегали по улице, кружа вокруг нас и смеясь.

Наверное, такое же оживление вызвало бы на этой улице появление инопланетян.

Город тот же, районы те же, улицы те же, и совсем-совсем другие.

Шагала невозможно понять, не зная Витебска и Лиозно — маленького местечка, где жили его родственники, невозможно понять, не зная семьи художника и людей, окружавших его в детстве и юности.

Витебск шагаловского времени — город, входящий в черту оседлости. Больше половины жителей — евреи. Город оставил заметный след в еврейской истории и культуре. С Витебском связано имя первого любавичского раввина Шнеура-Залмана. Здесь его женили на дочери купца, главы витебской общины Сегале.

С Витебском связано имя С. Ан-ского (Шлойме-Занвилла Раппопорта), известного еврейского фольклориста, драматурга, общественного деятеля, автора пьесы «Диббук» («Меж двух миров»), которая и сегодня идёт в театрах мира и является визитной карточкой израильского театра номер один — «Габима».

Можно и дальше перечислять имена раввинов, еврейских писателей, крупных купцов, живших в Витебске. Но культурное пространство, ауру, делают не единицы, какими бы громкими ни были их имена. В Витебске была мощная прослойка еврейской интеллигенции: врачей, музыкантов, инженеров. Их дети учились в гимназиях, они собирались по вечерам на музыкальные встречи, в городе гастролировали знаменитости, в театрах был аншлаг. С какой теплотой вспоминал о своих гастролях в Витебске Шолом-Алейхем. Это был город со сложившимися культурными традициями. И евреи играли в этом весьма заметную роль.

И хотя Шагал рос в другой атмосфере, где слова театр, живопись, литература употребляли крайне редко, культура города не могла не оказывать на него постоянного воздействия.

Вот как сам художник писал о Витебске: «Мой город печален и радостен. Ребёнком я глядел на него с порога. Тогда в детстве он казался мне светлым. Если мешал забор, я поднимался на каменную тумбу, а если с неё видел плохо, лез на крышу. Почему бы и нет. Дед делал так. И я смотрел на город вволю».

Что представлял тогда Витебск, можно судить по картинам самого Шагала, по фотографиям тех лет, по отзывам современников. Но для многих из них Витебск был городом детства, городом, с которым их связывали родители, любимые, друзья. И, естественно, на воспоминания этих людей накладывали отпечаток личные мотивы. Поэтому я бы хотел привести слова, если так можно сказать, непредвзятого человека, русского писателя Ивана Бунина, который был в Витебске проездом немного времени. Вот отрывок из романа Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева».

«В Витебск я приехал к вечеру. Вечер был морозный, светлый. Всюду было очень снежно, глухо и чисто, девственно, город показался мне древним и нерусским: высокие, в одно слитые дома с крутыми крышами, с небольшими окнами, с глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах. То и дело встречались старые евреи в лапсердаках, в белых чулках, в башмаках, с пейсами, похожими на трубчатые, вьющиеся бараньи рога, бескровные, с печально-вопросительными, сплошь тёмными глазами. На главной улице было гулянье - медленно двигалась по тротуарам людская толпа полных девушек, наряженных с провинциальной еврейской пышностью в бархатные толстые шубки, лиловые, голубые и гранатовые. За ними, но скромно, отдельно шли молодые люди, все в котелках, но тоже с пейсами, с девичьей нежностью и округлостью восточно-конфетных лиц, с шелковистой юношеской опушкой вдоль щёк, томные с антилопьими взглядами...

Я шёл, как очарованный, в этой толпе, в этом столь древнем, как мне казалось, городе, во всей его чудной новизне для меня...»

Говоря о Витебске, нельзя не сказать, что это был многонациональный город, где жили и евреи, и русские, и белорусы, и поляки, и латы-

ши, и немцы, и татары, и цыгане. И каждый народ, каждая культура, развиваясь, хоть маленький отпечаток, но накладывала на соседнюю культуру. Это был космополитичный город. И, безусловно, всё это отразилось в сознании ребёнка, в сознании юноши, и позднее нашло своё отражение в его творчестве. Картины Шагала невозможно представить без луковок Ильинской церкви, которую он видел из окна родительского дома. Старый еврей с торбой и клюкой пролетает над православной церковью. Или разносчик газет, тоже старый витебский еврей, стоит на фоне костёла Святого Антония.

Витебск невозможно представить без синагог, церквей, костёлов. В архитектурном отношении это был просто знаменитый город. Его украшали более шестидесяти христианских храмов, православных, католических, лютеранских, столько же синагог и молитвенных домов. Знаменитая Заручевская синагога... Знаменитые витебские канторы. Нахбо выступал на конкурсах канторского мастерства в Лондоне и Минске. Послушать литургию в Йом-Кипур в синагогу приходили и верующие, и атеисты, и евреи, и не евреи.

В 1997 году к 110-летию со дня рождения Марка Шагала в Витебске наконец-то решили открыть музей, который в процессе создания назывался «Родительский дом Марка Шагала». Над проектом работал опытный художник Юрий Черняк, сделавший много музеев. На его счету были музеи Владимира Ильича Ленина, Музеи боевой и трудовой славы, районные краеведческие музеи. Так что специфику он знал хорошо. Но вот с Марком Шагалом случилась небольшая загвоздочка. Не был похож художник на героев предыдущих музеев. В декабре 1996 года, то есть за полгода до открытия музея, авторскую группу решили срочно расширить. Так я оказался привлечённым к этой работе. Было совершенно ясно, что нашими главными помощниками станут картины художника и его книга «Моя жизнь». Надо было только идти вслед, не давая слишком большого простора фантазии и выдумке.

Родительский дом не мог стать мемориальным музеем. К сожалению, почти ничего не осталось с того времени, когда на Покровской жили Шагалы. Да, сам дом сохранился. Если не в первозданном виде, то хотя бы в общих очертаниях, наверное, только благодаря Богу.

Во время войны Витебск был разрушен практически до основания, или, другими словами, до фундаментов. Я встречался со многими людьми, которые вернулись в Витебск сразу после освобождения, летом 1944 года. Их встретили горы битого кирпича, спинки от кроватей и... голодные волки, которые чувствовали себя хозяевами на этом поле воспоминаний.

Дом, в котором жили Шагалы, а в последние предвоенные годы мои однофамильцы, а может и родственники – Шульманы, остался цел. Он пережил своих хозяев, которые погибли, скорее всего, в гетто. По соседству с Шагалами-Шульманами до войны жила семья Мейтиных. Зяма Мейтин вернулся с фронта и на месте своего дома увидел пепелище. И тогда он вселился в пустующий «шагаловский» дом. Вернее, домом это было трудно назвать. Стояла кирпичная коробка. Но Зяма был человеком с руками. Он сделал крышу, потолок, настелил пол, поставил дощатый коридор, и дом ожил. Зяма жил здесь до 1997 года. Ему часто надоедали, особенно с конца восьмидесятых - начала девяностых годов, любители творчества художника, а то и просто любопытные зеваки. Шагаломаны приезжали группами и по одиночке, просились в дом: посмотреть, какой он изнутри, и даже интересовались чем там, извините, пахнет.

Когда мы работали над созданием экспозиции, много времени провели в Петербурге в Музее этнографии. Пришли к выводу, что быт городской семьи, еврейской и христианской, конечно же, отличался друг от друга, но в конце XIX — начале XX века это уже не были разительные отличия. Например, отличались вещи, указывавшие на конфессиональную принадлежность. В еврейской семье на восточной стене висел мизрах, мезуза крепилась на дверном косяке.

Были отличия в планировке домов. У евреев часто комната, выходящая на улицу, отдавалась под лавку или мастерскую. Это не было связано с конфессиональными или национальными особенностями. Среди ремесленников, мелких торговцев, так сложилась история, в черте оседлости преобладали евреи. И чтобы им удобнее было торговать или работать, чтобы заказчику или клиенту не надо было идти через весь дом, мастерскую или лавку располагали в комнате, выходящей на улицу. Поэтому о домах с такой планировкой говорят «еврейские». Такой дом

B **7**2017

был у Шагалов на улице Покровской в Витебске.

Но даже в таких, казалось бы, очень национальных вещах, как кулинария, как мода на одежду, всё ощутимей чувствовалось взаимопроникновение культур.

Долгое время шли споры, где родился Шагал: в Витебске или местечке Лиозно, которое находится в сорока километрах от города по направлению к Москве. Думаю, для самого художника это большой роли не играло, а важно сегодня для историков, искусствоведов. В своё время адрес, где родился художник, был важен для политиков. Шагал ни разу в своей жизни не высказался по поводу политического строя в Советском Союзе. Более того, финансово помогал французской компартии и был дружен с её Генеральным секретарём Морисом Торезом. Но в Советском Союзе его считали буржуазным, антисоветским художником. Не могли простить, что он был эмигрантом. Кстати, Шагал однажды сказал: «Ненавижу это слово — эмигрант». Но не то что восхвалять творчество эмигранта, а просто объективно к нему относиться в те годы требовало огромной смелости.

Не могли простить Шагалу витражей, сделанных для израильского Кнессета и синагоги при больнице «Хадаса». Утверждали, что он пособник сионизма. О том, как тупо уничтожалось в Советском Союзе всё, что было связано с именем Марка Шагала, можно рассказывать долго.

Под эту марку борьбы с Шагалом место его рождения упорно пытались из Витебска перенести в Лиозно. Было у биографа Шагала Тугенхольда написано, что он родился в Лиозно. Сделано это при жизни художника. И коль он не исправил, значит, был согласен. Такая логика была у тех, кто утверждал, что Шагал родился в Лиозно. Для чего это надо было противникам Марка Захаровича, мне трудно сказать, поскольку наши головы «заведены разными ключами». Возможно, чтобы не было паломничества в Витебск, где сохранился домик на Покровской, чтобы не устраивались стихийные митинги, демонстрации. До Лиозно было добраться тяжелее, да и в посёлке легко разогнать любую демонстрацию — мало свидетелей.

Чего добились противники Марка Шагала — известно. Они сделали это имя символом инакомыслия и только усилили интерес к нему. Сам художник к этому никакого отношения не имел.

И Витебск, и Лиозно он считал своей родиной. И его знаменитое стихотворение «Высокие врата» в одинаковой мере относится и к Витебску, и к Лиозно.

Отечество моё — в моей душе

Вы поняли?

Вхожу в неё без визы. Когда мне одиноко – она видит. Уложит спать. Укутает, как мать. Во мне растут зелёные сады. Нахохленные скорбные заборы. И переулки тянутся кривые. Вот только нет домов. В них – моё детство. И, как оно, разрушились до нитки. Летят по небу бывшие жильцы. Где их жильё? В моей душе дырявой. Вот почему я слабо улыбаюсь, Как слабенькое северное солнце. А если плачу – это плачет дождь. Бывало -Две головы я весело носил, Бывало – Те обе головы мои смеялись, Накрытые любовным одеялом... Ах, умерли, как резкий запах розы! Мне кажется, я всё иду к Вратам, Иду вперёд, даже идя обратно, – Передо мной высокие Врата. Врата – это распахнутые стены, Там громы отгремевшие ночуют И молнии расщеплено трещат.

Сейчас многие историки искусства, биографы, краеведы изощряются в научных изысканиях: вот здесь Шагал стоял, вот здесь сидел. Думаю, для Шагала понятие Витебск не только географическое, это состояние души, это ностальгия по молодости, по юношеским мечтам, ностальгия по миру, в котором он вырос и который стремительно ушёл, исчез, как песок сквозь пальцы. Это был мир, когда последние годы доживали длиннобородые старики и покосившиеся домики, когда вот-вот в мир должен был ворваться революционный вихрь и мир находился в оцепенении, как природа находится в оцепенении перед грозой.

Для Шагала понятие Витебск это и филологическое, когда язык идиш был не только языком общения, на котором просили отсрочки долгов, объяснялись в любви, обманывали соседей, пели

колыбельные, идиш был языком, который заполнял всё окружающее пространство. Посмотрите на картины Шагала. Кажется — ещё секундочка, и с уст персонажей сорвутся слова, которые с детства ласкали его слух. Посмотрите на картины художника, у него не только люди, у него коза и корова говорит на идише.

Понятие Витебск у Шагала — культурологическое. Это воспоминание о танцах его бабушки, о песнях, которые он слышал в детстве. Эти песни ушли в небытие вместе с людьми, которые их пели.

Это воспоминание о странствующих проповедниках-магидах и еврейских солдатах, которых на субботу родители Шагала брали в свой дом, чтобы накормить и обогреть.

Витебск Шагала — есть такой город на географической карте, и в тоже время такого города нет. Потому что он родился в голове у художника. Это плод его фантазии. Это целая Вселенная. И в ней и Витебск, и Лиозно — это единое целое. Потому что для Шагала Витебск, и больше скажу, Родина — это понятие не географическое. Это юность, это надежда, это мечта.

Может, поэтому на картинах художника люди летают. Может, поэтому на картине «Здравствуй, Родина» Шагал с букетом цветов, обогнув солнце, возвращается к себе, назад в молодость, ко вросшим в землю домишкам. Картина написана в 1953 году. Ни о каком приезде в Советский Союз речи быть не могло. Но художнику не надо было никуда ехать, чтобы повстречаться со своей Родиной. Она была в его памяти.

В детстве Шагал часто бывал в местечке Лиозно у своей многочисленной родни. И этому времени, и местечку он многим обязан. Здесь художник не только узнал местечковый быт, но и глубоко узнал еврейскую культуру, познакомился с бытом белорусских крестьян, познакомился с белорусской культурой. Это очень серьёзно сказалось на его творчестве.

В автобиографической книге «Моя жизнь» Шагал превосходно описывает свои приезды, родню. Процитируем некоторые абзацы из этой книги: «Как я любил приезжать в Лиозно, в твой дом, пропахший свежими коровыми шкурами! Бараньи мне тоже нравились. Вся твоя амуниция висела обычно при входе, у самой двери: вешалка с одеждой, шляпами, кнутом и всем прочим смотрелась на фоне се-

рой стенки, как какая-то фигура — никак не разгляжу её толком. И всё это мой дедушка».

Он был и мясником, и торговцем, и кантором... Странное сочетание. Впрочем, дед Мендель хорошо знал, что для людей, а что для Бога.

«В хлеву стоит корова с раздутым брюхом и смотрит упрямым взглядом. Дедушка подходит к ней и говорит: «Эй, послушай, давайка свяжем тебе ноги, ведь нужен товар, нужно мясо, понимаешь?». Корова с тяжёлым вздохом валится на землю... Дед отделяет потроха, разделяет шкуру на куски. ...Вот это ремесло у человека! И так каждый день: резали по дветри коровы, местный помещик, да и простые обыватели получали свежую говядину».

Как-то раз дед Мендель наткнулся на рисунок Марка, изображавший обнажённую женщину, и отвернулся, как будто это его не касалось, как будто звезда упала на базарную площадь и никто не знал, что с ней делать.

«Тогда я понял, — писал Марк Шагал, — что дедушка, так же как моя морщинистая бабуля, и вообще все домашние, просто-напросто не принимали всерьёз мое художество (какое же художество, если даже не похоже!) и куда выше ценили хорошее мясо».

Этот странный и непонятный для окружающих дед был близок и дорог Марку. И, наверное, именно он подсказал художнику отличное место для персонажей его картин: на крыше, рядом с печной трубой, близко к звёздам и Богу и далеко от суетливых и всем недовольных людей.

«Был праздник: Суккот или Симхас-Тора.

Деда ищут, он пропал.

Где, да где же он?

Оказывается, забрался на крышу, уселся на трубу и грыз морковку, наслаждаясь хорошей погодкой. Чудная картина.

Пусть кто хочет с восторгом и облегчением находит в невинных причудах моих родных ключ к моим картинам.

Меня это мало волнует. Пожалуйста, любезные соотечественники. Сколько душе угодно».

Воспоминания о странном деде Менделе всю жизнь согревали и ласкали душу художника. А может быть, Марк Захарович узнавал в себе черты характера своего деда. В шестидесятых годах, живя на юге Франции, художник рисует «Домик в деревне».

B **7**2017 11

...Лиозно. На печную трубу забрался странный дед. Его ищут, зовут. Но он думает о вечном, и ему не до мирской суеты.

Я вспомнил о шагаловском дедушке однажды в Иерусалиме у Стены Плача.

...Человек молился так громко, что казалось, пытался перекричать весь шумный и многоликий город. Человек входил в экстаз и начинал кричать ещё громче. Я не стал у него спрашивать, почему он молится так громко. Думаю, это обидело бы его, он не ответил бы мне. А ответ я знал без него.

Чтобы Всевышний лучше услышал.

Может, и шагаловские скрипачи хотели, чтобы их лучше слышал тот, для кого они играли божественные мелодии. Кто знает?

чем только территориально-географическое. Местечко — это культура, быт людей, их психология.

В центре местечка-штетла, и в прямом и в переносном смысле, всегда находились синагога, рыночная площадь и дом. Синагога следила за моралью и давала знания. Рыночная площадь приносила работу, и формировало общественное мнение. Дом, семья, дети — это то, ради чего жили люди.

Штетлы родили совершенно оригинальную, неповторимую культуру, в которой одновременно присутствуют, казалось бы, несовместимые вещи: глубокое знание текстов священных книг и какая-то абсолютная наивность, практицизм, доходящий до мелочности, и совершеннейший абсурд, смех и слёзы, гипертрофированный ме-

Часто можно услышать словосочетание «Шагал — певец еврейского местечка». Что же такое еврейское местечко, штетеле, говоря на идише, что это за феномен, откуда и когда появился и куда исчез?

В польском языке «мястэчко» — это поселение полугородского типа, то есть ещё не город, но уже и не деревня.

Представители местной знати с начала XVII века разрешали евреям селиться в своих селах и городах. Евреи были старательными и аккуратными работниками. Жизнь научила их быть практичными, понимать толк в коммерции. И, что немаловажно, вновь прибывающие люди покорны и покладисты. Многие из таких населённых пунктов постепенно превращались в еврейские городки — «штетлы», большинство жителей которых занимались арендой помещичьих садов и огородов, скупкой сельхозпродуктов, коробейничеством, различными ремёслами.

Штетлы — это целый мир, аналога которому в истории нет. Это понятие гораздо более широкое,

стечковый патриотизм (наше местечко лучшее в мире!) и желание подражать моде больших городов. Всё это видно в работах Марка Шагала.

Если верить статистике, то в Лиозно в 1880 году проживало 1536 жителей, из них евреи составляли около 65 процентов. А точнее 997 человек. Включая, естественно, и многочисленную семью Шагалов. В местечке было 4 еврейских молитвенных дома и еврейское училище. Из 216 деревянных домов 135 принадлежало евреям. В местечке было 25 деревянных лавок.

Что мы знаем о пращурах Марка Шагала? Судя по фамилии, семья эта имела древние корни, и её родословная уходит далеко вглубь времён. Фамилия Сегал, Шагал образована от ивритских слов «сган Леви», то есть принадлежит к колену Леви. Из этого колена были служители Храма: певчие, музыканты, стража...

Когда-то Шагалы жили в местечке Слуцк недалеко от Минска. Хаим-Айзик Сегаль, сын Исаака, родился в Слуцке на рубеже XVII—XVIII веков. Он приходился Марку прадедом.

В 1928 году в беседе с корреспондентом газеты «Ди идише велт» («Еврейский мир», выходила в Литве) Марк Шагал вспоминал: «Лёжа на кипе газет в пустом театре и глядя с пола в потолок, я молил своего прадеда, расписавшего синагогу, подарить моей кисти хоть каплю еврейской подлинности».

(Еврейское искусство Λ итвы XVII— XX вв. Каталог выставки. — Вильнюс, 1988 г., стр. 27).

«И что за разница, собственно, между моим хромым могилёвским прадедом Сегалом, который расписал могилёвскую синагогу, и мной, который расписал еврейский театр (хороший театр) в Москве? — писал Марк Шагал в эссе "Листки" ("Блетлах"), напечатанном в журнале "Штром"».

(Берлин, 1922, № 1, идиш, цитируется по книге «Семь сорок». — Минск, «Европейское время», 1992 год, стр. 109).

«Поверьте мне, у нас обоих осталось немало вшей, пока мы валялись на полу в синагогах и театрах. К тому же я уверен, что, если меня побрить, вы увидите в точности его портрет... Разница только в том, что он был самоучкой, а я учился в Париже, откуда он тоже получил весточку».

Правда, временной фактор смущает. Разница между прадедом Хаимом-Айзиком и правнуком Марком Захаровичем в двести лет. Возможно, что в то время на еврейской улице ещё жили библейские богатыри, для которых возраст не был помехой для рождения детей. Но я предполагаю, что это был не прадед, а прапрапрадед. В языке идише нет слов ибериберэйникул (то есть праправнук), а есть иберэйникул (правнук), так именуют всех потомков. И Марк слышал дома, что он иберэйникул, и сделал кальку на русский язык — правнук.

Что мы ещё знаем о прадеде великого художника? В своё время он был известен не только в Беларуси, и не только в еврейском мире. О нём ходили легенды. В этом нет ни капли преувеличения. Говорят, он расписывал синагоги в Могилёве, Капустянах, Долгинове и других городах и местечках. Когда заканчивал свою работу в Могилёве, упал с лесов и разбился. Но аналогичные истории вам могли бы рассказать и в Капустянах, и в Долгинове. Причём утверждали бы, что этот трагический эпизод произошёл именно в их местечке. История мировой культуры знает немало таких легенд. И складывались они о необычайно талантливых людях, создавших великие творе-

ния. Люди не верили, что можно создать что-то лучшее. Они считали, что автор спел лебединую песню и его дальнейшая жизнь бессмысленна.

Синагога в Капустянах была сожжена, судя по всему, в Первую мировую войну. Синагога в Долгинове погибла в огне ещё в XIX веке.

Отец художника Лазаря Лисицкого рассказывал сыну, что помнит гигантскую фреску, украшавшую долгиновскую синагогу. На ней были изображены похороны Якова. Колесницы, лошади, дети Якова, пейзажи Египта и т. д. Но, судя по отзывам очевидцев, венцом творений Хаима-Айзика Сегала стала расписанная им могилёвская синагога.

В начале прошлого (ХХ — А.Ш.) века два замечательных художника Э. Лисицкий и Н. Рыбак, много слышавшие о могилёвской синагоге, решили своими глазами посмотреть на это чудо. Потом Э. Лисицкий написал «Воспоминания о могилёвской синагоге» (Подписана Э.Л., Берлин, 1923 г., журнал «Римон-Милгройм», изд. на иврите и идише. Иллюстрирована фрагментами росписей синагоги): «Это было нечто особенное, подобно тому сюрпризу (из запасов моей жизни), когда я впервые посетил Римскую базилику, готическую часовню, барочную церковь в Германии, Франции и Италии; или как детская кроватка с изящно вышитым покрывалом, бабочками и птицами, в которой внезапно просыпается инфант в окружении брызг солнца; так ощутили мы себя внутри синагоги.

Стены, высеченные лесенкой, из дубовых брёвен. Над ними потолок, как общитый деревом шатёр. Все заклёпки на поверхности, никакого обмана, никаких иллюзий... Интерьер синагоги расписан от спинок скамеек вдоль стен по всей их длине и до самой верхушки шатра...

Откуда это пришло? Сегал, мастер своего дела, с вдохновением пишет в своих заметках: "...долго я ходил (путешествовал) по свету..."

Эпицентром всего строения является потолок. На западной стороне над входом расположены гигантские львы, а под ними павлины. Львы держат две таблички с надписями, причём на нижней мастер оставил память о себе. На треугольных северной и южной плоскостях шатра в форме фриза расположены подводные и наземные хищники с добычей. Сверху, в небе, звёзды рассыпаются в виде цветов. Птица в воде

₿ **72**017

хватает рыбу. На земле лиса несёт в зубах птицу. Медведь лезет на дерево в поисках мёда. Птицы несут в клювах змей. Летящие и бегущие фигуры в действительности являются людьми. Сквозь зверей и птиц они смотрят человеческими глазами. Это замечательная черта еврейского народного искусства. Разве не видно лицо раввина в изображении льва среди знаков Зодиака из росписи могилёвской синагоги?

Над фризом возникает объёмный, совершенный линейный орнамент, охватывающий кольцом весь потолок. Далее кверху орнамент восточного типа, представленный подобно мавританскому, сложным переплетением ветвящихся полос. Этот мотив использовали Леонардо да Винчи и его школа. В Милане и Кастелло я видел комнату, потолок которой был украшен подобным ленточным орнаментом, создание которого приписывают Леонардо.

Ещё выше в ряд расположены двенадцать знаков Зодиака в соприкасающихся кругах. Знаки Зодиака необычны, некоторые очень лаконичны и выразительны. Стрелец, например, одной рукой держит лук, другой — натягивает тетиву. Эта рука, по Библии, — твёрдая, карающая рука. В самом центре шатра — венчающий всё трёхглавый орёл, смесь польского и русского орлов.

На восточной стороне, над священной аркой — снова львы, но здесь они держат таблички с Законом. Свисающие с них жертвенные птицы охватывают священную арку. По бокам — две панорамы. Слева, на северной стороне, — воображаемый образ чудища; проклятый город в когтях дракона, а также древо жизни. На другой — северо-западной стороне — Иерусалим и древо познания.

На треугольной панели, закрывающей переход от стены к потолку, на северо-западной стороне, изображён легендарный дикий бык. На северо-восточной — дикий козёл; на третьей плоскости, на юго-востоке, — Левиафан; на четвёртой на юго-западе, — слон с седлом на спине.

На стенах изображены таблички с надписями, священные предметы из Храма царя Соломона, орнаменты, различные живые существа.

На всех 4-х стенах имеются окна, расположенные предельно высоко. Солнце, перемещаясь по кругу, с каждым часом меняет характер освещения, создавая на стенах и, особенно на покатых частях потолка различные световые эффекты. Таким образом, всё творение погружено в непре-

рывную игру света: краски, при всей их прозрачности, очень плотные: от самых "тяжёлых" тонов — охры, свинцовых белил, киновари и зелёного, до "легчайших" — голубого и фиолетового».

(Ж-л «Техническая эстетика», № 7, 1990 г. Перевод и публикация А.С. Канцедикаса, стр. <math>8-9).

Деревянная синагога на могилёвском Школище была построена около 1680 года. Роспись интерьера в 1710 году выполнил Хаим-Айзик, сын Исаака, из Слуцка.

История синагоги такова. Благодаря Грамоте короля Жигимонта Третьего от 1626 года могилёвским евреям разрешалось жить только за городом в местности под названием Школище. Тут и была построена деревянная синагога. В 1646 году король Владислав Четвёртый подтвердил эту Грамоту. В 1654 году русский царь Алексей Михайлович, захвативший Могилёв, обязал евреев покинуть Школище и переселиться в Польшу. Но по дороге, в Могилёвском предместье Печёрске, их почти всех перебили стрельцы. Однако со времён Жигимонта и до сталинской эпохи стояла старая деревянная синагога.

В 1938 году её разрушили, вернее сказать, разобрали по брёвнам. Брёвна нисколько не прогнили, их распилили и пустили на срубы для колодцев. Наверное, в тех колодцах потом была «святая вода».

В 1940 году на Выставке белорусского искусства в Москве демонстрировались карандашные рисунки витебского художника Израильского, сделанные в могилёвской синагоге, расписанной прапрапрадедом Шагала. Не знаю, почему власти разрешили демонстрировать эти рисунки, но в одном я убеждён: они ни грамма не раскаивались в уничтожении уникальной синагоги.

По утверждению многих историков и краеведов, Сегалы переехали из Слуцка в Лиозно в начале XVIII века, в то время, когда Хаим-Айзик был в почёте, получал заказы на росписи синагог. Почему он переехал в Лиозно, можно догадываться. По одной из версий, чтобы быть ближе к хабадскому цадику Шнеуру-Залману. Может, был преданным приверженцем основоположника ХАБАДа, или, будем прозаичнее, ему обещали отдать под роспись синагогу в Лиозно, в Витебске, в соседних местечках. Он решил, что работы здесь хватит на много лет, и перебрался с семьёй. Что-то не получилось с заказом. Но семья осталось в Лиозно. Но это только версия.

Аиозно связано с жизнью первого любавичского раввина, основоположника ХАБАДа Шнеура-Залмана. В местечке ХАБАД был очень силён. Родители, деды и прадеды художника были ревностными хасидами, и психология этого религиозного учения не могла не оказать влияния на будущего художника, хотя он порой очень иронично относился к этому.

Давайте вспомним, как зарождался хасидизм. На Украине разгул хмельнитчины. Вырезаются целые местечки, льётся кровь. И как ответ на это — хасидизм, провозгласивший, что вера в Бога должна приносить людям радость. Вдумайтесь, какое страшное время, и вдруг слова о радости. Но в еврейской истории многое можно объяснить только словом «парадокс».

Может, радостные краски шагаловских работ, его сказочность — это тоже ответ на безрадостную жизнь в диаспоре.

Дед Марка Захаровича Мордух-Давид преподавал в местном хедере — начальной еврейской религиозной школе — и был очень уважаемым в местечке человеком. Позади хедера располагалась синагога, где Мордух-Давид, имел почётное место у восточной стены. Такой почёт оказывали или самым богатым людям, жертвовавшим на синагогу деньги, или самым учёным, знатокам Торы и Талмуда.

Мордух-Давид умер, едва перевалив за шестьдесят лет, в 1886 году, когда родители художника только поженились. О нём в сво-их воспоминаниях Марк Захарович писал: «Не знаю, долго ли он учительствовал. Говорят, пользовался всеобщим уважением. Он похоронен близ мутной, быстрой речки, от которой кладбище отделяла почерневшая изгородь. Под холмиком, рядом с другими "праведниками", лежащими здесь с незапамятных времён.

Буквы на плите почти стёрлись, но ещё можно различить древнееврейскую надпись: "Здесь покоится..."

Бабушка говорила внуку: "Вот могила твоего деда, отца твоего отца и моего первого мужа".

Плакать она не умела, только перебирала губами, шептала: не то разговаривала сама с собой, не то молилась. Я слушал, как она причитает, склонившись перед камнем и холмиком, как перед самим дедом; будто говорит в глубь земли или в шкаф, где лежит навеки запёртый предмет:

— Молись на нас, Давид, прошу тебя. Это я, твоя Башева. Молись за своего больного сына Шатю, за бедного Зусю, за их детей. Молись, чтобы они всегда были чисты перед Богом и людьми».

На лиозненском кладбище похоронена и бабушка художника, мама его мамы. Марк Захарович никогда её не видел. Она умерла совсем молодой в первое полнолуние еврейского Нового года, после поста, накануне праздника Иом-Кипур в 1886 году от болезни сердца.

В Лиозно сохранились остатки старого еврейского кладбища. Правда, нет вокруг ни ограды, ни забора. Кладбище заросло кустарником и бурьяном. И давно за ним никто не следит. Сиротливо стоят одинокие надгробья. Большинство памятников разобрали и растащили ещё в годы войны и сразу после неё. Они пошли на фундаменты домов. На зелёных холмиках растёт картошка. И давно уже не найти могил шагаловской родни.

С другой бабушкой — Басевой, мамой отца, художник дружил и часто вспоминал эту женщину. «С бабушкой мне всегда было проще. Невысокая, щуплая, она вся состояла из платка, юбки до полу да морщинистого личика.

Ростом чуть больше метра...

Овдовев, она, с благословения раввина, вышла замуж за моего второго деда, тоже вдовца, отца моей матери. Её муж и его жена умерли в тот самый год, когда поженились мои родители».

На кухне Басева становилась волшебницей. Умела готовить так, что её обеды запоминались на всю жизнь. Как жаль, что не сохранилось этих рецептов. Уже в зрелом возрасте Марк Шагал вспоминал: «Бабушка всегда кормила меня каким-то по-особому приготовленным — жареным, печёным или вареным — мясом. Каким? Не знаю толком».

Её второй муж — дедушка Марка по материнской линии Мендель Чернин. О нём говорили, что полжизни он провёл на печке, четверть — в синагоге, остальное время в мясной лавке. Особенно не обременял себя работой, но, судя по всему, был добрым и богобоязненным человеком, который жил по справедливости и никогда никого не обманывал. Марк его очень любил и писал о нём с уважением: «Почтенный старец с длинной чёрной бородой».

Думаю, что именно в Лиозно Шагал ближе познакомился с еврейской традицией, с еврейским искусством.

B 72017 15

Родители Марка — Хацкель Шагал и Фейга-Ита Чернина были двоюродными братом и сестрой. Подобные браки были довольно распространённым явлением среди восточноевропейских евреев. Хацкель и Фейга-Ита с детства хорошо знали друг друга. Когда подошло время жениться, двух мнений ни у Шагалов, ни у Черниных не было. Хацкель и Фейга — отличная пара.

Молодые во все времена оставались молодыми. Даже если сейчас это очень трудно представить. Их тянет в большие города, им хочется быть в центре событий, там, где делается жизнь. Хацкель и Фейга-Ита переезжают в Витебск.

Для Шагала мама была не только доброй, заботливой, мудрой. Он писал: «...я хотел бы сказать, что в ней таился мой талант, через неё мне всё передалось, за исключением её характера».

Она была маленького роста, меньше полутора метров. Быстрая, подвижная. Никогда не устававшая. Знала ответы на все вопросы. Женщина, которая нигде не училась. Муж подчёркивал ногтём место в сидуре, где надо на Йом-Кипур плакать. К ней приходили за советами сёстры, соседи. И всем она уделяла время, и советы были нужными, полезными.

В семье, кроме старшего Марка, было ещё восемь детей. Одна девочка умерла в детстве. Семья большая. Но Фейга ещё успевала заниматься, говоря сегодняшним языком, мелким бизнесом. В доме была бакалейная лавка, где продавались товары первой необходимости: соль, спички, крупа, селёдка. Фейга занималась и доставкой товара, и бухгалтерией.

Отец — рабочий на рыбном складе, для приличия эту должность называли «приказчик». Таскал тяжеленные бочки, руки по локоть были в селёдочном рассоле. И получал за это «копейки». Марк Захарович писал: «До самых последних лет он зарабатывал какие-то жалкие 20 рублей. Небольшие чаевые покупателей едва позволяли нам сводить концы с концами».

Марк Захарович несколько прибедняется. Потому что существенной добавкой к семейному бюджету был заработок, который приносила лавка, и жильё, которое они сдавали в аренду. Сначала у Шагалов на Покровской был один кирпичный дом, а потом появилась целая усадьба. К кирпичному дому прибавилось ещё три деревянных. И по налоговым документам семья Шагалов была уже по достатку пятой на улице, которая находилась рядом с рыночной

площадью. Жили здесь, особенно в начале улицы, далеко не бедные люди.

Отец был религиозным человеком. Каждое утро он непременно начинал с похода в синагогу, утренней молитвы, затем возвращался, пил чай и уходил на работу.

«Отец... был святой еврей. У него обильно в синагоге лились слёзы из глаз — и он оставлял меня в покое, если я с молитвенником в руках глядел в окно...»

(М. Шагал «Памяти М.М. Винавера, «Рассвет». — Париж, 1926, № 43, стр.11).

А каждую пятницу, когда приходил шаббат, в доме повторялась одна и та же сцена. Отец приходил с работы уставший. Доставал из карманов леденцы, порой они были со следами махорки. Мылся, одевал белую рубашку и садился за праздничный стол. Он начинал читать молитву. И минут через десять засыпал. Клал голову на стол. И молитву продолжала мама. А потом она рассказывала детям разные истории, хасидские притчи, те, что слышала в детстве от своих родителей.

Всё услышанное в детстве плотно укладывается в памяти. Позднее Шагал напишет: «От входа на кладбище я бегу к её могиле плакать. Здесь моя душа. Ищите меня здесь, вон я, здесь мои картины, моё рожденье. Грустно! Вот её портрет. Мы с ней похожи».

Знаменитые шагаловские слова «Здесь осталась моя душа», которые почему-то считают обращёнными к Витебску, были сказаны на могиле мамы.

Мама умерла сравнительно молодой, в 1915 году. Отец, пробыв год в трауре, как и положено по еврейскому закону, женился на сестре своей жены. Сам Хацкель погиб в начале двадцатых годов в Витебске от нелепейшего случая. Он попал под колёса машины. Это была одна из первых машин в городе.

Будущий художник в детстве особыми способностями не блистал. Учился плохо. Не хотел ходить в хедер, потом из-под палки ходил в ремесленную школу.

«Ведь, в сущности, учиться я не могу. То есть, вернее, меня научить не могут. Недаром я учился ещё и в городском училище, с общепринятой точки зрения, скверно. Я беру лишь внутренним своим чутьём. Вы понимаете? В общие школьные теории не укладываюсь.

Посещение мною школ носило скорее характер приобщения и ознакомления, чем насильственной учёбы».

(Шагал М. Мои учителя. Бакст. «Рассвет». — Париж. 1930 г., № 18, с. 6—7).

Шагал не отличался физической силой, да к тому же заикался. И одноклассники, да и соседские дети часто дразнили его, а то, бывало, и навешивали подзатыльников. Но в школьной программе было два предмета, которые у Марка получались легко, по которым он хорошо успевал: геометрия и черчение.

Родители Марка мечтали, чтобы их сын выучился и стал врачом или инженером. Ещё им нравилась профессия бухгалтера. Всегда ходит в чистом, с нарукавниками и не надрывается, перетаскивая бочки. Если не удастся выучиться на бухгалтера, то, в крайнем случае, хорошо бы занять место приказчика. Это были престижные профессии. Сам Шагал в раннем детстве мечтал стать скрипачом или танцором. Он даже пробовал себя в качестве кантора в синагоге. Но из него не получился ни скрипач, ни кантор.

А ещё Шагал очень любил рисовать. Когда ему в руки попался журнал «Нива», он перерисовал все фотографии из него.

Однажды Марк ехал на трамвае и увидел вывеску на жести. На синем фоне белой краской были написано «Школа живописи и рисунка художника Пэна». Рядом висели другие вывески «Булочная и кондитерская Гуревича», «Табак, разные табаки», «Овощная и зелёная лавка», «Аршавский портной». Каждая из этих вывесок выглядела, как писал сам Шагал, «а штыкел гешефт» (куском бизнеса — идии). Но его взор остановился именно на той, единственной, которая никак не сулила обеспеченной жизни, на той, что привела его к лаврам и терновому венцу художника.

Шагал, не такой уже и мальчик, ему в 1906 году, когда происходили эти события, было 19 лет, прибежал домой и сказал маме: «Спаси меня, мамочка. Пойдём со мной. Ну, пойдём! В городе есть такое заведение, если я туда поступлю, пройду курс, то стану настоящим художником. И буду так счастлив!».

Мама в это время пекла хлеб. Услышав эти слова, она выронила из рук длинную лопатку, на которой сажала тесто в печь, и переспросила: «Художником? Ты спятил. Не мешай мне печь хлеб...»

Вспоминая эти дни, Марк Шагал напишет: «Я узнал о Пэне, когда ехал на трамвае, спускавшемся с Соборной площади, и успел прочитать вывеску. На синем фоне белыми буквами: «Школа рисования Пэна». Ах, подумал я, какой интеллигентный город наш Витебск! И тогда я решил познакомиться с мэтром».

Марк был настырным. И, несмотря на то, что учёба стоила не малых денег, ему выделили пять рублей, или, вернее сказать, отец швырнул пять монет, которые раскатились по всему дому, а мама побежала к Пэну и задала ему несколько потрясающих вопросов: «Пожалуйста, скажите, что это за дело живопись? Не так плохо?». И ещё она спросила: «Скажите, художник это тоже профессия?».

Было устойчивое мнение о художниках. Например, хозяин, у которого в молодости работал художник Юдель Пэн — первый учитель Марка Шагала, однажды посмотрев его работы, сказал, что надо немедленно выбросить из головы всяких «человечков» и не воображать себя художником. Что это не пристало настоящему хасиду. Он был уверен, что «все художники пьяницы, голодранцы и умирают от чахотки или сходят с ума».

Многие еврейские художники, в том числе Аскназий, Антокольский, Маймон преодолевали сопротивление родителей, пытавшихся обратить художественное дарование их детей в респектабельное ремесло.

Как дома относились к занятиям Марка? Для мастерской ему выделили лежанку на русской печке — пространство полтора на полтора метра, где можно рисовать лежа. Рисунки сёстры забирали и, когда мыли пол, застилали ими комнаты, как ковриками, чтобы не натоптали.

На ранних рисунках Марка — семья, мать провожает отца на работу, отец пьёт чай, отец на работе...

Пока Марк, вслед за учителем Пэном, является бытописателем. И отец стоит на земле, и вся семья сидит, как на фотографии, и никто пока не летает. И нет на рисунках карнавала, в котором принимают участие конкретные люди и выдуманные персонажи, животные и птицы, дома и фонарные столбы, солнце и луна. И если кто-то и стоит на голове, то это пока сам художник, и то, как бы сглаживая эту неестественность, внизу появляется подпись «Я сумасшедший».

₹ 17

На личности Юделя, или Иегуды, или Юрия Пэна остановимся подробнее. Не было бы его, не было бы и Шагала, и других больших художников.

Родился в маленьком местечке Ново-Александровске (ныне Зарасай, Литва), в беднейшей семье. Первый карандаш купил, когда подобрал пятак, обронённый пьяным солдатом. Учился, как и все еврейские мальчики, в хедере у несчастного меламеда, который больше думал о том, как заработать на кусок хлеба, чем о том, как выучить детей. У Пэна есть работа «Родительский дом». Достаточно посмотреть на неё, чтобы представить себе, как жили люди в штетлах.

Юдель Пэн работал помощником маляра и всё время рисовал. Его заметил студент Петер-бургской Академии живописи Борух Гиршович, который бывал на каникулах в Двинске (Даугавпилс). Он посоветовал поступить учиться в Академию. Пэн поехал в Петербург, но его ждала неудача. Абитуриент даже толком не знал русского языка. Он остался в столице, много занимался, ходил в Эрмитаж, рисовал. Ему помогали Борух Гиршович и Лейб Аскназий.

Пэн поступает в Академию и учится в классе у профессора Чистякова. По окончании Академии удостоен малой серебряной медали. Сначала Пэн едет в Ригу к барону Корфу, пишет портреты его близких. А потом перебирается в Витебск, где открывает свою знаменитую школу.

Пэн говорил, что Витебск — это поразительный город. Он создан для художников. В Риге все евреи чистенькие, благополучные, как будто на одно лицо. А в Витебске — замечательные типажи.

Педагогика Пэна, унаследованная от Чистякова, гласила: ученики должны быть безукоризненными рисовальщиками. Этому уделялось основное внимание.

Среди учеников Пэна разных лет: Юдовин, Лисицкий, Панн, Шульман, Азгур, Якерсон, Кабищер, Мещанинов и многие другие.

Пэн был замечательным художником. Только сейчас открывается его талант. Не случайно, выставка «Еврейские художники в веке перемен», которая проходила в Еврейском музее в Нью-Йорке и собрала крупнейших еврейских художников XX века, открывалась работой Юделя Пэна «Часовщик».

Два месяца Марк Шагал приходил к учителю по четыре раза в неделю. Рисовал гипсовый бюст Вольтера. Но точного рисунка у него так

и не получилось. Нос великого философа всегда тянулся книзу.

Потом Марк Шагал зачастил на этюды. Иногда Пэн брал его с собой. И это была большая похвала для ученика. Вспоминают такой случай. Пэн и Шагал ушли на окраину города ранним летним утром и уговорили позировать старого еврея. Сохранилось в памяти его имя: Хона Тамм. Пэн обратил внимание, что Шагал рисует одним фиолетовым цветом. Тогда он нарисовал голову натурщика одним зелёным и, показывая Шагалу свою работу, сказал: «Прежде всего, нужен рисунок. Запомни, без него нет художника. Тинторетто тоже рисовал одной синей. Но как рисовал!».

Шагал стал отличным рисовальщиком. И думаю, этим он обязан первому учителю, который сумел «поставить» руку.

Пэн вскоре освободил Шагала от оплаты за обучение. Надо сказать, что единственным доходом художника-педагога была оплата учеников. Пэн в те годы принципиально не продавал своих работ. Он мечтал, чтобы в Витебске, когда-нибудь, открылась его картинная галерея. И, тем не менее, Пэн не одного Шагала освободил от оплаты. Он бесплатно учил Шульмана и других художников из малоимущих семей.

Вот некоторые отрывки из эссе Марка Шагала «Мои первые учителя».

«Пэн — мой первый учитель. Живёт всё время в Витебске. Витебск живёт, и Пэн постоянно живёт в нём. Если я чему-либо завидую, если я грущу о чём-либо, — так это о том, что Пэн всегда живёт в Витебске, а я всегда, всегда в Парижах... Не понимает он меня, когда мои письма к нему переполнены вопросами: "Как поживают мои заборы, заборы и заборы"?

Уже двадцать лет, как я оставил Пэна. Судьба забросила меня далеко от моих родных развалин. На всю свою жизнь, как бы не было разно наше искусство, я помню его дрожащую фигуру. Он живёт в моей памяти, как отец. И часто, когда я думаю о пустынных улицах города, он то тут, то там... И я не могу не просить Вас запомнить его имя».

Марк Шагал писал о том, что искусство учителя и ученика — разное. Так ли это на самом деле? И насколько велика пропасть между реалистом Пэном, который, на мой взгляд, сумел органично перенести русское передвижниче-

ство на еврейскую почву черты оседлости, и авангардистом Шагалом?

Художники разные, но пропасти между ними нет. Во-первых, у них один и тот же объект любви, поклонения, воспевания, то же отношение к нему: трепетное, иногда с улыбкой, даже иронией.

А теперь внимательно посмотрите на картину Юделя Пэна «Домик с козочкой». Не из этого ли домика вышел Марк Шагал, как русская литература вышла из «гоголевской шинели»?

И ещё одно письмо, написанное Марком Шагалом своему первому учителю, я процитирую. Оно отправлено 14 сентября 1921 года из Москвы. Марк Шагал шлёт приветствие Юделю Пэну по случаю 25-летия его творческой деятельности: «Я вспоминаю себя мальчиком, когда я поднимался на ступеньки Вашей мастерской. С каким трепетом я ждал Вас. Вы должны были решить мою судьбу в присутствии моей покойной матери. И я знаю, сколько ещё в Витебске и в губернии юношей судьбы Вы решили.

Ваша именно мастерская первая в городе манила десятки лет. Вы первый в Витебске. Город не сумеет Вас забыть…»

Действительно, после смерти Юделя Пэна в 1937 году в Витебске была открыта картинная галерея, где были собраны его работы. Около 800 картин. Потом война, часть работ сгорела в Витебске, часть успели эвакуировать в Саратов в Музей Радищева. После войны в Витебске хотели восстановить картинную галерею, и работы были возвращены, но здесь наступила очередная полоса антисемитизма: «врачи-отравители», «беспачпортные бродяги» и т. д. Работы Юделя Пэна решили от греха подальше спрятать, а то вдруг обвинят в пособничестве мировому сионизму, в подвалах Белорусского художественного фонда, в кованых сундуках. Но тот, кто знал истинную цену этих работ, не испугался ни замков, ни милиции. Этим людям трудно было заморочить голову пропагандистскими сказками. Они регулярно наведывались в подвалы и уходили оттуда с работами Пэна. Есть шутка, что грабители раньше и лучше других оценивают достоинства художников.

В общем, когда над Советским Союзом «рассвело» и уже можно было не шарахаться от собственной тени, оказалось, что в сундуках осталось менее 200 работ. Я не говорю об их состоянии. Требовалась срочная реставрация.

Значительная часть работ была возвращена в Витебск и находится сейчас в Художественном музее. Часть осталась в Минске в Национальном художественном музее Республики Беларусь, в том числе и знаменитая работа Пэна «Марк Шагал». Написана она маслом в середине 10-х годов, точной датировки нет, во всяком случае, после того, как Шагал уже побывал в Париже и вернулся художником с «именем» и собственной манерой. Обратите внимание, Юдель Пэн нарисовал его с перевёрнутым мольбертом. Живопись, рисунки Шагала Пэн оценивал очень высоко, но в то же время, как живопись человека с перевёрнутым взглядом на жизнь, с перевёрнутым мольбертом.

В 1918 году Шагал «ответил» учителю: написал портрет Пэна за мольбертом. К сожалению, эта работа не сохранилась. Портрет находился в мастерской Пэна. Очевидцы отмечали не только удивительное сходство, но и то, как виртуозно удалось Шагалу передать характерные черты, присущие Пэну.

К 18 годам Марк — крепкий юноша, с воздушной шевелюрой, которая, «словно крылья несла его», и профилем, который впору было чеканить на римских монетах. Согласитесь, на таких молодых людей девушки обязательно обращают внимание.

В начале 70-х годов, теперь уже прошлого века, когда Марк Шагал благодаря московской выставке, после пятидесятилетнего перерыва оказался в Советском Союзе, он встретился в Ленинграде с сестрой Марьясей.

После двух-трёх вопросов про здоровье и вздохов по поводу ушедших лет, Марк Захарович стал расспрашивать Марьясю о подругах своей молодости.

Марьяся, хоть и была самой младшей в семье, вероятно, кое-что знала о сердечных тайнах брата. Но сейчас, кивнув на племянниц и мгновенно перейдя на идиш, ответила:

Ну, не при них же, – подразумевая, что нельзя при детях рассказывать такие подробности.

Племянницы давно уже переросли бальзаковский возраст, да и идиш не был для них секретом, хоть и говорили на нём в последнее время они очень редко, только улыбнулись в ответ.

Марк Захарович обнял их за плечи и сказал:

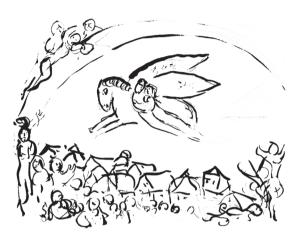
 Какие славные были годы. Как жаль, что нельзя в них вернуться хотя бы на часок. B **Z**2017

Шагал никогда не участвовал в конкурсах Дон Жуанов. (Не знаю, есть ли такие.) Но, если бы такое случилось, уверен, занял бы в подобном турнире далеко не последнее место.

Я не собираюсь заниматься археологическими раскопками личной жизни художника. И буду рассказывать лишь о том, что он обнародовал сам.

на, творчеством Гауптмана. И даже имя себе изменила на Тэю, стараясь подражать персонажу из драмы Ибсена «Строитель Сольнес».

Тэя была необычной девушкой даже для Витебска, который и в те годы не считался глубокой провинцией. У родителей Тэи Вульфа Брахмана и его жены был очень гостепри-имный и хлебосольный дом. По вечерам здесь

Первой девушкой, которой Шагал назначил свидание, была Нина из Лиозно. В местечко Марк приезжал к своим многочисленным родственникам. Были гулянья под луной и ночи вдвоём. Жаркие поцелуи. В маленьком местечке, где всё было на виду, заговорили про городского юношу, который чересчур смел. Кто-то неодобрительно отзывался о современных нравах, кто-то, с сожалением, думал, что собственная юность давно ушла... Но дальше прогулок дела у Марка с Ниной не пошли. Позднее Шагал напишет, что имел успех, «но не сумел им воспользоваться». Думаю, в этих строчках не было сожаления, просто была прощальная улыбка прошедшим годам.

Потом Шагал познакомился с Анютой и упорно обхаживал её несколько лет. От этих встреч остались ощущения, которые в зрелые годы Шагал выразил словами: «В амурной практике я полный невежда».

К третьему юношескому роману с гимназисткой Ольгой Марк стал куда решительнее. «Во мне бурлило желание, а она мечтала о вечной любви». Их интересы шли по параллельным дорожкам, пока однажды Марк не увидел Тэю Брахман.

Вообще-то имя её было Тауба. Но с ранней молодости девушка была увлечена искусством и поэзией серебряного века, драматургией Ибсе-

часто собирались интересные люди. Они разыгрывали сценки из спектаклей, музицировали.

«Соседние дома, замерев, слушают сонаты Моцарта, Бетховена. Прохожий остановится под этими окнами, постоит минутку, упиваясь мелодией, и, заворожённый, пойдёт своей дорогой», — написала в своей книге «Горящие огни» постоянная посетительница этих вечеров Белла Розенфельд.

Сюда любил заглянуть Авикдор или, говоря на русский лад, Виктор Меклер, сын состоятельного торговца, мечтавший о карьере художника.

Меклер и Шагал хорошо знали друг друга, были одноклассниками. И когда Меклер увидел, что по рисованию и живописи у Шагала есть успехи, он попросил Марка давать ему уроки. Обещал за это деньги. От денег Шагал отказался. «Лучше будем друзьями», — ответил он.

Однажды Виктор предложил заглянуть вечерком в дом к Брахманам. Меклер любил быть на виду, любил, чтобы на него обращали внимание. Марка он хотел представить богемной компании как диковинку сезона, талантливого художника, который дома рисует на печке, а когда слезает с неё, сестры выхватывают у него из рук картины и стелют их вместо ковриков на свежевымытый пол. Вероятно, красивый, обаятельный, «правильно» воспитанный Меклер был уверен, что «местечковый» Шагал

повеселит компанию, да и только. Но у женской психологии есть такие загадки, которые понять элементарной логикой невозможно.

Тэе понравился Марк, или правильнее будет всё-таки Моисей. Марком художник стал только во Франции, выбрав себе по-европейски звучащий псевдоним. Тэя увидела в молодом художнике редкую в их компаниях естественность. В нём не было ни грамма наигранности, ни грамма фальши. Он говорил то, что думал. Подчас это звучало наивно. Но Тэя восторженно ловила каждое слово.

Осенью 1906 года Тэя уехала в Петербург. Она поступила учиться на знаменитые женские Бестужевские курсы.

И, кто знает, что сыграло решающую роль, когда зимой 1906—1907 годов Марк Шагал вместе с Виктором Меклером уехали на учёбу в Петербург? Хотя сам Шагал писал, что инициатором поездки был Виктор, но, не будь в Петербурге Тэи, стал бы Марк так настойчиво выпрашивать у отца деньги на эту поездку или спокойно примирился бы с провинциальной жизнью?

Есть ещё один человек, благодаря которому Шагал уехал в Петербург и начал путь к вершине своей творческой жизни. Это первый учитель Юдель Пэн. Опытнейший педагог и мудрый человек, он видел, что у Марка появляется своеобразная манера, он перерастает ученический возраст, ему становится тесно в учительской мастерской. Пэн советует продолжить учёбу в Париже. Но весь вопрос упирался в деньги. Родителям Шагала было просто невозможно учить сына за границей. На поездку в Петербург отец дал 27 рублей, это были его сбережения «на чёрный день». Но этого было мало. По свидетельству ученицы Юделя Пэна Елены Аркадьевны Кабищер-Якерсон, на помощь Шагалу снова пришёл Пэн.

Пэн не был состоятельным человеком. Он долгое время пользовался финансовым покровительством витебского заводчика Левинсона, владевшего пивным заводом. Левинсон был преуспевающим человеком. Его жена с золотой медалью окончила Петербургскую консерваторию, но концертировать ей супруг не позволял, поскольку, по его мнению, это подрывало социальный статус и репутацию фирмы. Но всё же, стараясь оставаться в глазах жены светским, широким человеком, Левинсон покровительствовал художникам. И именно он, по просьбе Пэна, по-

могал Шагалу на первых порах в Петербурге. Об этом человеке сейчас редко вспоминают, а пишут о других петербургских спонсорах Марка Шагала, людях более именитых, значимых.

Первоначально в Петербурге Марк Шагал устроился работать ретушёром у фотографа и художника Иоффе. Это не случайно, Иоффе учился в Академии вместе с Пэном.

Азы профессии ретушёра Шагал освоил ещё в Витебске, где работал в фотоателье у двух фотографов. Скорее всего, одним из этих фотографов был Мещанинов, брат известного художника, жившего во Франции, Оскара Мещанинова.

Шагал писал о своей работе: «Я ненавидел ретушь, она никогда не получалась у меня. Мне казалось ненужным затушёвывать морщинки и неровности кожи на разных лицах».

Деньги катастрофически уходили, а работа приносила копейки и тяготила. И Марк её оставляет. Он обращается за помощью к скульптору Илье Гинцбургу.

Илья Яковлевич (1859—1939), скульптор, академик, был председателем Еврейского общества поощрения художеств.

В молодости художник Леонид Пастернак жаловался на еврейскую буржуазию и интеллигенцию, которая мало оказывала помощь еврейским художникам. Пастернак говорил от своего имени, от имени Левитана, Аскназия. Счастье Леонида Пастернака, что он жил в то время, а не теперь, иначе бы он отозвался ещё резче... На самом деле помощь оказывалась, но не в такой степени, как хотелось бы. Например, банкир Евсей Гинцбург дал стипендию Марку Антокольскому во время его учёбы в Академии художеств. Впоследствии он, как и железнодорожный и банковский магнат Самуил Поляков, заказывали ему фамильные портреты. Банкир Евсей Гинцбург также пожертвовал Академии художеств в 1881 году 5000 рублей для учреждения из процентов этого капитала (300 рублей в год) стипендии имени его покойного сына - художника Марка Гинцбурга. Стипендия выдавалась способным студентам без различия вероисповедания. Своеобразным спонсорством было, когда богатые люди заказывали у художников полотна. У того же Пастернака было много заказов от богатых евреев: Высоцкого, Гиршмана, Гоца, Левина, Штыбеля. Один только чаеторговец Давид Высоцкий купил 19 его произведеB 72017 21

ний и картину Аскназия «С книгой» (находится в Курском музее).

Скульптор Гинцбург пишет рекомендательное письмо барону Давиду Гинцбургу. Кто такой Давид Гинцбург? Востоковед, общественный деятель. Председатель Петербургской еврейской общины, после смерти своего отца Горация Евзелевича Гинцбурга. Учредитель Высших еврейских курсов или курсов востоковедения. Владелец ценной библиотеки старинных еврейских книг и рукописей.

Барон Давид Гинцбург оказал Шагалу помощь, вспомнив, что его дед Евзель, основатель династии банкиров Гинцбургов, был родом из Витебска и, если бы был жив, скоро отметил бы своё столетие.

Разговор был долгим, а денег, которые дал барон, **хв**атило на несколько месяцев существования.

Снять отдельную комнату в Петербурге Шагалу было не по карману. Он ютился по углам, под лестницей, не всегда имея даже собственную кровать. Художник, вспоминая те дни, писал, что одно время он делил кровать с каким-то рабочим, обладателем больших чёрных усов. В другом случае комната была разделена занавеской, за которой жил пьяница с женой. Как-то раз Шагала арестовали на две недели, когда он ехал без паспорта из Петербурга в Витебск.

В столице российской империи действовали ограничения для проживания евреев. Могли селиться купцы первой гильдии, люди с высшим образованием, ремесленники и отставные нижние чины. Пэн в своё время регулярно выплачивал мзду дворнику, и тот скрывал, что во дворе живёт еврей. Шагал оказался менее искушённым в этих делах и попал в кутузку.

Урядник, арестовавший его, дал при этом указание своим подчинённым: «Для начала подержите его в кутузке... а там переведём в тюрьму». Позже Шагал, со свойственным ему юмором, вспомнит: «Нигде мне не было так вольготно, как в камере... Мне нравился цветистый жаргон воров и проституток. И они не задирали, не обижали меня! Напротив относились с уважением».

Одно время Шагал рисовал вывески для петербургских лавок и даже пытался стать продавцом. Продавец из него был никудышний. А вывески не понравились лавочникам. Товары на них были мало привлекательны.

Наконец, Шагалом заинтересовался петербургский меценат, присяжный поверенный и присяжный стряпчий Григорий Абрамович Гольдберг. Он оформил Шагала своим слугой, и это дало право художнику прописаться в столице.

Несколько месяцев художник жил в крохотном закутке под лестницей.

В Академию художеств Шагал поступить не мог, так у него не было аттестата зрелости. Попытка поступить в Художественно-промышленное училище барона Штиглица также не удалась: рисунки Шагала выглядели чересчур нетрадиционными.

Пришлось пойти в открытую для всех рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств. Вскоре директором школы стал Николай Рерих, который заметил талантливого юношу и добился для него освобождения от службы в армии. 17 апреля 1907 года Шагала с похвалой упомянули в школьном отчёте и наградили стипендией в шесть рублей, которая к сентябрю 1907 года выросла до пятнадцати рублей в месяц.

Уже тогда художник был чрезвычайно чувствителен, я бы даже сказал, нетерпим к любой критике, особенно, если он её считал несправедливой. Под категорию «несправедливая», естественно, попадала вся критика. Один из его учителей, театральный художник Бобровский, сказал на занятиях по рисунку, что Шагал не способен правильно нарисовать колено. Шагал обиделся и покинул школу, даже не взяв стипендию за последний месяц.

Известно, каждый художник считает, что в мире есть всего два настоящих художника: он и Леонардо да Винчи. Для Шагала таким Леонардо де Винче был Андрей Рублёв, иконы которого считал гениальнейшим творением изобразительного искусства, а вторым во всей Вселенной художником был, конечно, он. Это чувство проявлялось в нём часто.

Картина «Мясник» была написана в 1910 году. Лиозненская тема, дед Мендл за работой. Написана в парижский период жизни, когда мастерская Шагала и Пикассо находились недалеко друг от друга, когда они могли ежедневно общаться и их отношения выглядели дружелюбно и миролюбиво.

Сейчас картина «Мясник» хранится в собрании Третьяковской галереи. В реставрационной

мастерской Третьяковки мне рассказали интересную историю этой картины. Она написана гуашью и белилами на цветной бумаге. Бумага была плохого качества, покоробленная, и реставраторы стали расслаивать её. Верхний лист был наклеен на белую бумагу, потом шёл лист чёрной бумаги. А под ними оказался неизвестный доселе офорт ...Пабло Пикассо. Эксперты определили, что это подлинник Пикассо. Как такое могло произойти? Может, эта шутка Мастера, который к творчеству Пикассо всегда относился без должного почтения. Или по каким-то другим причинам оказались наклеенными на один картон работы двух гениев?

Возвращаемся в Петербург 1907 года. Благодаря Гольдбергу Шагал познакомился с лидерами либеральной еврейской интеллигенции Петербурга: Винавером, депутатом Государственной Думы, адвокатом, издателем Леопольдом Севом, критиком М. Сыркиным, писателем Познером.

Эти люди понимали, что имеют дело с незаурядным художником, простым местечковым парнем, не имеющим большого образования, но от природы наделённым огромным талантом. И они начинают помогать Шагалу.

Максима Моисеевича Винавера Шагал особенно почитал. «Я помню его сияющие глаза, его движущиеся вверх и вниз ресницы, чувственную форму рта, его светло-коричневую бороду и его благородный профиль, который я — увы — из робкой почтительности не осмелился рисовать. Он был очень близок мне, почти как отец.

…И хоть разница между моим отцом и ним была та, что отец лишь в синагогу ходил. А Винавер был избранником народа — они всё же были несколько похожи друг на друга. Отец меня родил, а Винавер сделал художником. Без него я, верно, был бы фотографом в Витебске и о Париже не имел бы понятия.

...У Винавера была небольшая коллекция картин. У него висели, между прочим, два произведения Левитана. Он первый в моей жизни приобрёл мои две картины — «Голову еврея» и «Свадьбу». Знаменитый адвокат, депутат, и всё же любит он бедных евреев, спускающихся с невестой, женихом и музыкантом с горки на картине моей».

Нередко художник оставался ночевать в кабинете, где Винавер редактировал газеты «Восход», «Новый Восход», «Еврейскую старину», а днём — работал в вестибюле среди стопок непроданных журналов.

«Каждый день на лестнице мне улыбался Максим Моисеевич и спрашивал: "Ну, как?".

Винавер был одним из основателей и руководителей конституционно-демократической партии (кадетов) и депутатом 1-ой Государственной Думы (1906). Его партия была единственной, которая неоднократно выдвигала еврейский вопрос как в законодательном порядке, так и в порядке запросов правительству. В эти годы Винавер возглавляет историко-этнографическую комиссию, которая собирала материал о евреях России...»

И как адвокат, Винавер оставил о себе добрую славу. Он выступал на судебных разбирательствах после погромов в Кишинёве и Гомеле. Автор книг «Очерки об адвокатуре», «Исследование памятника польского обычного права XII века», «Из области цивилистики» и других.

После Октябрьской революции 1917 года Винавер эмигрировал во Францию. Принимал участие в русских и еврейских общественных организациях. Основал и редактировал журнал «Еврейская трибуна», боровшийся с антисемитизмом. Написал книги «Недавнее. Воспоминания и характеристики», «История выборгского восстания».

Шагал, говоря о Винавере, заметил, что сама его жизнь — это искусство.

«Однажды, запыхавшись, прибежал ко мне в редакцию-ателье и говорит: "Соберите скорее ваши лучшие работы и подымитесь ко мне наверх. Коллекционер Коровин, увидев у меня ваши работы, заинтересовался вами".

Я от волнения, что сам Винавер прибежал ко мне, ничего "лучшего" собрать не мог...»

«Комната редакции была переполнена моими картинами, рисунками. Это была не редакция, а моё ателье.

Мысли мои об искусстве сливались с голосами заседавших в редакции Слиозберга, Сева, Гольдберга, Гольдштейна, С. Познера».

Среди тех, кто принимал действенное участие в петербургской жизни Шагала, здесь не указан только критик и издатель М.Г. Сыркин.

Кто эти люди, о которых сегодня редко кто вспоминает?

Аеопольд Александрович Сев (1867—1922) — журналист, редактор русской и русско-еврейской прессы. Редактировал «Восход», «Ев-

23

рейскую неделю», «Свободу и равенство» и другие издания.

Генрих Борисович Слиозберг (1863—1937) — юрист и еврейский общественный деятель.

«Однажды, в день Пасхи, я был приглашён к ужину. Роза Георгиевна, улыбаясь и распоряжаясь, казалось, сходила с какой-то стенной росписи Веронеза. Кругом были зажжённые свечи. Сверкал этот ужин, этот вечер в ожидании Ильи Пророка».

Как это контрастировало с повседневной петербургской жизнью молодого художника?

«Не раз я глядел с завистью на горевшую керосиновую лампу. Вот, думаю, горит себе лампа свободно на столе и в комнате, пьёт керосин, а я?.. Едва, едва сижу на стуле, на кончике стула. Стул этот не мой. Стул без комнаты. Свободно сидеть не могу. Я хотел есть. Думал о посылке с колбасой, полученной товарищем. Колбаса и хлеб мне вообще мерещились долгие годы.

...И, скитаясь по улицам, я у дверей ресторанов читал меню, как стихи: «Что сегодня дают и сколько стоит блюдо».

(М. Шагал «Памяти М.М. Винавера, «Рассвет». — Париж, 1926, № 43, стр.11).

Как-то однажды, будучи в гостях у Леопольда Александровича Сева, Шагал услышал рассказ о художнике Леоне Баксте и его уроках в школе Званцевой. О Баксте в Петербурге ходило много легенд. Местечковый еврей и в то же время эдакий барин, вхож в компании богемных людей столицы. Считали, что у него идеальный вкус, ему пытались подражать, его мнение было истиной в последней инстанции. И Шагал, который уже тогда был достаточно амбициозным молодым человеком, решил, что он непременно должен попасть к Баксту и стать его учеником.

Вот каким получился его первый визит к Баксту:

«Барин ещё спит», — отвечает мне таинственно горничная.

Час дня, - и ещё спит.

Тихо. Ни детского шума, ни следов жены. На стенах висят репродукции греческих богов, занавеса синагогального «оренкойдеша». (шкаф для хранения Свитков Торы — А.Ш.)

Стою я так, в передней Бакста, со свёртком моих работ, и жду. Стою так же, как раньше в Витебске, в ожидании Пэна. Тогда я лепетал: «Я — Моська, желудок у меня слабый, денег

нет, хочу быть художником». Так и теперь в передней Бакста я, волнуясь, шепчу: «Он скоро выйдет из спальни. Нужно обдумать, что и как ему сказать». Быть принятым в его школу, посмотреть на него. Может быть, он поймёт меня, поймёт, почему я заикаюсь, почему я так часто грушу и почему пишу лиловыми красками. Может быть, объяснит и разъяснит мне смысл тайн, которые уже с детства заграждают мне улицу, обволакивают небо...»

Леон Бакст родился в Гродно в 1866 году. Он учился в Петербургской Академии художеств. В 90-х годах XIX века вместе с Бенуа, Добужинским и другими составил творческое объединение «Мир искусства». Был известен и как книжный график, и как театральный художник, и как живописец античного мира (особенно после посещения Греции).

У Бакста всю жизнь сохранялся еврейский акцент, никак не сочетавшийся с его манерами. Провинциалом он никогда не был. Любил рассказывать своим ученикам о живописи Э. Мане, К. Моне, П. Гогена, П. Сезанна, В. Ван-Гога.

Шагал пришёл к нему с рекомендательным письмом от Л. Сева.

Бакст просматривал эскизы, которые ему Шагал подавал с пола, где они были сложены, и наконец-то сказал, растягивая слова, барским тоном: «Да-да, да-да. Талант есть, но вы испорчены. Вы на неправильном пути — ис-пор-чены... Испорчены, но не совсем».

«Если бы эти слова были сказаны кем-либо другим, — я бы плюнул, успокоился... Но Бакста я слушал стоя, волнуясь, веря каждому слову, со стыдом подбирая и свёртывая свои рисунки и полотна...»

И заносчивый Шагал объясняет причину своего поведения.

«Я, не имевший понятия о том, что на свете есть художественный Париж, увидел здесь Европу в миниатюре».

Европу, к которой Шагал так стремился.

Шагал был принят в школу, которой руководила художница Елена Николаевна Званцева. По средам Добужинский здесь преподавал рисунок, по пятницам Бакст — живопись.

Чтобы представить себе эту Школу, скажем, что «...в мастерской среди учеников — графиня Д. Толстая, танцовщик Нижинский». То есть, это была школа и в тоже время элитный салон, для

продвинутой столичной публики. Можете себе представить, как себя чувствовал среди этих людей провинциальный юноша. Да и кроме того, первый этюд Бакст не одобрил, и о втором отозвался не лестно. И Шагал ушёл из школы.

«В течение трёх месяцев милейшая Алиса Берсон, так чутко отнёсшаяся ко мне, начинающему, платит за меня по тридцать рублей в Школу, а меня всё нет».

Проходит время, и Шагал возвращается к Баксту, и рисует снова этюд, и этот этюд Бакст ставит «в образцы». Этюд вывешивается в Школе, чтобы все его видели.

Что же произошло за эти три месяца? Откуда такая решимость покорить вершину под названием Бакст?

Помните Тэю Брахман, витебскую знакомую, подругу Шагала? Это к ней в трудную минуту пришёл художник. И, думаю, что уверенность ему придала Тэя, которая сказала: «Не бросай живопись. Ты талантлив. Надо пройти через трудности, и к тебе придёт успех». Слова девушки, которой Марк доверял тайны, обнадёжили его. Они гуляли по набережной Мойки. Тэя читала стихи Блока. Шагал рассказывал о художнике Гогене, о котором узнал от Бакста. И однажды признался: «Хочу нарисовать обнажённую женщину. Но на натурщиц у меня нет денег». И Тэя, засмеявшись, ответила: «Я буду твоей натурщицей».

Она пришла в маленькую комнатку под лестницей, в которой жил художник и которая была его мастерской. Разделась, правда, при этом попросив, чтобы Марк отвернулся, и уселась на кушетку с продавленным матрацем.

— Ты спишь здесь? — удивлённо спросила она. Но Шагал не слышал её слов. Он стоял, как заворожённый, боясь повернуться и посмотреть на Тэю.

Художник, рисуй, — засмеявшись, сказалаТэя. — Как мне надо сесть?

Шагал повернулся и стал смотреть на Тэю. Он не мог оторвать взгляда от изгиба плеч, от груди...

Тэя поймала его пристальный взгляд, и румянец пробился на её лице.

- Задёрни занавески, попросила она.
- Не надо, ответил Марк.

Сквозь маленькое окошко в комнатку не попадал яркий солнечный свет, но всё же чувствовалось его присутствие. И румянец на лице у Тэи был такого же цвета, как алая краска, в которую добавили чуть-чуть охры.

- Ты будешь рисовать? теперь уже робко спросила Тэя.
- Да, конечно, Марк оторвал взгляд от девушки и стал быстро выдавливать из тюбиков на мольберт краски.

Когда-то Шагал удивил своего первого учителя Пэна, нарисовав старика-еврея одной зелёной краской. Сейчас он собирался рисовать Тэю в красновато-жёлтой гамме.

Положи голову на валик, а руки закинь за голову, — попросил Марк...

Тэя не раз приходила к Шагалу. Позировала ему. И думаю, что серия работ «Обнажённая» появилась 1908—1909 годах благодаря Тэе Брахман.

Именно здесь, в Петербурге, в эти годы в голове у Шагала появился тот самый карнавал, который позднее воплотится в работах и принесёт ему мировую славу.

«Рисовать хотелось безумные картины. Сидят где-то там и ждут меня зелёные евреи и мужики в банях, евреи красные, хорошие и умные, с палками, с мешками на улицах, в домах и даже на крышах. Ждут меня, я их жду. Ждём друг друга».

(Шагал М. Памяти М.М. Винавера. — «Рассвет» (Париж), 1926, № 43, с. 11).

И в это же время у Шагала складывается определённый код. Как и в еврейском народном орнаменте, где каждое изображение имеет своё смысловое значение, у художника каждый цвет имеет свой смысл.

Красные евреи — это хорошие и умные...

Зелёные евреи — это заурядные люди...

«Без Парижа я был бы заурядным зелёным евреем, — пишет он в статье «Памяти Винавера».

В 1909 году Леон Бакст засобирался в Париж в качестве декоратора балетной труппы Дягилева, где тот ставил знаменитые «Русские сезоны». Эта работа принесёт Баксту мировую славу. Он участвует в создании спектаклей «Шехеразада» на музыку Римского-Корсакова, «Жар-птица» на музыку Стравинского и других. Он делает красочные стилизованные костюмы и декорации важнейшим элементом театрального зрелища. Бакст после этого поселился в Париже. Шагал пытается уехать вместе с ним, просит о ставке помощника декоратора. Но без успеха.

- «Я, заикаясь, обратился к Баксту:
- Нельзя ли, Лев Самойлович... знаете, Лев Самойлович, я хочу... в Париж.

§ 72017 25

- А? Пожалуйста! Слушайте, Вы умеете писать декорации?
  - Конечно. (Абсолютно не умел).
- Вот вам сто рублей. Подучитесь технике декораций, и я Вас возьму с собой.

Однако наши пути разошлись, и я отправился в Париж один».

В Париж Шагала отправил Максим Моисеевич Винавер, назначив ему стипендию сроком на четыре года.

Наступил новый этап в жизни Шагала — парижский. Однако прежде, чем мы окажемся в Париже, надо вывести на сцену Беллу, которая не только окажет на Шагала огромное влияние, но и станет одним из главных действующих лиц его жизни.

Белла Розенфельд или Бася-Рейзл родилась 2 декабря 1889 года, то есть была на два года младше Шагала. С серебряной медалью окончила гимназию и поступила учиться в Москву на курсы Герье, где изучали философию, литературу, историю. В те годы это было одно из самых престижных женских учебных заведений. Какое-то время Белла занималась театром в одной из трупп, руководимых Станиславским. Это тем более удивительно. Выросла в ортодоксальной семье. Дед,
тяжело больной, на Йом-Кипур не позволил себе
смочить губы водой. Понадобилось разрешение
раввина. Обо всём этом подробно написано в автобиографической книге Беллы «Горящие огни».

Отец её был состоятельным человеком. Владел ювелирными магазинами. Это городская знать.

Семьи Розенфельдов и Шагалов были совершенно разными и никак не подходили, чтобы их дети заключили брачный союз. И кто будет жених? Художник. Это звучало как приговор.

«Брат глядит на меня так, словно видит в первый раз. Как она могла связаться с художником?».

Так воспринял новость о знакомстве Беллы с Марком её брат, молодой и, казалось бы, прогрессивно мыслящий человек, Мендл.

...Это не может поместиться в сонных головах. Лучше обождать до утра. Сообщит ли он эту новость матери? Сейчас, ночью, он не захочет причинять ей горе. Завтра утром в магазине снова начнётся суматоха, при этом оживлении мать перенёсет несчастье легче.

Как я посмотрю ей в глаза? Что я ей скажу?» (Белла Шагал. «Первая встреча»).

Как познакомились Белла и Марк?

«У Тэи дома я валялся на диване в кабинете её отца-врача. Обитый вытертой, местами дырявой чёрной клеёнкой диван стоял у окна, — напишет Марк Шагал в книге «Моя жизнь». — Верно, на него доктор укладывал для осмотра пациентов: беременных женщин или просто больных, страдающих желудком, сердцем, головными болями.

Я ложился на спину, положив руки под голову, и задумчиво разглядывал потолок, дверь, край дивана, куда садилась Тэя.

Надо подождать. Тэя занята: хлопочет на кухне, готовит ужин — рыба, хлеб, масло, — и её большущая жирная псина крутится у неё под ногами.

Я облюбовал это место нарочно, чтобы, когда Тэя подойдёт поцеловать меня, протянуть руки ей навстречу.

Звонок. Кто это? Если отец, придётся слезть с дивана и скрыться.

Так кто же это? Нет, просто Тэина подруга. Заходит и болтает с Тэей.

Я не выхожу. Вернее, выхожу, но подруга сидит ко мне спиной и не видит.

У меня какое-то странное чувство.

Досадно, что меня потревожили и спугнули надежду дождаться, когда подойдёт Тэя.

Но эта некстати явившаяся подруга, её мелодичный, как будто из другого мира, голос отчего-то волнует меня.

Кто она? Право, мне страшно. Нет, надо подойти, заговорить.

Но она уже прощается. Уходит, едва взглянув на меня.

Мы с Тэей тоже выходим погулять. И на мосту снова встречаем её подругу.

Она одна, совсем одна.

С ней, не с Тэей, а с ней должен я быть – вдруг озаряет меня!

Она молчит, я тоже. Она смотрит — о, её глаза! — я тоже. Как будто мы давным-давно знакомы и она знает обо мне всё: моё детство, мою теперешнюю жизнь и что со мной будет; как будто всегда наблюдала за мной, была гдето рядом, хотя я видел её в первый раз.

И я понял: это моя жена.

На бледном лице сияют глаза. Большие, высокие, чёрные! Это мои глаза, моя душа.

Тэя вмиг стала чужой и безразличной».

Потом были встречи, объяснения в любви и картины, которые Марк писал для Беллы и о Белле.

В этом же 1909 году Марк Шагал пишет портрет Беллы «Невеста в чёрных перчатках».

Процесс создания картины всегда остаётся тайной. В творчестве есть что-то интимное. И художники не рассказывают о том, как создаются их произведения. Считается плохой приметой. Но Белла в своей книге написала о том, как творилась картина «День рождение».

Мы летим наружу, летим над полями, полными цветов, над закрытыми домишками, над крышами, дворами, церквями.

- Как тебе нравится моя картина? неожиданно ты стоишь на своих ногах, смотришь на свою картину, на меня, отступаешь назад от мольберта и снова подходишь к нему...
  - Очень красиво, ты так красиво улетел.

«Но ты молниеносно хватаешь холст, ставишь его и говоришь: "Не двигайся. Оставайся точно так, как ты сейчас стоишь". Цветы ещё в моих руках, я как раз в центре движения, хочу быстро поставить цветы в воду, чтобы они не завяли. Но тут я забываю о них. Ты набросился на холст так, что он дрожит в твоих руках, обмакиваешь и прижимаешь краску, красную, голубую, белую, и похищаешь меня потоком красок. Внезапно я чувствую себя словно поднятой от земли, ты отталкиваешься одной ногой от земли, словно тебе стало слишком узко в твоей маленькой комнате.

Ты поднимаешься, летишь к потолку. Твоя голова поворачивается, ты поворачиваешь и мою голову, прижимаешься к моим ушам и что-то нашёптываешь мне.

Я прислушиваюсь, ты, словно поёшь своим мягким глубоким голосом для меня песню, в твоих глазах я вижу отзвук твоей песни. Сплотившись, мы парим над украшенной комнатой, летим к окну и хотим вырваться отсюда. Снаружи нас зовёт облако, часть голубого неба. Увешенные пёстрыми платками стены поворачиваются и приводят нас в замешательство.

- Давай назовём это "День рождения"».

Извините, но от чувств возвышенных перейдём к мирским. Потому что без них жизнь тоже покажется неполноценной.

Картина «День рождения» — одна из самых дорогих работ, выставлявшихся на аукционах. Её оценили в 14,5 миллионов долларов. Купили японцы.

Художник Ефим Рояк вспоминал: «Мой отец был портной, и Шагал перешивал у него брюки. Художник заметил, как я, тогда ещё мальчик, рисовал. Он стал мне помогать, приносил краски. Потом стал брать меня с собой на пленэр. Мы вместе ходили и рисовали, как когда-то с Шагалом ходил Пэн. Однажды художник, рассуждая сам с собой, сказал:

- Почему ангелы летают по небу, а моя жена не летает?
- Ангелов послал на землю Бог, наивно заметил Ефим Рояк.
- Есть люди, которых на Землю тоже, без сомнения, послали свыше. Но они об этом не знают. И никто об этом не знает. А художник может видеть то, что не видят все остальные.

3 **27**

Многим в жизни Марк обязан Белле. Известно, что он не заканчивал ни одной своей работы, чтобы Белла не сказала: «Да». Её «да» — это был последний приговор, который никакому обжалованию не подлежал.

Даже вкусы, привязанности Марка Шагала от Беллы. Любимые цветы Шагала — васильки. Это те цветы, которые она ему подарила на первый день рождения после их знакомства.

У Шагала есть много работ, посвящённых Белле. Меньше известны его стихи, написанные этой необыкновенной женщине.

Моя жена

Навстречу идёшь – и волос твоих пряди Готовы руки мои обвить. Ты даришь мне небо, искристо глядя, И хочется у тебя спросить: Неужели завянут цветы, неужели Их покроет времени лёд?.. Ко мне пришла ты – и мы взлетели. И долго-долго длился полёт. Мы погасили ночи дыханье И свечи любви зажгли над землёй. И две души, как одно сиянье, Соединились и стали зарёй. Как забыть я это сумею: Земли и небес укрепляя связь, Любовь моя слилась с твоею, Чтобы после дочь любви родилась. И Богу благодаренья мои За этот подарок добра и любви!

(перевод с идиша Давида Симановича)

Шагал — певец любви. Он искал женщину, которую можно боготворить, которой можно поклоняться, которую можно поселить на небесах. Этой женщиной была Белла.

«С кем её можно сравнить? Она ни на кого не похожа. В нашей жизни, как в палитре художника, есть только один цвет, способный придать смысл жизни и искусству. Цвет Любви. Искусство, которым я занимаюсь с детства, научило меня тому, что человек умеет любить, что любовь может его спасти... Есть только Любовь. Когда весь мир будет заполнен Любовью, не будет войны. В искусстве и жизни всё возможно, если основано на Любви...»

И в тоже время оставалась и Тэя. И время от времени она всплывала и в памяти, и осязаемо. Однажды мне сказали: «Зачем копаетесь в личной жизни? Зачем рушите идеал?».

Шагал был земным человеком, и очень

противоречивым. И это сказывалось во всём. И одна женщина у него была для небожительства, а другая возникала время от времени для земной любви.

Итак, Париж — Мекка художников. Как признается позже Шагал, выходя на перрон парижского вокзала, он более всего мечтал о каком-то чуде, которое бы могло вернуть его в Витебск.

Сейчас он вспомнил слова, которые сказал ему ещё в Петербурге Леон Бакст: «Не надо вам ехать в Париж. Этот город — для художников западня. Они приезжают туда со всего мира, чтобы умереть с голода. В Париже 30000 художников, и каждый хочет кушать. Кто у них купит столько работ, кто даст возможность заработать? И я не смогу вам в Париже помочь».

Первый, к кому зашёл Шагал в Париже, был Яков Александрович Тугендхольд: «...со свёртком полотен и чемоданом, оставленным у дверей. Никого не знал я в Париже, никто меня не знал... Но Тугендхольд взял в руки мои полотна. Что? В чём дело? Он начал, торопясь, звонить одному, другому, звать меня туда, сюда и радостно стал мне даже читать свои рассказы...»

Тугендхольд посоветовал Шагалу начать знакомство с Парижем с Лувра. И угадал. Несколько дней Шагал бродил по залам и уже никуда больше не хотел уезжать из Парижа.

Вот его размышления после увиденного: «Россия представилась мне теперь корзиной, болтающейся под воздушным шаром... Как будто русское искусство обречено тащиться на буксире у Запада... Здесь, в Лувре, перед полотнами Мане, Милле и других, я понял, почему никак не мог вписаться в русское искусство. Почему моим соотечественникам оставался чужд мой язык... Почему отторгали меня художественные круги. Почему в России я всегда был пятым колесом в телеге. Не могу больше об этом говорить. Я слишком люблю Россию».

В Париже у Шагала началась совсем другая жизнь. Он поселился в одной из мастерских в «Улье» на Монпарнасе, где нашли убежище многие художники-иностранцы, искавшие счастье в Париже.

Тугендхольд на первых порах был главным советчиком и другом Шагала. Молодой художник спрашивал у него, как он должен работать, и часто хныкал. Тугендхольд утешал, как мог, посылал пакеты шагаловских работ на выстав-

ки в Россию, но все пакеты возвращались обратно с неутешительным результатом.

«Мы долго блуждали по Парижу и, наконец, не раз оставался он ночевать в моём бедном ателье, в "La Ruche" в одной ужасной койке со мной».

Марк Шагал, а именно в Париже, молодой человек перестал быть Моисеем и стал Марком, оказался довольно общительным юношей. Он быстро знакомится с художественной богемой Парижа. Его друзьями становятся замечательные поэты Гийом Аполлинер, М. Жакоб, Блез Сандрар. Они посвящают Шагалу свои стихи.

Его замечают и одаривают своей дружбой художники Пабло Пикассо, Ф. Леже, Модильяни, Ж. Брак.

В Париже Шагал встретил многих знакомых по Петербургу, и в том числе Леона Бакста.

«По приезде в Париж я пошёл на спектакль балета Дягилева, чтобы увидеть там Бакста. Как только я открыл двери кулис, я его издали увидел. Рыже-розовый цвет приветливо улыбался. Нижинский тоже подошёл, взял за плечо. Он должен сейчас выбежать на сцену. Бакст отечески говорит ему: «Ваця, иди сюда», и поправляет ему галстук. Д-Аннунцио стоит рядом и томно кокетничает.

— Всё-таки вы приехали, — говорит, обращаясь ко мне, Бакст.

...Что ж, я должен был остаться в России?

...Париж! Не было нежнее слова для меня. В этот момент мне уже было всё равно, зайдёт ли Бакст ко мне или нет. Он сам сказал:

«Где вы живёте, я к вам зайду, — посмотрю, что вы делаете».

 Теперь ваши краски поют, — сказал он, зайдя ко мне.

Это были последние слова профессора Бакста его бывшему ученику. То, что он увидел, ему, вероятно, сказало о том, что я оторвался навсегда от моего гетто, и что здесь, в «La Ruche», в Париже, в Европе, я — человек.

(М. Шагал. Мои учителя. Бакст. «Рассвет». — Париж. 1930 г.,№ 18, с. 6—7).

В Марке Шагале появилась уверенность, без которой не может быть мастера. Он уже без прежнего пиетета относится к Баксту, хотя именно сейчас тот купался в лучах европейской славы. «И мы не хуже», — думал о себе Шагал, хотя, безусловно, похвала Бакста — «теперь ваши краски поют» — пришлась ему по вкусу. Шагал

всю жизнь, где бы он ни находился — в Париже или Лиозно, очень любил, чтобы его хвалили.

В Париже, вдалеке от России, Шагал сказал: «Я очень люблю Россию...» Надо было уехать за тысячу километров, чтобы почувствовать это. И это тоже один из парадоксов нашей истории. В России мы чувствуем себя изгоями, чужаками. Нам часто напоминают об этом.

«...ещё мальчиком, чувствовал на каждом шагу, что я еврей. Столкнёшься ли с художником общества "Союза Молодёжи", — они твои картины запрячут в самую последнюю и тёмную комнату, столкнёшься с художником из "Мира Искусства", они твои вещи просто не выставляют, а оставляют в квартире одного из членов. Все приглашены давно в это общество, один ты в стороне, и думаешь: это, верно, оттого, что ты еврей и нет у тебя родины...»

(Шагал М. Мои учителя. Бакст. «Рассвет». — Париж, 1930 г., № 18, с. 6—7).

А когда уезжаем за границу, начинаем чувствовать себя самыми верными и преданными сыновьями своей страны.

Художники, приехавшие в Париж со всего света, по вечерам собирались в кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас.

«Конечно, внешне "Ротонда" выглядела достаточно живописно: и смесь племён, и голод, и споры, и отверженность (признание современников пришло, как всегда, с опозданием).

...Поражала, прежде всего, пестрота типов, языков - не то павильон международной выставки, не то черновая репетиция предстоящих конгрессов мира. Многие имена я забыл, но некоторые помню; одни из них стали известны всем, другие померкли. Вот далеко не полный список. Французские поэты Гийом Аполлинер, Макс Жакоб, Блез Сандрар, Кокто, Сальмон, художники Леже, Вламинк, Андре Лот, Метсенже, Глез, Карно, Рамэ, Шанталь, критик Эли Фор, испанцы Пикассо, Хуан Грис, Мария Бланшар, журналист Корпус Барга; итальянцы Модильяни, Северини; мексиканцы Диего Ривера, Саррага; русские художники Шагал, Сутин, Ларионов, Гончарова, Штеренберг, Кремень, Федер, Фотинский, Маревна, Издебский, Дилевский, скульпторы Архипенко, Цадкин, Мещанинов, Индельбаум, Орлова, поляки Кислинг, Маркусси, Готтлиб, Зак, скульпторы Дуниковский, Липшиц, японцы Фужита и Кавашима; норвеж3 **29**

ский художник Пер Крог; датские скульпторы Якобсен и Фишер; болгарин Паскин. Вспомнить трудно — наверное, я много имён пропустил.

...В два часа ночи "Ротонда" закрывалась на один час; иногда хозяин разрешал завсегдатаям, если они вели себя пристойно, просидеть часок в тёмном пустом помещении — это было нарушением полицейских правил; в три часа кафе открывалось, и можно было продолжать невесёлые разговоры.

Владелец кафе Либион не мог представить себе, что его имя попадёт в историю живописи. Это был добродушный толстый кабатчик, который купил небольшое кафе; случайно "Ротонда" стала генеральным штабом разноязыких чудаков, или, как говорил Макс Волошин, "обормотов", поэтов и художников, из которых некоторые впоследствии стали знаменитыми. Будучи обыкновенным средним буржуа, Либион вначале косо поглядывал на весьма странных клиентов; кажется, он принимал нас за анархистов. Потом он к нам привык, даже полюбил нас. Кто-то сказал ему, что некоторые люди разбогатели на живописи: покупали за гроши картины у никому не известных художников, а двадцать лет спустя продавали их за большие деньги. Идея такого заработка не очень соблазняла Либиона; как-то он сказал мне, что не любит азартных игр, а покупать картины — это лотерея: хорошо, если из тысячи художников один выйдет в люди. Он предпочитает зарабатывать на напитках. Конечно, порой он брал рисунок Модильяни за десять франков - ведь блюдечек гора, а у бедняги нет ни одного су... Иногда Либион совал пять франков поэту или художнику, сердито говорил: "Найди себе бабу, а то у тебя глаза сумасшедшие..." На его нижней губе неизменно красовался окурок погасшей сигареты. Ходил он по большей части без пиджака, но в жилетке».

(И. Эренбург. «Люди, годы, жизнь»).

Альфред Буше — хозяин знаменитого «Улья» за символическую плату пускал к себе художников. Там жил и Шагал...

Его жизнь в Париже не была сладкой. Шагал «научился остерегаться людей». Чтобы добыть деньги на жизнь, ему приходилось заниматься разными работами, далёкими от живописи. И всё же он посещал училище на Монпарнасе, писал картины для Салонов.

Именно здесь в Париже карнавал шагаловских красок заиграл на полную мощь.

«Я работал в Париже, я с ума сходил, смотрел на Тур Эйфель, блуждал по Лувру и по бульварам. По ночам писал картины — коровы розовые, летящие головы. Синело небо, зеленели краски, полотна удлинялись и скрючивались и отсылались в Салон. Смеялись, ругали. Краснел, розовел, бледнел, ничего не понимал...»

(М. Шагал. Памяти М.М. Винавера. «Рассвет». — Париж, 1926 г., № 43, с.11).

В Париже Шагал познакомился с художником Амшеем Нюренбергом.

«Париж. Зима 1911 года. С улицы Сен Жак я перебрался на улицу Данциг. Квартиру снял бедняцкую. Она состояла из одного зала, который служил мне одновременно студией. В квартире было вечно холодно и неуютно.

Единственным радостным моментом был мой новый сосед - художник Марк Шагал. Тогда молодой парень, с синевато-серыми глазами, светло-каштановыми волосами и настолько худой, я удивлялся, откуда у него берутся силы работать. А работал он много. Однажды Марк завёл меня к себе в мастерскую и показал большой холст, почти 1,5 на 2 метра, на котором он писал картину. Она должна была называться «Рождается человек». Одев рабочий халат, Шагал подошёл к холсту, в левой руке он держал большую парижскую палитру, эскиз и несколько мягких кистей. Холст, натянутый на подрамник, стоял на высоком стуле, испачканном красками. Здесь же стояла банка с жидкостью для мытья кистей. Я спросил:

- Марк, такое больше полотно, и такой маленький эскиз?
- Больших эскизов мне не надо, ответил Шагал. Я всё держу в голове. Я до начала работы вижу готовую картину.

Когда картина была закончена, я был ошеломлён. На полотне: большая комната, обвешанная светлыми тканями, широкая кровать, где лежит роженица, вокруг неё заботливо суетятся женщины. В глубине комнаты печь, стол с самоваром, на столе — большие буханки хлеба. Всё это выглядело, как увеличенная картинка. Я смотрел на эту картину и думал: "Шагал умеет показать своё восприятие вещей, те ассоциации, которые рождаются в мозгу. Он создаёт на картине свой мир. Поэтому его композиции и краски неповторимы".

Начались холодные дожди. Художники замерзали в своих ателье. По вечерам они собирались в кафе, чтобы согреться и беседовать об искусстве.

Прожил я по соседству с Шагалом чуть больше года. Я хорошо помню наши длинные разговоры о творчестве. Марк очень много внимания уделял каким-то фольклорным зарисовкам из еврейского быта, любил часами разглядывать иллюстрации к старинным религиозным книгам, восхищался картинами художников из народа, которые не получили академического образования. Говорил, что на этих картинах краски и стиль свежие, не затушёванные штрихами академизма.

Иногда мне казалось, что перспектива, анатомия, другие академические знания связывали Шагала. Он пытался и находил свои средства для отображения мира.

...Нельзя рассматривать Шагала лишь как фантаста. Он написал ряд портретов в реалистической манере. Но его реализм, как и реализм Пикассо — особый. Необычно острый, экспрессивный, выразительный и наполнен поэзией. Шагаловские портреты дают не только характеристику изображаемого лица. Они в тоже время и автопортреты. Зритель чувствует и тех, кто позировал, и того, кто рисовал».

(А. Нюренберг. «Мой друг — Марк Шагал»).

Шагал приехал в Париж, когда кубизм уже проторил себе дорогу в мастерские молодых художников. С присущим ему энтузиазмом художник примыкает к кубистам. Но и здесь мы видим его своеобразный творческий метод. Его кубизм какой-то декоративный, орнаментальный, окрашенный в светлые тона. Художник остроумно использовал геометрию природы для выражения собственных фантастических мотивов. Освобождаясь от тяжёлых нагромождений, он наполняет кубизм поэзией. Как это ни парадоксально, но для Шагала кубизм стал средством освобождения от него.

Шагал понял французскую живопись, импрессионистов и Матисса. Но остался особенным художником, который никого не копировал.

Вскоре на выставках он почувствовал, осознал своё отличие от традиционной французской живописи того времени. И неожиданно для себя пришёл к выводу, что ему чужды импрессионизм, кубизм и другие модные течения. «По-моему, искусство — это, прежде всего,

состояние души... Душа свободна, у неё свой разум, своя логика».

В Париже у Шагала произошла большая переоценка ценностей. Но, по-прежнему, с огромной теплотой, он относился к Максиму Моисеевичу Винаверу, который, приезжая в Париж, обязательно разыскивал художника и спрашивал: «Ну, как?».

Шагал боялся показывать ему свои картины. Вдруг, не понравятся. Винавер говорил, что в искусстве он не знаток. «Не понимает, — позднее скажет Шагал, — но чувствует цвет душой». Винаверу работы Шагала понравились. Он сказал: «Оправдали, оправдали вы мои надежды». Правда, сказано это было позже, когда Винавер приехал на свадьбу к сыну. А Шагал пришёл уже со своей женой. И был вторично счастлив, также, как 19 лет назад, когда Винавер приютил его в редакции «Восхода».

 Без Парижа, — скажет Шагал, — я был бы обыкновенным зелёным евреем.

И хотя его давний знакомый, критик М. Сыркин, пишет на страницах журнала «Еврейская жизнь»: «По многим признакам он был (в Париже — А.Ш.) ещё бродячим мутным молодым вином». Именно в Париже Шагал делает огромный шаг вперёд и становится не только очень интересным, но и известным, популярным художником.

В 1912 году в Салоне Независимых Шагал выставляет три полотна: «Саул», «Моей невесте посвящается», «России, ослам и другим».

Шагал проводит много времени в Люксембургском саду, на Монпарнасе. И однажды, глянув на Париж с Эйфелевой башни, воскликнул: «Подо мной Париж! Мой второй Витебск!... Витебск — это место особое, бедный, захолустный городишко... Это только мой родной город, куда я опять возвращался. И с каким волнением!».

В 1914 году его выставка проходит в Берлине в галерее «Дер Штурм», а вслед за ней выставка в Амстердаме.

На берлинской выставке, первой персональной выставке художника, представлено 40 его картин и 160 работ на бумаге. Выставка открывается с большим успехом.

15 июня Марк Шагал берёт билет до Витебска и собирается нанести краткий визит домой.

Одной из причин приезда были письма Беллы Розенфельд, в которых она писала Шагалу, что пора принимать какое-то решение. То ли они становятся мужем и женой, то ли, возраст B 72017

такой, что она начнёт всерьёз относиться к другим предложениям.

Да и сам Шагал пишет об этом: «Этот четвёртый и последний мой роман едва не кончился за четыре года жизни за границей. К концу моего пребывания в Париже у меня оставалась только пачка писем. Ещё год и всё бы между нами кончилось».

Шагал планировал недолго пробыть в Витебске и вернуться обратно в Париж.

Но началась Первая мировая война и художник «застревает» в России.

После парижских лет интенсивного художественного творчества Шагал вновь очутился в провинциальной действительности своего родного города, который, тем не менее, он открывает для себя заново. Он смотрит на Витебск с высоты Парижа. И город ему кажется маленьким, улочки слишком узкими, домики слишком низкими, а он — большой. Возникает деформация пространства, несоразмерность, в первую очередь в голове, а затем уже она выплёскивается на его картины.

Не знаю, встречался Шагал с С. Ан-ским или нет, но заочно, безусловно, его знал. Вопервых, Ан-ский не раз бывал у его учителя Юделя Пэна, и думаю, что Пэн рассказывал своим ученикам об этом удивительном человеке. Кроме того, в одно время с Шагалом у Пэна учится и Соломон Юдовин. Их дороги пересекались и в последующие годы. Когда после революции Шагал приехал в Витебск руководить новым искусством, С. Юдовин стал преподавать в художественном училище. С. Ан-ский приходился дядей С. Юдовину, ездил с ним в этнографические экспедиции. Так что, наверняка, рассказывал об этом Шагалу. Да и после Витебска, уже во времена кратковременного московского пребывания, Шагал пытался сделать для театра «Габимы» сценографию для пьесы С. Ан-ского «Диббук». Но не сошёлся вкусами с режиссёром Вахтанговым, который ставил этот спектакль.

Не убеждён, что по возвращению из Парижа, когда Шагал навещал своих родных в местечке Лиозно, он вспоминал слова С. Ан-ского, но я хочу их привести, потому что они очень уместны.

«Вернуться из яркого мира европейской культуры к покрытому язвами старому нищему только потому, что он родной, конеч-

но, подвиг. Ощущение у них такое, что они отошли от чего-то универсального к маленькому и бедному, но своему, и в этом большая ошибка. Происходит она оттого, что те, которые жили вне своего народа, знают еврейство только с внешней его стороны, видя в нём только горе, страдание и нищету, но нация живёт не страданиями, а восторгом сознания своего "я", радостным творчеством, гордостью своей культуры, поэзией своего быта. Только этим. Не будь этого, еврейского народа давно бы не существовало. На возвращение к еврейству можно и должно смотреть поэтому не как на подвиг, не как на самоограничение, а как на ввод в наследство, как на приобщение к огромному богатству, которым можно радостно и гордо жить».

В Лиозно жил дядя Зуся. Парикмахер, один на всё местечко. Парикмахер, каких надо поискать.

Ещё при жизни отца, Мордуха-Давида, Зуся перебрался в новый двухэтажный дом. Первый этаж был каменным, там располагалась его парикмахерская. На втором этаже жили хозяин и его семья. Именно этот дом запечатлён на одной из самых известных шагаловских работ «Дом в местечке Лиозно».

Кстати, из вывесок на доме (а на картинах Шагала вывески, реклама обычно передаются с фотографической точностью) мы узнаём, что здесь была также «Мучная и бакалейня Хаинсона».

«Он мог бы работать в Париже, — пишет о дяде Зусе его племянник. — Усики, манеры, взгляд. Но он жил в Лиозно. Был там единственной звездой. Звезда красовалась над окном и над дверьми его заведения. На вывеске — человек с салфеткой на шее и намыленной щекой, рядом другой — с бритвой, вот-вот его зарежет.

Дядя стриг и брил меня безжалостно и любовно и гордился мною (один из всей родни!) перед соседями и даже перед Господом, не обощедшим благостью и наше захолустье.

Когда я написал его портрет и подарил ему, он взглянул на холст, потом в зеркало, подумал и сказал: "Нет уж, оставь себе!"».

Интересна и сама история написания этой картины. Дядя Зуся не хотел, чтобы его рисовали, и, когда молодой Шагал просил его позировать, он придумывал любые поводы, чтобы не делать этого. Ещё бы, что подумают в местечке, что скажут в синагоге? Из него, из Зуси, для которого всю жизнь Суббота была Субботой, а

Йом-Кипур — Йом-Кипуром, сделали какогото идола и нарисовали красками. Но с другой стороны, так хотелось увидеть свой портрет, он всё-таки не кто-нибудь, а известный в Лиозно человек — парикмахер Зуся.

И тогда нашли компромисс. Марк Шагал пристроил в дверях парикмахерской зеркало и рисовал Зусю по его отражению в нём. Чем закончилась эта работа, вам известно.

По всей видимости, этот забавный рассказ о первой картине Шагала, написанной с дяди Зуси в 1912 году. Она называется «Парикмахер». На ней изображён дядя Зуся, в кресле сидит намыленный клиент, которого сейчас будут брить и стричь, а чуть сзади стоит ещё один и ждёт своей очереди. Думаю, что идея коллективного портрета принадлежала не художнику, а его дяде. Все должны были знать, что у Зуси много клиентов и он пользуется заслуженной популярностью.

Через два года Марк уговорил дядю позировать ещё раз. Не знаю, понадобилось на сей раз зеркало или нет. Дядя решил, что Марк побывал в Париже, кое-чему научился и новый портрет получится более солидным. На всякий случай, чтобы было меньше разговоров, в этот раз клиентов в парикмахерской не было. Дядя Зуся один сидел в кресле. Правда, вряд ли ему понравился и новый портрет, написанный племянником. Ну, что делать, у парикмахера в местечке и у художника, приехавшего из Парижа, разный вкус, даже не глядя на то, что они близкие родственники.

Не подогрела интереса у дяди Зуси и подпись на картине, сделанная на французский манер Chagall. А как же, не абы кто приехал в местечко, а художник из самого Парижа. Марк Шагал всю жизнь любил славу, почёт и не отказывался от него ни в Лиозно, ни в Париже.

История оценила эту работу лучше, чем дядя Зуся. Сейчас она хранится в Третьяковской галерее.

Когда старый парикмахер уже не мог стоять около кресла, он передал своё дело сыну Давиду. Давид плохо слышал, но очень любил поговорить. Клиентов обычно встречал шуткой: «Наступил торжественный момент — начинаем делать перманент». Ему на ухо кричали: «Стриги наголо. Наголо». Он слышал, кивал головой, а вслух повторял свою прибаутку. Не мог он, наследственный лучший парикмахер в местечке, заниматься таким пустяком, как стрижка наголо.

Напротив парикмахерской находился магазин, где торговал тканями и галантереей двоюродный дядя художника Борух Шагал, который жил недалеко от синагоги, на левом берегу реки Мошна.

Приезжая в Лиозно, Марк любил останавливаться у Боруха. Днём художник много рисовал, а по вечерам они усаживались у большого круглого стола, пили чай с вареньем и подолгу разговаривали. Борух был знающий человек, много читавший, и художник с интересом слушал его рассуждения о политике.

В это время Марк Шагал пишет картину «Смоленская газета».

За столом, на котором установлена керосиновая лампа, сидят двое мужчин, читают вслух газету «Смоленский вестник» с сообщениями о войне. Судя по лицам людей, вести не самые приятные. Безусловно, на картине нарисованы другие персонажи, не двоюродные братья Шагалы. Но, похоже, картина стала своеобразным отражением вечерних бесед Марка и Боруха. Сейчас картина находится в Художественном музее в Филадельфии.

В том же году Марк Шагал создаёт одну из самых известных работ — «Аптека в Лиозно». Иногда картину ошибочно называют «Аптека в Витебске». Когда смотришь на эту работу, кажется, что во всём мире тишина и спокойствие, как на этой сельской улице. Хотя уже лето 1914 года. И весь мир живёт в предчувствии Первой мировой войны.

В марте 1915 года Шагал по рекомендации Тугендхольда приглашается к участию с 25 работами в выставке «1915» в художественном салоне Михайловой в Москве.

Но главным событием 1915 года стала не эта выставка, а хупа (обряд бракосочетания) Беллы Розенфельд и Марка Шагала. Она состоялась 25 июля 1915 года.

В день свадьбы Яков Розенфельд, брат Берты (Беллы), по просьбе своей сестры провожал Марка домой. Белла считала, что в день свадьбы какие-то духи преследуют жениха и его нельзя оставлять одного.

Привыкание к русскому обществу оказывается очень сложным. Кроме того, война и призыв в армию становятся реальностью. С помощью брата Беллы, Якова Розенфельда, Шагала устраивают в Петербургский коми-

33

тет военной экономики. Он отвечал за обзор прессы. Это была полувоенная организация и давала освобождение от армии. И хотя, для не очень грамотного в русском языке Шагала, работа была сложной и грозила всё время казусными ситуациями, с помощью Беллы он справлялся с ней.

Петербург дал Шагалу новые знакомства, новые возможности участвовать в выставках. В литературных кругах Шагал встречается с Блоком, Есениным, Маяковским, Борисом Пастернаком. Большое впечатление на него производит Есенин. Шагал говорит, что «после Блока он единственный крик души в России».

такого сближения с властями. Женским чутьём она просто не верила им.

Она увозит Шагала обратно в Витебск.

Но спрятаться от новой власти нельзя было ни в Витебске, ни в Лиозно. Тем более что Шагал становится знаковой фигурой. Он известный живописец.

В 1918 году выходит монография о нём, написанная Абрамом Эфросом и Яковом Тугенд-хольдом. О Шагале говорят и в модных салонах, и за границей. Он из бедной семьи, выбившийся в люди за счёт таланта и труда. Для новой власти было очень заманчиво, чтобы такие люди сотрудничали с ней: и для результата и для имиджа. И

В 1916 году в Петрограде в Художественном бюро Н.Е. Добычиной состоялась первая персональная выставка Марка Шагала в России.

Значительное количество работ приобретается знаменитыми коллекционерами Каганом-Шабтаем, Высоцким, Морозовым. Искусствоведы считают Шагала одним из крупнейших художников своего времени.

18 мая 1916 года рождается дочь Ида.

Октябрьскую революцию Шагал встретил с радостью. Во-первых, он всю жизнь верил в красивые идеи: «Равенство. Братство». Вторая причина: его дружба с Наркомом просвещения Анатолием Луначарским. Луначарским даже ставится вопрос об организации Наркомата по делам культуры во главе с Маяковским в области поэзии, Меерхольдом в области театра и Шагалом в области изобразительного искусства. Шагал был готов принять этот пост. Но осторожная и осмотрительная Белла была против

Шагал тянулся к этой власти ещё и потому, что был честолюбивым человеком и хотел реализовать свои проекты.

Власть и Шагал нашли общий язык, и в августе 1918 года Луначарский даёт согласие на осуществление предложенного Шагалом проекта организации школы изобразительного искусства в Витебске. Шагал назначается комиссаром. У него есть право и обязанность «организовывать художественные школы, музеи, выставки, лекции и другие художественные мероприятия в городе Витебске и Витебской губернии».

И вместо того, чтобы спокойно рисовать картины, — признавался Марк Шагал, — я становлюсь директором Школы изящных искусств, её президентом и всем, чем хотите.

«Идея об организации Худ(ожественного) учил(ища) пришла ко мне в голов(у) по приезде из-за границы, во время работы над "Витебской серией" этюдов, — сообщал М. Шагал искусствоведу П. Эттингеру 2 апреля 1920 года.

В Витебске ещё тогда было много столбов, свиней и заборов, а художественные дарования где-то дремали, — констатировал он. — ...В стенах его около 500 юношей и девушек разных классов, разных дарований и уже... "направлений"».

«Я лез из кожи вон, чтобы добыть необходимые школе средства, краски, материалы. Кроме того, вёл бесконечные хлопоты по освобождению учеников от военной службы... Если какойнибудь художник выражал желание работать в школе педагогом, я приглашал его на работу».

В 1918 году в Витебске работают такие известные художники, как Добужинский, Пуни, Тильберг, Юдовин, Якерсон, Пэн, в 1919 году среди служащих народного училища значатся — Эль Лисицкий, Ермолаева, в 1920 году — К. Малевич, Н. Суетин, Н. Чашник, Р. Фальк.

Каким образом Шагалу удалось собрать в Витебске такое яркое созвездие художников?

Несмотря на то, что фронт находился сравнительно недалеко от Витебска, половина Полоцка и вся Орша была оккупирована Германией и в городе с более чем стотысячным населением, оказалось почти 40 тысяч красноармейцев, с десяток крупных госпиталей, Витебск всё-таки, по сравнению со столицами, был относительно спокойным и сытым городом. И художники ехали сюда поработать и переждать смутное время.

Кроме того, на них действовал авторитет Шагала. Первое время Марк Шагал пользовался огромной популярностью среди студентов и преподавателей. У входа был вывешен лозунг: «Чтобы каждый так шагал, как художник Марк Шагал». Не знаю, как сам директор относился к прославлению своего имени, но, по всей видимости, ему это нравилось.

К первой годовщине Октябрьской революции Шагал решил оформить город. Была создана специальная комиссия по подготовке города к празднику, куда кроме Шагала вошли Юдовин, Бразер, Якерсон и художник-искусствовед А. Ромм.

16 октября 1918 года появился уникальный декрет, аналогов которому, вероятно, нет в мировой истории искусств.

«Всем лицам и учреждениям, имеющим мольберты, предлагается передать таковые во временное распоряжение художественному комитету по украшению г. Витебска к Октябрьским праздникам. Губ. уполномоченный по делам искусства — Шагал».

«Здесь (в Витебске — А.Ш.) было не так уж мало мастеровых. Я собрал их всех — стариков и детей и сказал: "Послушайте, вы и ваши дети — все будут учениками моей школы. Закрывайте ваши мастерские вывесок. Вот дюжина эскизов. Перенесите их на большие полотна и в день, когда рабочие пройдут по городу со знамёнами и факелами в руках, вы развесите их на стенах города и его окрестностях"».

(М. Шагал. «Моя жизнь»).

Главными элементами оформления города стали панно и плакаты на полотне. Большинство изображений делалось на белом фоне, что усиливало броскость их восприятия. Широко использовались символы и аллегории. На Соборной площади (площадь Свободы — А.Ш.) возвышалась трибуна из крупных прямоугольных объектов, обтянутых кумачом.

«Учеников художественной школы, — вспоминает Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон, — послали в помощь маляру Ханину. Он увеличивал эскизы. Ученики помогали оформлять плакаты. Рисовать большой малярной кистью было очень тяжело. Ханин говорил, что с вашими ручками только мазать маленькие картинки».

25 октября в первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции по всему городу, как пишет М. Шагал, «раскачивались разноцветные животные. Рабочие шли по улицам с пением "Интернационала". Видя, как они улыбаются, я был уверен, что они меня понимают. Начальство, коммунисты казались менее довольными. Почему корова зелёная и почему лошадь летит по небу, почему? Какое отношение это имеет к Марксу и Ленину?».

В центре внимания был огромный транспарант «Вперёд».

Впрочем, символы и аллегории М. Шагала были непонятны не только начальству. Их не понимал даже первый учитель Марка Шагала Юдель Пэн.

Ко второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции художник снова оформлял город. Значит, несмотря на непонимание местных чиновников, оргвыводы не были сделаны, вероятно, боялись А. Луначарского.

7 ноября 1919 года витебляне были изумлены. Здание Николаевского собора было затянуто большими полотнищами. На них были нарисованы длиннобородые старики на ярко $\Im \overline{\mathfrak{Z}}_{\mathbf{z}_{017}}$

зелёных конях в яблоках, устремляющиеся в небо. Это было красочно, любопытно, но непонятно. По свидетельству И. Абрамского, между Ю. Пэном и М. Шагалом произошёл разговор:

- Ну, скажи, что ты нарисовал на своих панно? Куда летят эти седобородые старики на зелёных лошадях?
- Неужели не понятно? вздохнул М. Шагал. Это очистительный вихрь революции смёл все преграды. А лошади это человеческая мечта, молодая, как распустившийся сад, зелёная, как молодая надежда...
- Вот как, вздохнул Пэн, к сожалению, это понятно только тебе одному. Но раз ты решил говорить с народом, так изволь разговаривать так, чтобы тебя поняли».

Ученики художественной школы, потом она много раз меняла названия, были вправе выбирать своих педагогов. Получилось так, что с каждым днём всё больше и больше учеников М. Шагала уходило к Малевичу. Кстати, не хотел Шагал принимать Малевича на работу, но настоял Эль Лисицкий. Говорил, что для художника превыше всего искусство, а не кабинетные разборки, кто кого подсидит, кто кого выживет. Он говорил, что Малевич проповедует другое искусство, но у молодёжи должна быть свобода выбора. И Шагал принял Малевича на работу.

Казимир Малевич развернул в Витебске бурную деятельность, даже превзошёл в этом Шагала. Появляется новая организация — УНОВИС (Учредители нового искусства).

«Ныне группировки "направлений" достигли своей остроты; это: 1) молодёжь кругом Малевича и 2) молодёжь кругом меня. Мы оба, устремляясь одинаково к левому кругу искусства, однако, различно смотрим на средства и цели его».

(Из письма М. Шагала к П.Д. Эттингеру. Витебск, 2 апреля 1920 г.).

Студенты, которые раньше тянулись к Шагалу, потому что он был новый, революционный, авангардный и уходили, в том числе и от старого и мудрого художника Пэна, теперь стали отворачиваться от Шагала и уходить к Малевичу. Но если Пэн с его мудростью лишь тихо замечал: «Мода переменчива, сколько течений в искусстве я пережил на своём веку!». Но, безусловно, переживал, что его ученик Шагал, которого он вывел в люди, ни разу не подошёл к нему, не объяснился. Пэн никогда

не устраивал публичных обсуждений достоинств или недостатков Шагала, не устраивал демаршей. Реакция Марка Захаровича, когда история отыгралась на нём, и ученики от него ушли к Малевичу, была не только бурной, это был взрыв негодования. После громкого объяснения Шагал покидает Витебск. Это было в середине 20-го года. Он уезжает в Москву.

А, возможно, ссора с Малевичем была предлогом для отъезда. «В конечном итоге у нас теперь в городе "засилье" художников... Спорят об искусстве с остервенением, а я переутомлён и мечтаю о загранице. В конце концов для художника (во всяком случае для меня) нет более пристойного места, как у мольберта, и я мечтаю, как бы засесть исключительно за картины».

(Из письма М. Шагала к Павлу Давидовичу Эттингеру. Витебск, 2 апреля 1920 г.).

29 июня 1920 года по губотделу просвещения издаётся приказ № 14 «Зав. секцией ИЗО подъотделом искусств Шагал за переездом в Москву освобождается от занимаемой должности. Временно заведовать секцией ИЗО возлагается на зав. Музейной секцией художника Рома».

Во главе института становится В.М. Ермолаева — сторонница Казимира Малевича.

Шагал уехал из Витебска, уехал навсегда и больше уже никогда не возвращался в этот город. Но спустя более полувека, в июне 1973 года, выступая на открытии своей выставки в Государственной Третьяковской галерее, Марк Шагал сказал: «Вы не видите на моих глазах слёз, ибо, как это ни странно — я, вдали душевно жил с моей родиной и с родиной моих предков.

Я был душевно здесь всегда. Но я, как дерево с родины, висел как бы в воздухе. Но всё же рос...

Можно обо мне сказать всё, что угодно — большой я или маленький художник, но я оставался верным моим родителям из Витебска».

В каждой работе Шагала обязательно присутствует сам художник. Где-то явственно, а где-то незримо. Он и на цирковой арене, и рядом с Эйфелевой башней, и среди покосившихся заборов Витебска. И, конечно же, в небесах, где летают влюблённые и старые евреи, рыбы и коровы, где в невесомости парит весь мир.

Художник был рождён для полёта, и этот полёт продолжается до сих пор.

Cmuxu

Алла ЛЕВИНА

Поэт, переводчик. Родилась в Минске.

Закончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков (ныне – Минский государственный лингвистический университет).

Преподавала английский язык, работала в библиотеке, занималась переводческой и экскурсионной деятельностью.

Печаталась в журналах «Нёман», «Новая Немига литературная» и др.

С журналом «Мишпоха» сотрудничает на протяжении многих лет.

Автор книги переводов «Я буду петь...» и двух книжек для детей.

Живёт в Минске.

***

А клубочки катятся, путаются ниточки, Узелочки вяжутся, ткётся полотно... Судеб кратковременных тоненькие свиточки, Жизни разноцветное, вечное кино.

Если что нарушится, если что сломается, Тотчас же починится, заструится вновь. А клубочки катятся, нитки не кончаются, То любовь, то ненависть и опять любовь.

Широта надмирная, высота надзвёздная, Песня наднебесная, голос внеземной... Всё, как видно, вовремя — раннее и позднее, И узор, не видный нам, в общем-то простой:

В узелок завяжешься, где-нибудь останешься, А клубочки катятся, вертится кино... Что же после станется — и не догадаешься, Ткётся, ткётся вечное жизни полотно...

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Живое ощущение весны, Крахмального белья взмывают крылья. Как наша память будоражит сны, Спасает в час тревожного бессилья!

Вчера, давно, когда-то... Никогда??? Нет-нет, всегда, пока мы живы – с нами! И этот день, и солнце, и вода, Так радостно бегущая ручьями!

Двор. На верёвке плещется бельё, В цветном тазу прищепок ожерелье. И всё вокруг родное, всё своё. И смех, и беспричинное веселье.

Как жизнь прекрасна, как ещё длинна! Огромность солнца, чёткий контур тени, Бездонность неба и голубизна, И ветер, обнимающий колени!

Всё то, что с нами было, — не прошло! А всё, что с нами будет, — разве важно, Когда в душе и за окном светло, И день плывёт корабликом бумажным! ***

Что это было? Было иль не было? Былью казалось. Теперь же вот – небылью. Неудержимым и невозвратимым Сном мимолётным, видением мнимым.

Чем это было? Родным, узнаваемым, Тёплым, телесным, живым, осязаемым? Несознаваемым счастья мгновением? Краткою радостью и вдохновением?

Стало же даже не памятью — знанием. Болью, бессилием, чёрным отчаяньем. Чувством вины и мольбой о прощении, Необратимостью оцепенения...

Было иль не было? Быль или небыль? Солнце весеннее, синее небо, Лёгкое облачко, звонкая стая... Лишь на душе снег не тает, не тает...

***

Каждый год повторяется это: День короче, темней небеса. Угасанье короткого лета, Улетающих птиц голоса...

Незаметно вползающий холод В одиночество хмурых квартир, И с трудом утоляемый голод Душ усталых, истёртых до дыр.

Тишину разрушая ночную, По-собачьи скулит за окном Мелкий дождь, изливая глухую Боль-тоску...
Но о ком он? О чём?

Не о нас ли, что время распада Проживать снова обречены, Чтоб дождаться – как знать? – снегопада, А затем, может быть, и весны?!

И опять, и опять всё по кругу, Лишь достало бы сердца и сил, Чтоб сквозь дождь Или снежную вьюгу Слышать сердцебиенье друг друга И любить всех, кого ты любил. ***

Знакомый запах, стен шершавость, Наличников узор певучий, Дверных замков старинных ржавость... Какая ожидает участь Деревья эти, эти крыши, Крылечки, улочки, скамейки? И воздух... Тот, которым дышишь, Лишь только чуть прикроешь веки... О, наша память, наша сила, Равно и горечь в ней, и сладость, Но только бы не изменила Мучительная эта радость! Но только длилась бы и длилась Обманчивая бесконечность. Рекою медленной струилась, Втекая вместе с нами в Вечность.

***

Сон не был изгнан мной, Наоборот – Меня изгнал он Из своих владений, Оставив лишь Осколки сновидений, Как зеркала Разбитого, и вот Теперь пытаюсь Как-то их собрать, Соединить В понятную картину, Затем, чтобы Хотя бы половину Намёков скрытых Всё же разгадать. Ведь всё равно Когда-то доплывём, Иль добредём, Дотащимся, домчимся Туда, где мы уже Не пригодимся, Где сновидений нет -Лишь вечный сон! Но, может быть, Загадку разгадав, Мы выиграем Времени немного, И чуть длинней Окажется дорога, Чуть радостнее и Счастливей явь.

МИНСК НА ФОТО 1941 ГОДА

О, как это страшно: был город –

И вот уже нет его!

И только руины, руины, руины...

И горы камней и песка,

И стекла, и железных обломков...

Коробки домов, как скелеты,

Пустыми глазницами чёрных оконных проёмов

Глядят в почерневшее небо,

Глядят и не видят...

И пусто – зловеще!

И глухо – зловеще!

И немо – навзрыд,

И беззвучно, бесслёзно и жутко.

И чёрное горе удушьем и хваткой смертельной.

Бессильем и острою болью и кровотеченьем...

Что станется, будет, что снова случится с тобою,

О, мой изувеченный и обезлюдевший город?

Смотрю и смотрю я

На старый и выцветший снимок,

На город, где нет меня,

Но предстоит мне родиться

На улицах этих, названья которых остались

На картах старинных,

На давних конвертах почтовых...

Мой город любимый, где я уже тоже успела

Прожить, как смогла,

И почти что состариться даже...

А я всё дрожу и дрожу над тобой,

Как над малым ребёнком,

Гляжу, не дыша, и душою тебя обнимаю.

Рисунки Лии ШУЛЬМАН.

***

День печальных вестей,
За окном безутешная осень.
Мелкий дождь моросит,
И по окнам слеза за слезой.
Мы давно ничего
Для себя у природы не просим,
А земля всё плотней
Покрывается палой листвой.
Ах, как Время летит...
Пролетят, отшумят листопады,
Вновь наступит весна,

И проклюнется клейкой листвой

Чья-то новая жизнь,

Ну а нам новой жизни не надо,

Только длилась бы та,

Что нам Небом дана и Судьбой.

Чтобы те, кого любим,

И те, кто родных всех роднее,

За опавшей листвой

Не бросались стремительно вслед.

Даже если дожди,

И ветра всё сильней и сильнее,

Даже если беда

И надежды почти уже нет.

Я давно мечтаю поймать в слова эту музыку. Е. Кошкина

Силки расставлены. Слова – Крючки, нажива. А музыка всегда права, Всегда не лжива. И звук бесхитростно плывёт В слова, как в сети, Но как услышишь наперёд Созвучья эти? Как угадаешь, что они Друг другу рады? Ты затаись и не спугни Их из засады. И звук другой услышит звук, Плывя навстречу, И, наконец, сомкнётся круг И станет речью. Ты в ней биенье двух сердец Услышишь точно, И лишь тогда ты, наконец, Запишешь строчку.

3 T₂₀₁₇

Галина ПИЧУРА

Галина Пичура выросла в Ленинграде. С 1991 года живёт в Нью-Джерси (США). Работает программистом.

Стихи публиковались в журналах «Листья» (Калифорния, США), «Нашем альманахе» (Нью-Йорк, США), «Юность» (Москва, Россия), в коллективных сборниках. Автор книги стихов «Пространство боли» (Санкт-Петербург, Россия, 2006).

Публикации прозы в русскоязычной периодике многих стран.

Победитель международного литературного конкурса «Первая любовь» (Самара, Россия).

Призёр международного литературного конкурса «О любви» (Беларусь).

Член Объединения Русских Литераторов Америки (ОРЛИТА).

Сайт автора: www.pichura.com

МАНЕЧКА И БОРЯ

Родители любили друг друга. Мы с братом всегда это знали. В детстве нам казалось, что наша мама — настоящая королева, потому что папа относился к ней с абсолютным обожанием. Если она вдруг прилегла днём на часик, чтобы отдохнуть, папа требовал полной тишины от нас, детей, и, не дай Бог, если мы, забывшись, начинали галдеть. Когда мы протягивали руки к вазочке с фруктами, он нередко одёргивал нас со словами: «Последняя груша — маме! Я завтра куплю ещё, и всем хватит».

Из тысячи мелочей, порой непередаваемых словами, была соткана атмосфера нежности и любви к маме, которая от папы распространялась волнами по всем граням нашей жизни.

Мамина любовь к отцу проявлялась иначе, но была тоже явственной и неоспоримой. Как и положено королеве, мама держалась независимо, но всегда помнила, какие блюда предпочитает её муж, о чём не стоит ему рассказывать, чтобы не огорчить, чем можно его порадовать, от чего оградить, но главное — что ему нужно в жизни, причём, как казалось нам с братом, маме это было известно гораздо лучше, чем самому отцу. Но он настолько доверял своей сероглазой, нежной и умной супруге и так сильно любил её, что вполне комфортно чувствовал себя в роли ведомого, хотя, скорее всего, он вряд ли так определял свою роль сам. И, в принципе, все эти деления на ведущих и ведомых – удел психологов, если что-то у кого-то не ладится. А когда в отношениях есть главное: уважение, преданность и нежность, копание в ролях и прочих «винтиках», составляющих людское счастье, всегда казались мне мелким и нелепым занятием.

* * *

...У отца уже начались боли, и мама колола его сильнодействующими лекарствами, называя их витаминами.

Папа знал, что ему оставалось жить совсем недолго. И хотя никто ему этого не говорил, а сам он щадил нас и избегал прямых вопросов, он, конечно, всё понимал. Врачи выдали маме две справки: одну настоящую, вторую — с невинным диагнозом, но обе выглядели досто-

верно и впечатляли печатями. Так поступали в России 70-х. Возможно, именно в этом проявлялась высшая гуманность к человеку, хотя многие не без успеха до сих пор сражаются за то, чтобы страшная правда о скором уходе из жизни была гарантирована каждому.

Однажды папа позвал меня, и я внутренне насторожилась: а вдруг он спросит о своём диагнозе! Но он стал вспоминать молодость, первую встречу с моей мамой, прогулки по вечерней Москве, недолгий роман, а потом — более чем скромную свадьбу с горячей дымящейся картошкой в деревянном гомельском доме, в семье маминых родителей. Почти в каждом предложении звучало: «Ни о чём не жалею», «Если бы начал жить снова, я бы поступил так же».

Мне стоило огромного труда притвориться, будто я не понимаю: родной мне человек подводит итоги своей жизни.

— Встреча с твоей мамой — это самое лучшее, что со мной случилось в жизни, — произнёс он и закрыл глаза. Я встала, чтобы выйти из комнаты, и тут... Он встрепенулся, приподнялся на подушке и бросил на меня тот самый обнажённый взгляд-вопрос, содержащий последнюю надежду на возможную ошибку о смертельном приговоре судьбы.

Даже сейчас, через много лет, я помню этот взгляд. Отчаяние слилось с надеждой! Собрав все силы, я чмокнула отца в щёку, улыбнулась как можно беззаботней и, выходя из комнаты, прикрыла за собой дверь.

Прихватив с вешалки куртку, я выскочила на улицу и дала волю своим чувствам. Через несколько минут мама догнала меня:

Он опять делился воспоминаниями?
 Почему-то и мне сегодня хочется говорить о юности...

Знаешь, я ведь поначалу не любила твоего отца. Всё это пришло потом, позже. Зато крепко и навсегда. Это неправда, что настоящая любовь обязана вспыхивать мгновенно. Вспышка — это не любовь, а страсть. Но она же и гаснет безвозвратно. А с любовью всё иначе. Она бывает острой и хронической, почти как болезнь. Но в юности это мало кто понимает.

После войны семья моих родителей вернулась из эвакуации в Гомель. Мужчин поубивало! Выжившие, в основном, — калеки, без рук, без ног. В нашей семье — целых три невесты: я и

две младшие сестрёнки, Рая и Соня. Твой дед, Ошер, высокий голубоглазый блондин, вернулся с войны невредимым и сокрушался, обращаясь к своей жене:

— Где ж мы найдём троих женихов для наших красавиц, Эстер?».

Хрупкая кареглазая бабушка, с чёрными, как смола, волосами на прямой пробор, тихо вздыхала в ответ своё вечное: «Вей'з мир!».

Война закончилась, и наступила долгожданная пора любви. Мы с сёстрами ходили по очереди на танцы: по возвращении из эвакуации у нас на троих было одно приличное платье. Под звуки «Рио-Риты» и «Брызгов шампанского» я влюбилась в гомельчанина Яшу, а он — в меня. Высокий красивый парень, непьющий, весьма красноречивый... В общем, завидный жених. Роман стремительно развивался, дело шло к свадьбе, как совершенно неожиданно поочерёдно произошли два значимых события. Сначала пропал Ошер – мой папа. А потом – Яша. Отец, правда, быстро «нашёлся»: его арестовали в электричке, по дороге в Речицу, куда он отправился по своим скорняжным делам. Он мирно беседовал с бывшим одноклассником: случайная встреча. Тот куда-то ехал с чемоданом. А при патрулировании вагона (то ли рутинная проверка, то ли намеренная) выяснилось, что в чемодане - полно товара, которым одноклассник собирался спекулировать. Папа – ни сном ни духом, но забрали обоих, тем более, что одноклассничек оказался редкой сволочью и отрёкся от чемодана в пользу отца. Разбираться не стали.

Папа получил статью за спекуляцию, и дали ему аж десять лет. Твоя бабушка Эстер рыдала каждую ночь, а днём хлопотала у плиты, чтобы накормить нас, своих девочек. Мои сёстры тоже плакали, но помочь ничем не могли.

Молодость брала своё: власть мирного неба и «Рио-Риты», обещавшей близкую любовь, опьянила, и мои сёстры бегали на танцы, виновато обнимая маму перед уходом. А я, самая старшая, утратила интерес к жизни: отец в тюрьме, жених исчез без объяснений. То ли бросил меня из-за случившегося с моим отцом, то ли завёл другую.

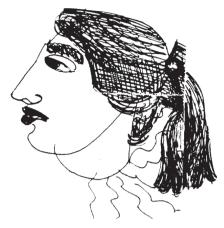
Разыскивать жениха — дело унизительное. Гомельские кумушки злорадно улыбались мне в лицо: брошенная. Не выдержав неизвестности,

B **7**2017

я пришла за объяснениями к сестре Якова. Она долго избегала прямого ответа и твердила, что Яша по-прежнему любит меня и вот-вот вернётся из какой-то командировки. Я чувствовала подвох, молчала, но наконец решилась на такие слова: «Знаешь, в чистых отношениях не должно быть таких исчезновений. Раз от меня необходимо скрыть правду, значит, правда меня бы не устроила. Я больше не считаю Яшу своим женихом. По крайней мере, он мог бы меня лично предупредить, что уедет». Тогда моя собеседница нарушила запрет брата и раскрыла его тайну: «На фронте случился у моего Яшки романчик с одной медсестрой. С кем не бывает! Но эти отношения ничего не значили для него. А барышня стала шантажировать его беременностью. Когда поняла, что не сработало, выкрала документы и поставила штамп о браке без его согласия (с помощью влиятельной подруги). Яша как раз и поехал в те места: избавиться от этого штампика, чтобы жениться на тебе, на любимой Манечке. А ребёнка там нет и в помине. Яшку заполучить хотела медсестричка хитрая, вот и вся её "беременность". Хотя, кто её знает, может, и аборт сделала».

Этот поступок, действительно, всерьёз разрушил моё доверие к Якову. Значит, он способен скрывать от меня и куда большее! И, возможно, он разрушил жизнь своей военной подруге, сначала приручив её, а потом легко переступив через её чувства. Конечно, она не имела права на эту выходку с паспортом, но, видимо, он её обнадёжил, иначе бы она не посмела... Тут же вспомнились Яшкины похотливые взгляды на моих подруг, чему я до этого придумывала оправдания в виде собственной мнительности. Я горько плакала.

Однако события, связанные с твоим дедом, требовали каких-то действий и не дали мне окончательно погрузиться в женские переживания. Его посадили по недоразумению на целых десять лет! У мамы прыгало давление, да и сама я, едва представляя отца за решёткой, не могла ни есть, ни спать. Однажды утром я заявила, что поеду в Москву искать справедливости.

– Как искать? Где ты остановишься, доченька? А деньги?

Узнав о моём намерении, соседи принесли немного денег и какой-то московский адрес:

Как приедешь в столицу, сразу — к ним.
 Люди хорошие, примут, если скажешь, что мы послали. И письмо от нас возьми с собой.

Так в столице появилась девушка из провинциального Гомеля, решившаяся на невозможное: на поиски справедливости в сталинской России.

Меня, действительно, хорошо приняли чужие добрые люди, сын которых, Борис, недавно демобилизовался из армии. Он вернулся с войны целым и невредимым и отнёсся к моей ситуации очень бережно: лишнего не спрашивал, предлагал любую помощь, а вечерами показывал Москву.

Я попросила его найти в столице самого сильного адвоката: такого, который вряд ли мог бы проиграть даже обречённое на провал дело. И хоть попасть на приём, а главное, оплатить такую знаменитость — это проблема, я настаивала и однажды оказалась в кабинете у знаменитости по фамилии Брыль.

«Денег у меня нет, но мой папа, потомственный скорняк, — лучший специалист по мехам в нашем городе. И, если он окажется на свободе, то быстро заработает и сможет оплатить ваш труд», — завершила я свой рассказ, едва справляясь с волнением.

То ли моя наивность тронула адвоката, то ли преданность дочери к отцу, но он взялся помочь. Звучит, как вымысел, никто не верит, но это — реальность и чистая правда: ему удалось добиться пересмотра дела в Верховном суде и доказать невиновность Ошера Цалкина.

...В ночь суда твоей бабушке Эстер снился сон: белые пышные булки росли на дрожжах, стремительно поднимаясь в духовке и покрываясь аппетитной румяной корочкой...

«Киндер майне! Этот сон – к добрым вестям».

Утром пришло письмо об освобождении отца семейства. А вскоре вернулся и он сам.

…Я провела в Москве около месяца. Было трудно не заметить, что Борис влюбился в меня всерьёз. Этот высокий спортивный парень с волевым лицом был мне приятен и намного выигрывал по своим моральным качествам по сравнению с Яшей, да и внешне ему не уступал, но я всё ещё думала о Якове.

Борис помог мне вытащить из тюрьмы отца! Да и вообще, от него веяло порядочностью и надёжностью, но Яков успел меня ранить. А рана всегда более значима для рождения пылких чувств, чем добрые поступки! Увы!

Но меня спасли голова, гордость и сила воли: я глубоко сознавала, что способность предать свою девушку останется в Якове навсегда и однажды коснётся меня. И я начала борьбу со своими чувствами.

На вокзале мы с Борей обменялись адресами и пообещали регулярно писать друг другу.

Я долго смотрела в окно, а потом заснула по стук колес...

В Гомеле на перроне меня встретили сёстры и мама. И вдруг я увидела Бориса, стоявшего чуть поодаль с цветами. Он подошёл, взял из моих рук чемодан и виновато произнёс: «Я прилетел самолётом: вдруг понял, что могу потерять тебя. Переписка — дело ненадёжное».

Через две недели мы расписались и отметили это событие скромным семейным обедом.

Я всё ещё была невинной девушкой: не знала, что именно должно происходить в первую брачную ночь, и, когда мой муж попытался овладеть мной, стала кричать так, словно на меня напал маньяк. Наверное, я разбудила весь Гомель в ту ночь!

На нервной почве папа месяц пытался прийти в себя и уже ни на что не претендовал в постели. Но за это время меня просветили подруги, дружно возмущаясь стыдливостью моей матери, не рассказавшей мне вовремя, что к чему.

И тогда мне стало обидно, что муж теперь просто спит, даже не прикасаясь ко мне, молодой жене. И это — медовый месяц! Я потребовала принести мне справку от врача о том, что мой муж в сексуальном плане — полноценный мужчина.

Реакция врача была довольно своеобразной и стала чем-то вроде анекдота, который не раз пересказывал в кругу семьи твой папа: «Старый еврей-уролог, осмотрев меня, улыбнулся и сказал: "Ваша супруга сомневается, настоящий ли вы мужчина? Просит справку? Хорошо, я таки напишу. Но скажите ей, как бы я, доктор, в свои 75 лет мечтал снова стать таким мужчиной, как вы сейчас! Пусть жена не пугает вас больше хотя бы ещё пару недель, и всё нормализуется"».

А вскоре вернулся Яша с «чистым» паспортом, готовый жениться, и тут же узнал от соседей, что я вышла замуж. Он постучал в дверь нашего дома, вручил мне букет цветов, сухо поздравил и, пожелав счастья, ушёл. В тот миг мне хотелось броситься ему на шею, всё простить и остаться с ним навсегда. Но я, конечно, этого не сделала. Я осталась с Борисом и никогда об этом не пожалела.

Да, первое время это был компромисс: я позволяла ему любить себя. А потом... полюбила сама. Я помню тот день, когда вдруг поняла: «Люблю!».

Яша давно забылся, стёрся из памяти, как стираются яркие, но нестойкие краски ситца от стирки. А жизнь — это тоже своего рода стирка: отбеливаем реальность до уровня мечты, выбрасываем выцветшее, вручную стираем ценное.

...Папе осталось совсем немного. Вместе с ним навсегда исчезнет и моя единственная настоящая любовь к мужчине, и невидимая корона с надписью: «Моей любимой Манечке», подаренная мне твоим отцом в юности на всю жизнь.

Cmuxu

Елизавета ПОЛЕЕС

Поэт, переводчик, член Союза писателей Беларуси и Союзного государства. Автор пяти книг поэзии. Публиковалась в Беларуси, России, Украине, Казахстане, Германии.

«Нарастающая энергетика её стихов покоряет. За словом открываются картины душевных пожарищ. За ритмом поэзии угадывается то ли пульс влюблённого сердца, то ли жадный отсчёт времени, отпущенного судьбой женскому счастью... За словом этим — сила, Сила Духа...»

(Дм. Радиончик, «Не обрывается нить», журнал «Белая вежа», № 11, 2015 г.)

поэзия

Поэзия росла на дне, в глубинах сердца, выплёскиваясь в мир из незакрытой дверцы.

Поэзия случалась вне судьбы законов.
Поэзия рождалась — не из забобонов.

Поэзия рождалась для торжеств опальных, спасения даруя взгляд, слегка печальный.

Поэзия рождалась из огня и пепла и падала — но вверх, не вниз, в дыму не слепла.

Поэзия рождалась над бедой и схваткой. Поэзия росла, как сад на сорной грядке.

Поэзия хотела жить – и в каждой строчке. Поэзия хотела быть всегда – и точка.

Поэзия рождалась на путях терновых.
Поэзия жива. Она – Большое Слово!

А в мае расцвела сирень — почти внезапно. Был так прекрасен этот день! Единым залпом

его я выпила до дна и не смутилась. Ведь счастье, правда, не вина, а Божья милость?

И счастье длилось целый день. Был день, как вечность... А после белую сирень окутал вечер...

НАСТРОЕНИЕ

1.

Просто смотреть на бегущую воду День или два, или месяц, иль годы. Просто смотреть и не думать о том, Что было раньше, что будет потом —

Через секунду, минуту, столетье:
Песню ли счастья нашепчет мне ветер,
Злая ли туча прольётся дождём,
Аист ли в небе помашет крылом?..

Что будет завтра – да кто угадает? Тихо вода, словно жизнь, убегает...

2.

Помолчи, луна-разлучница, И о том не говори, Как устало сердце мучиться От заката до зари.

Помолчи, луна-печальница. Диск твой – плаха иль костёр? Это ж надо – так отчаяться, Чтобы душу – под топор!

Помолчи, а утром ясное Снова солнышко взойдёт. Жизнь — она всегда прекрасная. Лишь порой наоборот.

3.

За это прекрасное лето,
За лето прекрасное
Плачу неразменной монетой
И бывшею сказкою.

За этот ручей и каналы, За белое облако Я душу слегка растоптала И спрятала в войлоке.

Пускай отдохнёт и наплачется В покое таинственном. Жизнь — слёзы, любовь и чудачества. И выбор — единственный.

***

Как надоело сильной быть!.. Как надоело под завывание трубы встречать метели...

Как надоело видеть дверь одну и ту же... Круг обретений и потерь всё уже, уже...

Как надоело заводить всё те же песни и одиночество любить. Любить – хоть тресни...

Как надоело от себя самой спасаться, и жить, себя в себе губя, и гордой зваться...

Как надоело гнёзда вить с чужим, кто рядом... Как надоело сильной быть в любви... А надо...

ПОМОГИТЕ!..

- «Помогите! Всё зачтётся, грех простится! «Помогите!» – крик несётся над столицей.
- «Помогите! Помогите!» просит нищий.
- «Помогите!» на панели нищих тыщи.
- «Помогите!» хлещет кровь по Украине.
- «Помогите!» жизнь в клубах уходит дымных.
- «Помогите!» задыхается Пальмира.
- «Помогите!» вопль разносится над миром.
- «Помогите крошкой хлеба и участьем! Кто там зёрна на земле посеял счастья?!»
- «Помогите!..» Но на свете нет покоя... И сирены города пронзают воем,

И старик с безумным взглядом что-то ищет Средь развалин, средь руин, на пепелище...

***

Любить себя — какая есть, Других немало я любила. Любить за искренность и честь, Любить за ветреность и силу.

Любить за то, что создала Природа так, а не иначе, Что, повидав немало зла, Всё так же и смеюсь, и плачу,

За то, что шляпой не мела Ни перед властью, ни пред лестью, Что, встретив нелюбезный взгляд, Не опускалась я до мести,

За то, что не бросалась ниц Ни перед чванством, ни пред злобой, Что не срывала маски с лиц, Когда виновны были оба,

За то, что верила всерьёз, Вливаясь, как в реки теченье, В любовь, напрасную до слёз... За то, что поддаюсь леченью...

***

Гаснут короткие дни ноября, Ночи – безмерны. Мы не прошли с тобой – может быть, зря? – Теста на верность,

Теста на преданность и доброту, Нежность и жалость... Вот и лелеем теперь не мечту – То, что осталось.

Крошки наивности мы соберём Все – для застолья. Это неважно, что мы не вдвоём...
К этой вот роли

Жизнь приучала нас множество раз — Болью и кровью. Всё же мы живы — и здесь, и сейчас — Бывшей любовью.

***

Любите живых, воздавайте им почести, Пока им поётся, пока им хохочется.

Любите, пока они – люди, не идолы, Любите такими, какими увидели.

Любите со всеми причудами, ликами, Пока они рядом – простые, великие,

Пока они смотрят в глаза вам доверчиво И жизнь не до строчки последней исчерчена...

Рисунки Лии ШУЛЬМАН.

* * *

Опять февраль. И этот рой воспоминаний... О, сколько за моей спиной любви-страданий!

Так это было в феврале?.. Как будто было... Тому минуло сколько лет и снов уплыло?

Ах, эта тёплая зима (на окнах — иней)! В тот вечер мы сошли с ума чуть-чуть, несильно

и ненадолго. В окнах снег к утру растаял.
Остался ли на сердце след – доселе тайна...

SCHOOLS BE SCHOOLS BE

Марат БАСКИН

ЛЕГЕНДЫ НЬЮ-ЙОРКА

Легенды Нью-Йорка писались долго. Между некоторыми из них расстояние в год и более.

Они возникали неожиданно, как сон, и всегда вместе с поэтической строчкой. Точнее, вначале возникла строчка, как память о когда-то прочитанном стихотворении. Потом оживала легенда.

Как в строчках Велимира Хлебникова, слова кружились и звенели, обретая плоть...

СТАЯ ЛЁГКИХ ВРЕМЕРЕЙ

В беспорядке диком теней, Где, как морок старых дней, Закружились, зазвенели Стая лёгких времерей.

Велимир Хлебников

Есик говорил маме, что работает в музее, и это была чистая правда. Но он никогда не уточнял, в каком музее и кем. Мама Есика прожила в Америке всего полгода, видела только стены госпиталей и спокойно ушла из жизни, веря, что её Есик имеет хорошую и уважаемую работу. И последними её словами было: «Я Там расскажу папе, что у тебя всё хорошо...» А то, что, Есик работает уборщиком в маленьком музее в Нижнем Истсайде, осталось для неё неизвестным. И Есик был рад этому, потому что знал, что работа уборщика в Краснополье не уважалась. Сам Есик относился к этой работе, как ко всему в своей жизни: раз такая выпала работа, значит надо её делать хорошо. И где-то в душе она даже нравилась ему, потому что позволяла прикоснуться к прошлому, ведь он был не просто уборщик, а уборщик музея.

Тепетент Museum, или Музей снимаемых, арендуемых квартир представлял собою несколько квартир в старом билдинге, оставленных в том виде, в котором в них жили эмигранты из восточной Европы, прибывшие в Америку в середине XIX века. Жильцами этих квартир были мастеровые люди: портные, сапожники, переплётчики, часовщики, механики, и они превращали свои квартиры одновременно и в жильё, и в маленькие мастерские, и в лавочки, сохраняя быт своих покинутых мест. Здесь они жили, мастерили, торговали, рожали детей и устраивали свадьбы. Кто-то из них потом перебрался в лучшие дома, а кто-то дожил свой век здесь.

Каждое утро, до прихода первых посетителей, Есик убирал эти квартиры и каждый раз, открывая дверь в очередную квартиру, как будто прикасался к чужой жизни, испытывая одновременно трепет гостя и радость хозяина. Убирал он осторожно, с музейной аккуратностью, боясь потревожить вещи, которые как будто застыли в ожидании вышедшего по каким-то срочным делам хозяина. Особенно B 72017

Есик любил убирать апартамент портного из Польши. Эта квартира своими вещами напоминала ему его жилье в Краснополье. Дедушка Есика был тоже портным, но в тридцатые годы потребовались строители Волго-Донского канала, и дедушку по этапу отправили на великую стройку, объявив кустарём и недобитым нэпманом. Оттуда дедушка не вернулся, и осталась в память о нём старая зингеровская швейная машинка, точно такая же, как в этой музейной квартире. Шить на ней никто не мог, но она продолжала стоять в их доме на самом почётном месте, у дивана, прикрытая расписным цыганским платком, который тоже хранился, как память, но уже о бабушке. Бабушка погибла в эвакуации, умерла от тифа, и этот платок мама везла через всю Россию домой, отказываясь менять его на станциях на самые привлекательные тогда вещи: буханку хлеба и головку сахара. И здесь, на огромном сундуке, тоже лежал как скатерть расписной платок, правда, на нём были менее яркие, чем на бабушкином платке, узоры. И ещё Есику напоминал их дом тяжёлый чугунный утюг на углях, который здесь стоял аккуратно на краю гладильной доски, а у них дома подпирал загородку для курей под печкой. Как и дома, в детстве, он выжимал утюг несколько раз на вытянутой руке, как гирю, испытывая свою силу, а потом осторожно опускал его на место и ласково гладил его тряпкой по выщербленным бокам. Ещё он любил старую высокую табуретку, что стояла возле стола. Она напоминала ему табуретку, которую сколотил ему папа, когда он был маленький, чтобы он мог сидеть, как все за столом.

Перед тем, как зайти в дом, Есик любил несколько минут постоять на противоположной

стороне улицы, рассматривая погружённое в темноту здание. В эти минуты здание казалось таинственным и загадочным, как Лондон после нашествия марсиан. Оно было единственным на улице, где ни в одном окошке не горел свет. Маленький осколок прошлого среди пляшущего светом Манхеттена. Каждый день оно было одинаковым. Но однажды, когда на Нью-Йорк обрушился снежный шторм, забросивший город тоннами снега, остановивший движение сабвея и заставивший одинокие автобусы часами пробираться через снежные завалы, Есик, которому какимто чудом удалось добраться до работы к трём часам ночи, бросив привычный взгляд на дом, неожиданно для себя увидел в знакомом окне отблески света. Первое, что пришло в голову: в квартире пожар! У Есика заколотилось сердце, и он, не чувствуя под собой ног, кинулся в занесённый снегом подъезд. Скорее, скорее, перескакивая через ступеньки, задыхаясь от волнения, он подбежал к двери и дрожащей рукой долго тыкал ключом в замочную скважину и, когда, наконец, ему удалось в неё попасть и дверь со щелчком распахнулась. Он, обескураженный, замер на пороге.

За швейной машинкой сидел старик. Он работал. На старике была белая рубашка, поверх неё были одеты цицис и чёрный жилет, кое-где испачканный мелом, на голове была ермолка, а через шею был переброшен матерчатый портняжный метр. Его лицо украшали большая седая борода, длинные пейсы, завёрнутые за уши, и очки в тонкой серебряной оправе, сползшие на кончик носа.

На шум открываемой двери старик обернулся и, хитро поглядевши из-под очков, сказал:

- Молодой человек, я таки вам скажу, что

это не сон и вы не спите. Вы, конечно, меня извините, что я немножко вас испугал, но вы сами понимаете, что это не просто так, а по серьёзному делу, как говорила моя Хана, когда знакомила меня со своим женихом. Конечно, это уже не моя квартира, и это уже не моя машинка, но когда-то это было всё мое, и я хочу вас спросить, имею я таки право иногда опять посидеть на этом стуле, пощёлкать ножницами и кое-что скроить для хорошей жизни?

- Имеете, сказал Есик, продолжая хлопать глазами.
- А вы не стойте, как манекен для платья, присядьте и послушайте, что я вам скажу, старик показал рукой на любимую табуретку Есика, и Есик послушно уселся на краешек, продолжая ничего не понимать.

Старик улыбнулся:

– Вы сейчас смотритесь, как набедокуривший ешивабохер перед грозным меламедом. Только я вам скажу, я совсем не меламед, а лодзинский шнайдер (портной – идиш). И ещё вам скажу, я совсем неплохой дамский шнадер. Я мог бы сказать, что я был очень хорошим портным, но, как сказано в Торе, не хвали сам себя, пусть тебя похвалят другие. Я могу только сказать одно: когда у нас в Лодзи был погром, пани Эльжбета, перша в Лодзи урода (первая κ расавица в Λ одзи — nольск.), умоляла пановпогромщиков бить меня не особо крепко и в целости оставить мне руки и голову, так как ей надо хорошее платье для бала у пана губернатора, а кто может сшить такое сукне балова (бальное платье — польск.), как не жидок Хаим-Фроим, то есть я! И я таки ей сшил! Паны офицеры не отходили от неё весь вечер! И пани Эльжбета уже мечтала о свадебном платье, но Хаим-Фроим решил не ждать следующего погрома и приехал сюда. И здесь я, скажу вам, тоже кое-что делал неплохо. Вот на этой самой табуреточке, где сидите вы, сидела когда-то Ида Сакстон, наша первая леди. И я таки за ночь пошил ей платье, от которого сошла с ума половина Нью-Йорка. Вы представить себе не можете, какая очередь стояла назавтра возле этого дома. Из одних красавиц! И все желали иметь платье, как у Иды! Вся прекрасная половина Нью-Йорка сидела на этой табуреточке. Слава Б-гу, что об этом не знают ваши музейщики, иначе, молодой человек, вы бы не сидели сейчас на ней, а любовались бы ею в каком-нибудь музее посолидней!

Портной снял с носа очки, протёр их тряпочкой и, надев их опять на нос, сказал:

 Вы сейчас сидите и думаете, почему Хаим-Фроим, вместо того, чтобы греться на солнышке Там, сидит здесь и рассказывает майсы. А вам совсем не до майсы, ибо время бежит, а вас ждёт работа. Так я вам сейчас объясню. Если вы думаете, что ваша мама не знает, кем вы работаете, то вы ужасно ошибаетесь. Нашлись «доброжелатели» и Там. И это мне рассказал ваш дедушка, с которым, как вы сами поняли, мы из одного цеха, и иногда сидим на одной скамеечке и вспоминаем наши портняжные дела. Так вот, он мечтал, как каждый хороший мастер, передать своё умение и сыну, и внуку, но в жизни так получилось, что ему не дали это сделать. Как он говорит, не дали товарищ Сталин и товарищ Уполномоченный НКВД. И он остался при своих интересах. А я тоже остался сам на сам со своим умением, но уже по другой причине. У меня во всей мишпо $xe(po\partial - u\partial uu)$ рождались одни цурки ($\partial o u \kappa u$ — польск.)! У меня их было пять: Ханочка, Златочка, Гликеле, Фейгеле и Гута. А у них ещё по шесть девочек, а у Гуты восемь... А какой дамский портной из цурки! Где-нибудь вы встречали такое дело? Для нашего дела нужен хороший мужской взгляд, — старик подмигнул Есику и доверительно пояснил: - А что такое хороший мужской взгляд? Не мне, старику, вам объяснять. Вы сами хорошо понимаете, что в этом взгляде должна быть хорошая любовь. И вот если вы посмотрите на заказчицу, ви а хосун оф а калэ (как жених на nebecmy - udum), тогда и получится настоящий цимус. Теперь вы поняли, молодой человек, почему для этого дела нужен мужчина. И да простит меня моя Хава-Дора, но что есть, то есть! — старик по-еврейски дополнил свои слова движением рук и, внимательно посмотрев на Есика, сказал: – А теперь вас, молодой человек, конечно, интересует, почему здесь я, а не ваш дедушка? Так я вам скажу: мы можем возвращаться лишь туда, где раньше жили, а твой дедушка реб Мордух не то что здесь не был, но даже об этом и не мечтал. Кроме своего Краснополья и этого Волго-Донского канала он нигде не был. А вы, молодой человек, оказались как раз там, где я могу появиться. И я сказал: реб Мордух, не делай печальное лицо и успокой своих детей. Я таки передам ему своё умение, а как ты понял из моих майс, оно совсем не плохое! – старик поправил ермол3 **7**2017 49

ку и, пришурившись, спросил: — А теперь остался совсем маленький вопросик, а хотите ли вы, молодой человек, учится портняжному делу или нет? И не спешите, пожалуйста, с ответом как старая дева, когда жених спрашивает её, согласна она или нет... Я никуда не убегу, в отличие от жениха, — старик встал, потушил керосиновую лампу и направился к заколоченной двери, что вела в соседнюю квартиру. У двери он на мгновение остановился и, обернувшись к Есику, сказал: — И если вы всё-таки решите согласиться, то жду вас завтра где-то около трёх часов. Как сами понимаете, не дня, а ночи, — он подёргал за ручку, гвозди подались, дверь медленно отворилась, и портной исчез за ней...

Назавтра, задолго до назначенного времени, Есик был на месте. И началась ночная учёба. Дни стали существовать лишь для того, чтобы им на смену приходила ночь, ночи сменяли одна другую, и, наконец, через несколько месяцев, лодзинский портной сказал:

 Всё, молодой человек. Теперь вы знаете всё, что знаю я и даже немножко больше, потому что у вас молодая голова и молодые руки. И я скажу, совсем не плохая голова и совсем не плохие руки. И этой голове и этим рукам нужна совсем другая работа, чем работа уборщика. Последний раз уберите в этой квартире и оставьте это хорошее дело другому. А сами вперёд! И приносите побольше радости вашей маме, которая Там! Она как-нибудь узнает, как вы тут живёте, молодой человек, и уж поверьте мне, ваши радости для неё будут ещё большими радостями! И для вашего дедушки. И для вашего папы. И для меня. И, не забудьте, что не бывает последней высоты, каждая высота всего лишь очередная! Если вы будете это помнить, то далеко пойдёте...

Он обнял Есика, прижал его к своей седой бороде, затем легонько оттолкнул от себя и, пятясь, как бы не желая уходить, пошёл к двери, секунду постоял возле неё, махая рукой, потом резко повернулся и исчез за ней. Всё было, как всегда, только гвозди почему-то вернулись на место со скрипом, и доска, которая раньше держалась на честном слове, прижалась к двери намертво...

Есик пришёл в квартиру портного и на следующую ночь, но никого там уже не нашёл. И тогда он уволился из музея.

Дни сменялись днями, месяцы — месяцами, годы — годами, дорога в гору была нелёгкой, но

Есик знал, что Там волнуются за него и он не имеет права сдаваться, и он шёл, и шёл вверх. Он постарел, поседел, приобрёл имя, стал знаменитым модельером: просто Маэстро, Маэстро из Нью-Йорка, Великим Маэстро, оброс пентхаузами, виллами, бутиками, машинами, яхтами, самолётами. По всем подиумам мира победно шествовали модели в его ослепляющих нарядах... Можно было, казалось, остановиться, но он продолжал двигаться вверх, удивляя мир моды своими фантазией и мастерством.

И иногда во время этого бесконечного движения, особенно в долгие зимние ночи, когда за окном начинает плясать снежная метель, обрушивая на город горы снега, он освобождается от объятий очередной длинноногой красавицы, вскакивает, одевается и уходит в ночь. Красавица растерянно глядит ему вслед, зная, что в такие минуты Маэстро не остановить ничем. А он, сев в ярко-красный "Феррари", мчится сквозь сверкающий весёлыми огнями Бродвей в снежную, тёмную, тоскливую пустоту Орчард Стрит. Там он выходит из машины. И долго стоит напротив пугающего своей темнотой билдинга. И ждёт, когда в одном из окошек замигает тусклое пламя керосиновой лампы...

ПЧЕЛА ЖУЖЖИТ СРЕДИ ЗИМЫ

Пчела жужжит среди зимы, Гуляет вьюга среди лета, Супернаучные умы Не спят и думают про это. Из студенческой песни физиков

Моисей Зальцвейг окончил в один год со мной школу. Правда, учился в параллельном классе и поступил в институт в Ленинграде. Выучился на метеоролога и поехал работать на маленькую заброшенную метеорологическую станцию в горах Тянь-Шаня, где проработал больше десяти лет. Так как поблизости не было ни одной женской души, он остался холостяком, когда все его ровесники успели и жениться, и даже кое-кто развестись. Его беспокойная мама, когда развалился Союз, срочно вызвала его в Америку из Киргизии, гражданином ко-

торой он оказался к тому времени. Мама его успела перебраться в Нью-Йорк едва ли не одной из первых. Но, несмотря на свою энергию, найти невесту сыну она не смогла и там. И Моисей продолжил свою холостяцкую жизнь, только теперь не в горах, а в многомиллионном городе. Хоть он и неплохо знал английский, по специальности работу найти не смог и устроился в лимузинную компанию, которая обслуживала несколько фирм, и в том числе один американский телеканал – то ли АБС, то ли СНН. А может, какой-то другой не менее известный и популярный... Работал Моисей в основном в ночную смену и часто развозил по домам известных ведущих ночных выпусков новостей телевизионного канала. Они никогда не разговаривали с Моисеем, а забравшись в машину, или начинали с кем-то болтать потелефону, или тут же засыпали. Моисей знал их всех в лицо и по именам, ибо регулярно смотрел с мамой новости именно этого канала. И утром, вернувшись с работы, рассказывал маме о своих пассажирах, чтобы мама могла похвастаться знакомым, что её Моисейчик сегодня вёз мистера Джорджа, а вчера миссис Хелену. С того самого канала, который все знают. Конечно, она, как всякая женщина, добавляла подробности, которых не было, но это было уже её собственное творчество и к правдивости Моисея не имело никакого отношения.

В ту ночь в Нью-Йорке шёл дождь, почти приближающийся к тропическому ливню, ибо где-то поблизости в Атлантике гулял ураган. Приезжал Моисей за клиентами всегда пораньше, терпеливо ждал их у входа, зная, что точность для них относительна, как и время. Диспетчер сказал, что сегодня он повезёт мисс Би, которую до этого никто ни разу не обслуживал, ибо мисс Би всегда пользуется своей машиной, но сегодня она устала и решила воспользоваться лимузином. Настоящего имени мисс Би Моисей не знал, ибо мисс Би была для всех телезрителей только мисс Би. Она вела в новостях страничку погоды, сменив всего месяц назад уважаемого мистера Уайта, который своей аристократической манерой заставил полюбить себя большой аудитории зрителей. Но в связи с почтенным возрастом, несмотря на уговоры компании, Уайт удалился от дел, и юная Би заняла его место, мечтая о славе предшественника. Маме она

понравилась как-то сразу, но ей не нравилось короткое имя-кличка Би, и тогда Моисей объяснил маме, что «Вее» по-английски пчела и они между собой стали называть её Пчёлкой!

Пчёлка появилась около машины Моисея где-то через час после окончания последнего выпуска новостей. Поздоровавшись и извинившись за задержку, сев в машину, она вместо того, чтобы как все Моисеевы пассажиры задремать или приняться названивать знакомым, неожиданно для Моисея заговорила с ним:

— Ужасная погода! А завтра будет ещё хуже! Настоящий шторм! А я собиралась сделать шотинг!

И в эту минуту Моисей внезапно почувствовал, что знает, какая будет завтра погода. Как будто что-то вспыхнуло перед глазами, и он увидел прекрасный солнечный день! И даже почувствовал, какая будет температура! 90 градусов по Фаренгейту! Без осадков! Влажность 10 процентов!

От осознания происшедшего у него буквально перехватило дыхание. Он колебался какое-то мгновение, решая, говорить мисс Би о своём неожиданном озарении или нет, а потом решился сказать.

- Ой! засмеялась она. Где вы этот прогноз слышали? Я полчаса назад сама объявляла погоду на завтра! И в сводке метеоцентра было написано, что вероятность шторма 100 процентов! И если они пишут 100 процентов, то уже ничего иного не может быть!
- Они ошиблись! Завтра будет тёплый солнечный день, — сказал Моисей, почему-то всё более уверяясь в своём прогнозе.
- Не может быть, мотнула она кудряшками и добавила: – Если, конечно, вы не работаете волшебником...

На волшебника Моисей не отреагировал, но для убедительности своих слов, сказал, что раньше работал метеорологом.

И где? – поинтересовалась Пчёлка.

И Моисей стал ей рассказывать про Тянь-Шань, про солнце, по вечерам прячущееся за горы, про снежного барса, бродящего вокруг избушки метеорологов почти каждую ночь, про ночь с огромной луной, зацепившейся рогом за край горы, и про красные маки, расцветающие весной в долине... Конечно, всё это никак не объясняло правдивость его прогноза, и, прощаясь, мисс Би посоветовала Моисею завтра всё же по§ **Z**2017

сидеть дома и не выходить на работу, несмотря на его оптимистический прогноз.

Всю ночь лил, не утихая дождь, набирая и набирая силу, превращаясь в ливень, и Моисей стал сомневаться в своём прогнозе, но под утро дождь внезапно стих, и неожиданно солнце буквально испарило облака и засверкало на кристально чистом небе. Вечером диспетчер снова послал его за мисс Би, добавив, что просили прислать именно вчерашнего водителя.

- У тебя что, любовь с ней? ехидно спросил диспетчер.
- А что в этом невозможного? пожал плечами Моисей и впервые в жизни подумал, что неплохо было бы, если бы и вправду была любовь.

На этот раз мисс Би появилась даже раньше назначенного времени. Но Моисей, как всегда, был уже на месте.

 Невероятно, – сказала она, – но вы оказались правы! А вы знаете, какая будет погода завтра? И послезавтра?

Моисей задумался, и опять заискрилось перед глазами, и он увидел дождливый день. И почувствовал, как и за день до этого, как будто кто-то невидимый нашёптывал ему прогноз завтрашней погоды: 67 градусов по Фаренгейту, в течение дня мелкие осадки, ветер северо-восточный... Он ещё раз задумался и увидел послезавтрашний день: опять было солнечно, но во второй половине дня был довольно большой дождь и шквальный ветер...

Когда он рассказал мисс Би о своём прогнозе, она опять очень удивилась:

- Но метеоцентр сообщает совсем иное!?
   Они говорят, что всю неделю будет хорошая погода!
- Ошибаются, уверенно сказал Моисей. Я видел завтрашнюю погоду своими глазами. И послезавтрашнюю тоже!
- И вы это ясно видите? задумчиво спросила она и внимательно посмотрела в глаза Моисею. – Это не розыгрыш?
- Нет, сказал Моисей, я говорю вам чистую правду! И вы сегодня могли убедиться в этом! Я каким-то образом вижу и чувствую погоду на завтрашний день, и на послезавтрашний! Но не знаю почему!?
- Ой-ля-ля! совсем по-девчоночьи воскликнула мисс Би и неожиданно, подмигнув Моисею, сказала: — А что, если я завтра в утренних новостях сообщу ваш прогноз! На всех ка-

налах будет прогноз метеоцентра, а у меня ваш! Может, я за это получу нагоняй от редактора, но попробуем! — в её глазах засверкали искринки, как у озорной школьницы, а потом она посерьёзнела и добавила: — А если всё получится, то мы будем на коне!

Конечно, она сказала другое американское определение победы, но значило это одно и то же, и главное для Моисея было то, что она сказала не я, а мы...

А на следующий вечер они сидели в любимом итальянском ресторанчике мисс Би, расположенном между Бродвеем и Амстердам Авеню, где подавали, по уверению мисс Би, самую лучшую итальянскую пасту в Америке и самое прекрасное итальянское вино. Моисей смотрел на Пчёлку влюбленными глазами, а она без остановки всё рассказывала и рассказывала ему о необычном дне в её жизни, когда с утра на неё кричали и даже хотели отстранить от эфира, а потом хвалили, ибо погода оказалась в невероятно точном соответствии с её прогнозом, и прогноз их канала оказался единственно верным в это утро!

— Рейтинг канала подскочил чуть ли не на 100 процентов! Благодаря нам! — она опять сказала нам, и сказала это, как будто произнесла признание в любви....

С этого вечера Моисей стал почти личным её водителем, и диспетчер уже не спрашивал про любовь, а интересовался, когда его пригласят на их свадьбу. Моисей смущенно пожимал плечами и искренне обещал всех пригласить на это торжество, конечно, если оно произойдёт. Моисею очень хотелось верить в это событие, но оно почему-то не приближалось, и он продолжал встречаться с мисс Би только в рабочее время, хотя изредка и намекал ей, что не прочь опять попробовать настоящей итальянской пасты и насладиться настоящим итальянским вином. И даже приглашал её к себе в гости, но она всегда отшучивалась и отговаривалась... Но, когда он однажды заболел, она сама напросилась к нему в гости. Мама Моисея по этому случаю устроила настоящий еврейский пир: приготовила куриную шейку, сделала бульон с галками и гефилте фиш (фаршированная рыба — идиш) по только ей известному краснопольскому рецепту. И в придачу испекла леках, медовый аромат которого заполнил едва ли не весь дом. Пчёлка была прекрасна и обворожительна. После её ухода мама Моисея

говорила только о ней и просила всех, кого можно, Там наверху ускорить эту свадьбу.

— Мойшэлэ, о такой невестке я мечтала всю жизнь! — повторяла она, с умилением глядя на порхающую по экрану мисс Би.

А Моисею почему-то начала сниться Пчёлка в зелёном платьице в горошек, которое он раньше на ней не видел. И она говорила, что это платье от Риккардо. А это теперь модный кутюрье в Нью-Йорке.

А потом она и вправду появилась у машины Моисея в зелёном платьице в горошек. Рядом с ней стоял стройный высокий молодой парень, чем-то напоминающий Марчелло Мастрояни в молодости.

Это Риккардо, – представила его Пчёлка,
 самый модный нью-йоркский кутюрье! И мой жених! – она подмигнула Моисею и добавила: – Он готовит пасту лучше, чем в Dean*s! Пальчики оближешь!

А потом она спросила о погоде на завтра.

Моисей вздрогнул, прижмурился и увидел солнечный день, 96 по Фаренгейту, безоблачное небо... и неожиданно для самого себя сказал совершенно противоположное:

- Завтра дождь, почти шторм, осадков 10 инчей и холодный северо-западный ветер, 23 градуса по Фаренгейту!
- Ой-ля-ля, воскликнула, как всегда, мисс Би и, повернувшись к жениху, состроила грустное личико: Придётся, Рика, нам завтра сидеть дома!
  - Придётся, подтвердил Моисей.
- Пока, сказала мисс Би и добавила: Я отмечу, что ты меня довёз! Так что сегодня отдыхай! А меня доставит домой Рико! Вот его машина. Чао!

Моисей посмотрел в сторону машины и ничего не ответил. Какую-то минуту он сидел, ничего не соображая и чувствуя только одно: его мечта исчезла, растворилась, ушла и никогда не вернётся... Потом ему вдруг стало до боли стыдно за свой обман, первый обман в его жизни, он покраснел, на лбу выступил холодный пот, он машинальным движением руки вытер его и буквально выскочил из машины, чтобы догнать Пчёлку и повиниться, но спортивный «Феррари» Риккардо уже рванулся с места... Вместе с мисс Би...

А на следующий день был большой дождь. Как бы издеваясь над Моисеем, он громко барабанил по корпусам машин и пронзительно взвизгивал, касаясь передних стёкол. Холодный сильный ветер не унимался почти до самого вечера, ломая зонтики и пригибая деревья. О своём обмане при такой погоде Моисей мог промолчать, но он обо всём рассказал Пчёлке. И она простила его. Но когда он попытался предсказать погоду на следующий день, то ничего не увидел... Он морщился, закрывал глаза, тёр виски. Перед глазами была пустота. Будто в этот день дождь смыл его необычный дар, а ветер унёс его неизвестно куда. Навсегда...

На следующий день мисс Би, как обычно, заказала его машину, но он отказался от поездки, поругался с диспетчером и уволился из лимузинной компании. Где-то месяц ходил безработным, а потом устроился в карсервис. Больше Моисей никогда в жизни не встречался с мисс Би и видит её сейчас только по телевизору. А мисс Би вышла замуж за Риккардо, ушла из новостей и ведёт собственное телевизионное шоу, которое пользуется не меньшей популярностью телезрителей, чем когда-то её знаменитые прогнозы погоды.

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ

Дверь отперта.
Переступи порог.
Мой дом раскрыт
навстречу всех дорог.
Максимилиан Волошин

Шмерл мечтал о своём доме всю жизнь. Ибо всю жизнь, с самого детства, у него не было своего угла. Ребёнком, в Краснополье, он жил в дедушкином доме - старой развалюхе, в которой уместилось двенадцать человек: дедушка с бабушкой и их три дочки с мужьями и детьми. Все дети спали вместе на узкой печке, и тому, кому выпадала очередь спать на краю, всю ночь боялся уснуть, чтобы не слететь вниз. Потом он уехал в город и стал жить в общежитиях, всегда переполненных, с двумя-тремя раскладушками посреди комнаты. Потом он женился и попал в такую же большую семью, как его. Тесть, театральный плотник, соорудил двухэтажные кровати и перегородил комнаты занавесками, превратив квартиру то ли в казарму, то ли в закулисье провинциального театра.

 $3\sqrt{2}$

И, наконец, в Америке Шмерл купил дом. Дом был совсем старенький, пережил он не одно поколение жильцов, а в последние два года его неизвестно по какой причине никто не покупал и он покрылся не только пылью, но и плесенью.

Продавал его рэлстэйт и его молодой представитель в лице Шмерлиного земляка Иоськи. На вопрос Шмерла, почему дом так долго не продавался, сказал, что хозяева дома давно умерли, а наследники сразу не нашлись и потому дом стоял несколько лет бесхозным и только сейчас нашлась где-то в Кении какая-то дальняя родственница и она поручила продать эту рухлядь как можно скорее, пока дом не рухнул. Когда позже Шмерл спросил об этом же у соседей, они рассказали совершенно другую историю, в которой тоже фигурировала Кения, но из неё выходило, что бывший хозяин дома был евреем из Кении, большим знатоком Кабалы, и однажды, когда дом загорелся, он остановил пожар своими чарами и после этого укатил назад в свою Кению, а дом велел продать по истечении нескольких лет, после того, как из него уйдут созданные им чары. В общем, с домом было что-то непонятное, но для Шмерла это было не главное. Главным была цена дома.

Дом, конечно, не ахти, — сказал Иоська.
 Но где вы за такие деньги купите такой ши-карный район?! Снесёте эти развалины и построите новый дом! — уговаривал он Шмерла.

Шмера кивал головой, со всем соглашался, ибо цена была как раз по его карману, а сносить дом или не сносить, было его личным делом и по этому вопросу он не желал советоваться с Иоськой.

Купив дом, Шмерл с тестём где-то полгода по выходным занимались ремонтом дома, пока, наконец, Шмерл смог перебраться в него. Конечно, довести всё до блеска там было невозможно, но где-то что-то подкрасили, где-то что-то подбили, что-то заменили, и жить стало в доме можно. Следов пожара Шмерл в доме не нашёл и подумал, что история, поведанная Иоськой, более правдивая.

Дом стоял на углу улицы, и солнце гуляло в доме целый день, переходя из одного окна в другое.

 Солнечный дом — весёлый дом! — говорил когда-то папа Шмерла реб Довид-Мордух и Шмерл вспомнил эти слова, увидев, каким солнечным оказался дом. И подумал, как радовался бы папа, узнав, что у него такой дом!

Это был не просто весёлый дом, а дом, приносящий добро. И первой заметила это старшая дочка Шмерла Злата.

Особо много знакомых у Шмерла не было, но на «влазины» собрались кое-кто, и даже приехала из Чикаго тётя Броня, которую все не видели лет пять. И за столом тётя Броня сказала:

— Вейзмир! Как я давно вас всех не видала?! Твою Златочку последний раз в Краснополье видала перед отъездом! Она тогда ещё под столом бегала, а теперь смотрю и глазам не верю: невеста! А красавица! Слушайте, у меня есть для неё жених! Не жених, а цимус мит кампот! Вы знали Двойру, что жила на Садовой, возле нашего дяди Лазаря? Так вот, у неё есть племянник Эдик. Адвокат. Она мне как-то звонила, говорила: найди Эдику а гутэ мэйдалэ! И у меня совсем из головы вылетело, что Злата уже невеста! Боже мой, она уже университет окончила?! А у меня всё время в голове вертелось, что Златкэ а клейнэ мэйдалэ (маленькая девочка — идиш)!

И дело завертелось с быстротой пропеллера, как говорил в Краснополье Биня-лётчик.

Перед свадьбой Злата сказала Шмерлу:

- А ты знаешь, папа, я, наверное, никогда бы не встретила Эдика, если бы не этот дом.
- Да, согласился Шмерл, тётя Броня без причины никогда в Нью-Йорк не выбралась бы!
  - Он добрый, сказала Злата.
  - Kто добрый? не понял Шмерл.
  - Наш дом, сказала Злата.
  - А я думал Эдик, засмеялся Шмерл.
  - И Эдик тоже, серьёзно сказала Злата.

На этот разговор Шмерл не обратил особого внимания, хотя слова Златы о доме ему понравились. Он скоро забыл про этот разговор и вспомнил его через полгода, когда в дом забрался вор. Как-то жена сказала Шмерлу, что обокрали два соседних дома и все соседи волнуются. Шмерл не высказал беспокойства по этому поводу, сказав, что у них красть особо нечего.

- А телевизор, сказала жена, а пару копеек, что лежат дома, а мои платья...
- Большое богатство, хмыкнул Шмерл, вору это очень надо?!

Но оказалось, что надо. Через неделю, придя с работы, они на пороге дома застали вора, прихлопнутого дверной переклади-

ной. Он уже выходил из дома, прихватив два огромных баула с добром Шмерла, и у дверей то ли зацепился за перекладину, то ли она по старости рухнула сама, но оглушила его, и пришёл он в сознание только после приезда полиции. Полицейские долго осматривали дверной проём, потом приходили ещё какието эксперты по строительству и все пришли к выводу, что балка прогнила уже давно и то, что она не упала раньше, великое чудо. Потом её осматривал тесть Шмерла и сказал, как ребе в синагоге:

- Она знала, когда падать! Всё время держалась на честном слове. И как мы не заметили этого, когда ремонт делали?
- И хорошо, что не заметили! сказала жена Шмерла Бася. А то бы нас этот ганеф (вор идиш) обчистил, как курицу от перьев: ничего бы не оставил! У него за углом машина стояла. Весь дом бы туда перетащил!
- Вот дом и не захотел перетаскиваться, сказал Шмерл и вспомнил про слова Златы.

С каждым днём Шмерлу дом нравился больше и больше: он привыкал к нему. И Басе он стал нравиться.

Однажды она сказала:

- Шмерл, а ты заметил, что у нашей Гуточки, как мы сюда поселились, не было приступов астмы?
- Тьфу, тьфу, что бы не сглазить, постучал по стенке Шмерл. Я заметил давно, но не говорил, чтобы не проговорить.
- Мы вчера к врачу ходили, и он сказал, что
  Гуточка совершенно здоровая, сказала Бася.
  Всё прошло. Он очень удивлялся.
- Воздух в доме чистый, сказал Шмерл.
  Аегко дышать. Потолки высокие, окна все к солнцу. Хороший дом!
- А мне он вначале не понравился, сказала Бася. Когда ты мне его первый раз показал, я подумала, что влезли в болото: краска полуплена, на потолке мокрые пятна, крыша в дырках, пол скрипел, сыростью пахло. Я ничего не говорила, чтоб тебя не расстраивать: на большее же у нас не было денег! А сама мучилась, ночами не спала. А теперь думаю, хорошо, что не сказала тогда ничего!
- А если бы и сказала, я всё равно его купил бы, сказал Шмерл. Я, как увидел его, сразу решил, что куплю. Мне он показался похожим на папин дом.

- Не думаю, пожала плечами Бася, мне кажется, у вас был совсем другой дом.
- Конечно, другой, согласился Шмерл. —
   Но этот чем-то похожий!

И как по щеке любимой, он провёл ладонью по шершавой стене.

Шмерл любил дом. И дом его любил тоже. Когда он потерял работу и расстроенный пришёл домой, ему показалось, что дом расстроился тоже. Он заскрипел, загудел то ли от ветра, то ли сам по себе. А потом неожиданно в солнечный день начал течь потолок. Притом не в одном месте, а сразу в нескольких. Тесть посмотрел потолок и сказал, что откуда-то вода скопилась на чердаке, шитрок¹ весь мокрый и самим такой ремонт не сделать, надо звать мастеров. Шмерл работал вместе с ремонтниками всю неделю, перестилая весь потолок, и как его ни убеждали и рабочие, и их хозяин посидеть, он не соглашался.

Имею я право в своём доме поработать,
 отмахивался он ото всех.
 Я же у вас деньги за свою работу не возьму. Вам заплачу, как договорились.

И в конце ремонта, после всех расчётов, хозяин ремонтников, неожиданно сказал:

— А ты, я смотрю, мастер! Может, ко мне перейдёшь работать. Ещё одну бригаду хочу собрать! Работы много, а людей нет. Вижу, из тебя бригадир будет толковый!

И Шмерл согласился.

В тот вечер Бася сказала:

- Вовремя потёк потолок!
- Да, согласился Шмерл. И добавил: Немного подзаработаю, и сделаем в зале камин. Он заслужил это.
  - Кто он? спросила Бася.

Шмерл ничего не ответил.

Камин сделали к лету, а к осени Бася решила перекрасить полы. Но дело до полов не дошло. Шмерл в супермаркете встретил тётю Бетю, двоюродную сестру отца, и пришёл домой с новостью:

- У тёти Бети Яник болеет астмой.
- Кто этот Яник? спросил Бася.
- Внучок её. Два года ему, сказал Шмерл.
- И что? спросила Бася.
- Она спросила, нельзя ли, чтоб он с невесткой пару месяцев пожил в нашем доме, — сказал Шмерл.

- Ты похвалился, догадалась Бася.
- Сказал, признался Шмерл. У них уже сил нет смотреть, как мучается ребёнок. Может, ему поможет, как нашей Гуте? У них же в одной квартире две семьи!
- Теперь две семьи будут у нас, сказала Бася. И на сколько они к нам?
  - На месяц, осторожно сказал Шмерл.

И Бася ничего не ответила.

Переехала тёти Бетина невестка в воскресенье утром, и выходной для всех пропал. Яник, оседлав кочергу от камина, носился по дому с гиканьем и свистом, изображая ковбоя на ранчо, а его мама весь день куховарила у плиты, готовя Янику завтрак, обед и ужин. Бася нервно ходила по дому, ожидая, когда освободится кухня, а Шмерл, у которого Яник отобрал кресло-качалку, сидел на крыльце с газетой и клевал носом. В этот день у Яника не было приступа, и его мама благодарила их, не давая спокойно смотреть телевизор.

- Когда этот кошмар кончится, сказала, засыпая Бася.
- Надо потерпеть, сказал Шмерл. Ребёнок не взрослый, сидеть, как гриб, на месте не хочет.

Спокойствие и тишина, так любимые всеми, исчезли из дома. Месяц прошёл, как в кошмарном сне, и, когда Шмерл сказал, что Янику надо было бы побыть у них ещё месяц, чтобы всё закрепилось, так как врач сказал, что, несмотря на то, что приступов уже нет, хрипы в лёгких ещё немножко слышатся, Бася решительно возразила:

— Хватит! Если им надо ещё месяц свежего воздуха, могут снять домик в горах! Полно объявлений в газете! Наш дом им не ресорт! Можешь им так и сказать!

Шмерл попытался что-то возразить, а потом махнул рукой, он тоже устал и хотел тишины.

Назавтра он им промямлил что-то про ремонт, про каких-то гостей, они его поняли и на следующее утро выехали. И вечером Бася, наслаждаясь наконец-то вернувшейся в дом тишиной, задремала у камина. Она не заметила, как уголёк выскользнул из камина, упал на ковер и пламя, змейкой пробежав по дому, рванулось пожаром по стенам. Шмерл с Басей едва успели выскочить во двор. Прибывшие пожарные ничего не смогли сделать с огнём.

— Слишком старое здание, — сказал командир расчёта. — Давно надо было капитальный ремонт делать. Всё прогнило: стены горят, как бумага.

Языки пламени подымались в небо огненными столбами, прямыми, как лучи марсиан Уэллса. Не было ветра, и огонь, не шевелясь, шёл вверх. В пламени не был виден остов дома, и казалось, огонь идёт не снизу вверх, а сверху вниз, испепеляя основание. Через час от дома ничего не осталось. Даже фундамента. Только, на удивление всем, среди тлеющих угольков лежали все вещи из дома, совершенно не тронутые огнём.

Он ушёл от нас в небо, — сказал Шмерл. —
 Он думал, что мы добрые. А мы оказались как все.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на Басю. Она ничего ему не ответила.

Дом был застрахован. Полученных за него денег не хватило на то, чтобы построить дом на этом же самом месте. И они купили старый дом в другом месте. Обыкновенный дом, в котором летом было жарко, зимой холодно, и солнце попадало в него только во второй половине дня.

¹:Шитрок – полимерная шпаклёвка.

Cmuxu

Инесса ГАНКИНА

* * *

Я отвечаю за кровь и генетический код (состав, проценты и доли). Я отвечаю за распятие и за Исход, за килограммы слов и за тонны боли.

Я отвечаю за Библию и за Коран, возможно, ещё немного за Агни-йогу. Я отвечаю за Второй и за Первый Храм, и за дорогу к Третьему, лишь за дорогу...

Я отвечаю за «Одиссею», Хиросиму, Эйнштейна, Моисея. Я отвечаю от рождения до могилы за бессилье и направление силы.

Я отвечаю за дела и мысли, за всё, что от меня зависит. Но, вернувшись в начало, за кровь и генетический код я не отвечаю... Инесса Ганкина – психолог и культуролог, член Союза белорусских писателей.

Автор трёх книг стихов и прозы. Пуб ликовалась в периодических изданиях, антологиях и альманахах, изданных в Беларуси, России, Израиле, США, а также на литературных сайтах (Textura.by, russbalt.lt, poezia.ru).

Какие сны...

Толчки природы, прошлого река – извечен образ времени и места.

Беззвучный крик кровавого оркестра, безмольный плач, не разжимая рта. Ещё не сдернут с лампы абажур, ещё столы накрыты.

Час погрома
не обозначен,
и дорога к дому
привычно безопасна,
но пуста
бутылка смысла...

И ночные страхи отбрасывают тени, а рубахи без пуговиц всё машут рукавами, как в миг последний у расстрельной ямы.

Какие сны...
Впрочем, времена бывали и подлее, и страшнее, а ныне все, как вечные евреи, гонимы ветром...
Новые Моисеи не узнают горящего куста.

3 **2**017

* * *

* * *

Желтопад по дворам, желтопад, И квадраты кварталов глядят глушью стен на закат и назад, а окном — на восток и вперёд.

Город смотрит, слегка кособок, а знакомый задумчивый кот за закрытой фрамугой забыт. Тот растерян, а этот сердит.

Перекошенный зонт — у орбит гнутся спицы, но глупо дыша, улыбается чья-то душа, И бульваром шуршим не спеша,

Ты да Я под зонтом бытия, Я да Ты на краю пустоты. Вырывается зонт и летит, Мы свободу дадим чудаку,

Но он в луже застрял на боку, И с надеждой за нами следит, Отряхнём и внесём его в дом, Что-то в жизни решится потом.

Хоть пока желтопад и дожди, Что-то будет у нас впереди. Посвящается всем деревьям на вершине, в частности Ю.Ч.

Хорошо быть деревом на поляне, все вокруг знакомые, машут ветвями, Лишь в родную землю упрись корнями, от ростка до старости – дома.

Хорошо быть деревом на опушке, за тобою лес — впереди пространство, Покоряй неспешно и безопасно, Подари плоды перелётной стае, И возникнет поросль молодая, Не дадут упасть, оплетут корнями. Прорастёшь побегом из сердцевины, Будет долог путь и прекрасен днями...

Но опасно быть деревом на вершине, Дуют ветры буйные, гром грохочет. Заломивши руки, прошепчешь: «Отче...», Только кто услышит тебя в пустыне?

Странно пусто в сердце, но лишь надежда, Что за дальней далью стоит, печалясь, Одинокий страж, покоривший вечность, И открывший Книгу «В Начале…»

Одиночество оттепели

1

Одиночество оттепели, как обглоданный снег. Обнажаются отмели, исчезающий след.

Берегами истории слой за слоем – народы, то потопы, то засухи – измененья природы.

Лишь словами свинцовыми прилипает к ногам истерично-изжёванный повседневности хлам.

2

Гам переходит в плач, смех выдыхает хрип. Рядом готов палач, где-то бежит родник. Дом выключает свет — Вроде бы нежилой. Милый, чего ты сник? (Всё-таки выходной.)

Комната до утра словно ковчег плывет, и превратится миг в вечность. А от забот

можно уйти туда (сущая ерунда), где потерял Морфей коды от всех дверей.

Где выдыхаем боль, и обретаем соль — истинный вкус, пока в небе сквозь облака руку найдёт рука.

<u> </u>Δεδιομ

Валерий ВАЙСМАН

Валерию 32 года. Живёт в Минске. Работает авиационным психологом. Это его первая публикация в журнале.

КРЕДО

Стоять, когда уже невмочь, Сумев презренье превозмочь И гнёт бесчеловечных мнений.

Бежать от ненавистных дел. Всему на свете есть предел И верный выбор без сомнений.

Любить, когда надежды нет, Храня в душе неяркий свет И не сдаваясь в час волнений.

Мечтать, летая по ночам, Вернув сияние очам И озорство в стране видений.

Молчать, когда уходишь в даль. Всему итог – разлук печаль И неизбежное забвенье. * * *

Июнь. Шёл дождь, и шёл шаббат. В еврейском Минске всякое бывает. Про это Саша Фурс немало знает. Поклонник идишистов, бьёт в набат.

И вдруг ожили лица, имена: Гирш Релес, Изи Харик, Каменецкий. Полёт их оборвал террор советский, Наполненные болью времена.

Знакомые, казалось бы, места... А здесь они писали, просто жили И, как и мы, куда-то все спешили. Навек теперь их сомкнуты уста.

Идём по лужам, КГБ, стена... Проспект Козлова, улицы Немиги, Бордюры из мацейв... О, скорбные вериги! Не зря ведь память нам дана.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Чужая боль — всего лишь боль. Для осознания ничтожна. И не моя, так что изволь, А жажда власти так безбожна.

На страшном дьявольском пиру Орудий гром и рвутся души. Нет места жалости в миру, Кто в рай, кто в ад — оглохли уши.

Мундир в крови, висит рука, Исходит жизнь из страшной раны. Слова молитвы с языка
За мать, отца; как мысли странны...

Простите те, кого любил, убил, А может, душу ранил, За то, что жизни не ценил, Лишь четко «Есть!» и шаг чеканил.

Но по-иному и не мог, Избрав судьбу, остался верен. Последний вздох: «Даруй мне, Бог, Мой путь, что был тернист и черен...» § **72017**

Михаил БАРАНЧИК

В 2013 году у Михаила вышел сов местный сборник с питерским автором Татьяной Багаевой, в 2016 году – авторский сборник «Мои стихи – лишь письма в никуда». Публиковался в журналах «Мишпоха» и «Приокские зори» (Тула), в газетах Беларуси. Живёт в Минске.

***

Пусть жизнь вся вкривь и вкось — Но я давно не плачу, Где надобно в обход — я лезу напролом. И чёрные коты приносят мне удачу, И вовсе не боюсь я баб с пустым ведром.

Просыпал кто-то соль — А мне не страшно даже. Я у плохих примет не шёл на поводу. Боюсь я лишь того, кто нам однажды скажет: — Идите все за мной: я в рай вас приведу.

В стране кривых зеркал не действуют приметы. Мы все идём вперёд — хоть пятимся назад. Боюсь я только тех, кто всем даёт советы — Намереньем благим мостят дорогу в ад. Семь бед — один ответ. И я уже не плАчу. Мой прОбил час — и вот я по счетам плачУ. Но всё же, как всегда, надеюсь на удачу. И поздно — на покой. И рано — к палачу.

***

Вот такая, друзья, история — На истории мир богат. Лишь два курса консерватории — А уже почти лауреат.

И победы ему пророчили,

И победы ему пророчили, И наград хватало сполна... Но всё единым росчерком Зачеркнула сука-война.

Для родителей — огорчение, Ведь не воин сын — пианист. Но в московское ополчение Добровольно пошёл артист.

Ведь в войну уже не до музыки — Топчет землю фашистский гад. Распрощался на время с музами И живым прошёл Сталинград.

Позабыв об уроках давешних, Он исправно жал на курок... Только пальцы тянулись к клавишам – Он сыграет, лишь дайте срок!

А когда пошли в наступление, План случайно созрел на раз – Я сыграю, как озарение, В старой Вене свой венский вальс.

Пусть война мою съела молодость, И погибших, конечно, жаль... В превращённом в руины городе Он увидел живой рояль...

Может, Мойры судьбу провидели, Может, сам он об этом знал...
Вот такое вот «Евровидение».
Сорок пятый. Берлин. Финал.

***

Мы по жизни идём — чужаки, чудаки. Тяжкий груз на плечах и натружены ноги. Маскируем свой горб скромно под рюкзаки, Наша цель далека, наши мысли легки: Чтобы всё же дойти — и не сбиться с дороги.

То, что живы ещё — в этом нет колдовства. Нам свобода дана — удержать не сумели... По пустыне бредём день и ночь, год и два И никчёмными кажутся звуки, слова. Тают в бархатном небе напевы свирели.

Свет от жёлтой звезды заставляет плясать На песчаных холмах ярко-чёрные тени... Что когда-то дано – никому не отнять. И одно в голове – как найти, не терять На зыбучих песках давний след Моисея!

Витебской области

Константин КАРПЕКИН

О споре между витебскими резниками в 1927 г.

Эта история началась 9 апреля 1927 г., когда двое витебских резников с возмущением обратились к уполномоченному рабоче-крестьянской инспекции по Витебскому округу.

Суть их вопроса состояла в том, что в Витебске появилась группа шойхетов, заключивших договор с Витебской городской скокопеек, а за мелких – 25.

Авторы заявления действовали самостоятельно и оценивали свою работу значительно дешевле: по 15 копеек за крупных и по 8 - 10 - за мелких животных. Поскольку администрация скотобойни не хотела снижать цены на кошерное мясо, она притесняла «дешёвых» резников, чтобы те не переманивали к себе клиентов.

Группа шойхетов «подороже» состояла из семи человек. Они даже дали специальную подписку, в которой обязывались действовать только через городскую скотобойню, строго соблюдать распорядок и не снижать цены на мясо.

Несколько позже в городе появился ещё один обиженный резник: 12 апреля 1927 г. он тоже пожаловался на сотрудничавших со скотобойней. Свою жалобу он направил в еврейское бюро Витебского окружкома $K\Pi(6)$ Б.

В тот же день — 12 апреля 1927 г. — конфликтующие резники и мясники Витебска собрались на совещание. Желавшие работать по более низким тарифам возмущались, что их не допускают резать скот, а те, кто работал на бойне, говорили, что им нужно зарабатывать на хлеб и в Витебске не нужно много специалистов по производству кошерного мяса.

Вскоре после совещания, 14 апреля, группа из семи резников попросила Витебский городской Совет разрешить возникший вопрос с помощью раввинов. Они сообщили, что трефной

убой они совершают бесплатно, a часть вознаграждения кошерную резку отдают раввинам за работу по установлению кошерности (10 копеек за каждое крупное

ЧЬЕ МЯСО КОШЕРНЕЕ?

Там, где речь идёт о деньтобойней: за убой крупных гах, – всегда споры. Так было, животных они получали 60 есть и, наверное, будет.

утверждали, что даже если к работе на скотобойне будут допущены «дешёвые» резники, цены на мясо в городе всё равно не снизятся.

животное и 5 - за мелкое). Они

За этих резников поручились трое витебских раввинов, которые заявили, что с давних времён именно эта группа совершает убой согласно всем правилам.

Раввины направили в Витебский городской Совет соответствующее письмо, которое заверили своими печатями. Документ хранится в Государственном архиве Витебской области. Если оттиски печатей А. Немойтина и М. Гуревича не особо качественные, то печать знаменитого витебского раввина Ш.-Л. Медалье читаема.

25 апреля 1927 г. прошло совещание при уполномоченном Центральной контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции по Витебскому округу, на котором рассматривался возникший вопрос. Совещание прошло в спорах о том, кто должен допускать резников к работе: мясоторговцы или раввины. Было постановлено, что нанимать шойхетов могут только мясоторговцы. Резники обязаны были работать исключительно на бойне и ни в коем случае не совершать шхиту в частном порядке, к тому же отменялись всяческие денежные отчисления раввинам.

На следующий день в правление Совета кустарей поступила жалоба от 26 мясников, которые высказывали недовольство тем, что витебская скотобойня повысила цены на мясо больше чем на 100 % и препятствует работе резников, желающих снизить стоимость услуг.

Судя по всему, вмешательство в возникший спор органов власти ни к чему не привело: и в кон-

> це 1920-х, и в начале 1930-х гг. в Витебске оставалось много резников, каждый из которых считал, что его мясо кошернее.

Материал подготовлен на основе документов Государственного архива Витебской области: ф. 10073-n, on. 1, д. 180, л. 1, 2, 5 – 9, 11, 14, 18 – 20.

37**2017**

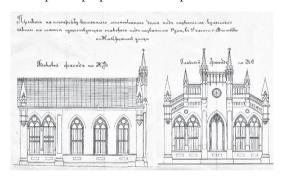
Из истории Купеческого молитвенного дома в Витебске.

20 февраля 1902 г. в строительное отделение Витебского губернского правления поступило прошение Давида Нохимовича Нохимовского — старосты Руссинского молитвенного дома, действовавшего в Витебске в Школьном переулке (между современными улицами Ильинского и Комсомольской).

Молитвенный дом «неизвестного» стиля

Мы часто слышали: «Нет»... но достигали поставленной цели.

Это молитвенное здание, хоть и являлось каменным, но, поскольку было возведено уже много лет назад, было совершенно ветхим. Вот Давид Нохимовский и просил разрешения построить на его месте

Первоначальный проект строительства Купеческого молитвенного дома, 1909 г. ^{4}

новый молитвенный дом и назвать его Купеческим.

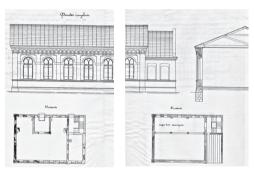
Прошение было рассмотрено достаточно быстро (к концу марта) и не в пользу верующих. Губернское правление запретило перестройку молитвенного дома, потому что возле него имелось множество незаконных деревянных построек, которые скопились здесь на протяжении десятилетий, а ремонт можно было начинать только после их сноса.

Таким решением Давид Нохимовский не удовлетворился и в январе 1903 г. направил в губернское правление новое ходатайство. Сложность состояла ещё и в том, что предполагаемое здание по размерам было несколько больше старого, а это в свою очередь затруднило бы перемещение горожан в случае пожара. В итоге 28 марта 1903 г. постройка была снова запрещена.

Давид Нохимовский не отчаивался и уже 30 марта 1903 г. предоставил в губернское правление новый проект строительства. Правда, его постигла та же участь, что и предыдущий: он не был утверждён по той причине, что план не соответствовал реальному расположению зданий на местности.

В результате Давид Нохимовский пожаловался в Правительствующий Сенат. В Санкт-Петербурге решили, что Витебское губернское правление не имело достаточно оснований для отказа общине, и 21 мая 1907 г. строительство нового молитвенного дома было разрешено¹.

Много времени у общины заняла подготовка подходящего проекта: таковой был готов только к июню 1909 г. Правда, губернские власти снова забраковали чертёж нового молитвенного дома. 26 июня 1909 г. правление вынесло своё окончательное решение: «...проект этот не может быть принят к утверждению». Причинами были названы следующие обстоятельства. Во-первых, неправильно были спроектированы стропила, во-вторых, балкон был предусмотрен на деревянных балках, что тоже считалось неправильным, в-третьих, сам стиль молитвенного дома служащие строительного отделения признали «неизвестным» и «крайне безобразным», в-четвёртых, лестничные площадки

Окончательный вариант чертежа молитвенного дома, 1910 г. ^{5}

не были ограждены каменными стенами. Проект произвёл впечатление небрежного и непрофессионально составленного².

И всё же к 7 апреля 1910 г. был готов новый проект, а история, начавшаяся ещё в 1902 г., окончилась успешно 10 апреля 1910 г. — перестройка Купеческого молитвенного дома была разрешена³.

К сожалению, Купеческий молитвенный дом до наших дней не сохранился: сейчас на этом месте находится здание Витебского филиала Белорусской государственной академии связи.

^{1.} Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 3209, on. 1, д. 1072, л. 1, 2, 5, 8, 10, 13, 19, 34, 37, 39.

^{2.} НИАБ, ф. 3209, on. 1, д. 1381a, л. 1, 9.

^{3.} НИАБ, ф. 3209, on. 1, д. 1456, л. 1, 2.

^{4.} НИАБ, ф. 3209, on. 1, д. 1381a, л. 2, 3.

^{5.} НИАБ, ф. 3209, on. 1, д. 1456, л. 3 oб., 4, 5.

Мой прадед Берлин Хацкель родился примерно в 1850—1855 гг. Жил в местечке Рудня Оршанского уезда Могилёвской губернии.

Его жену, предположительно, звали Салкина (Залкина) Роза. У них были дети: Михаил (род. в 1877), Симон-Мовша (род. в 1881 — мой дед), Эмануил (род. примерно в 1883), Яков (род. примерно в 1883). Позже семья переехала в Витебск.

Жену Михаила звали Хая. В 1909 г. у них родился сын Лейб. Они жили тогда во второй части Витебска по ул. Короваева в доме Русина.

У Михаила были ещё сын и дочь.

Мой дед Симон-Мовша выдержал экзамен в Полоцком кадетском корпусе в июне 1901 г.

Все сыновья Берлина Хацкеля уехали из Витебска примерно в 1909—1912 гг.

Дед Симон Мовша-Берлин в Полоцке.

Мой дед уехал в Среднюю Азию. Его братья — в Америку. Судьбы прадеда и его жены не знаю.

Метрики Михеля Хацкелева Берлина.

Одновременно я разыскиваю потомков братьев деда в Америке. Некоторых уже нашёл. Метрику Лейба, например, мне прислал его внук.

Юрий БЕРЛИН, yberlin@gmail.com

Создаём музей газификации Дальнего Востока в Хабаровске. Нужна помощь в поиске информации о первом руководителе нашего предприятия Косухкине З.Я. (предположительно, Зяма Яковлевич). До газовой конторы работал в трамвайном управлении.

В результате наших поисков нашлись два тёзки. Первый — Зяма Яковлевич Косухкин, 1909 г. р., капитан административной службы, начальник головного авиасклада № 614 79 района авиабазирования, в армии с ноября 1933 г. Призван в Витебской области Белорусской ССР. 12 августа 1944 г. награждён орденом Красной Звезды Приказом 15-й воздушной армии №131/Н. Это боевое объединение содействовало войскам фронта при прорыве укреплённой обороны противника в районе Идрицы, Себежа, Дриссы, участвовало в Режицко-Двинской операции, в сентябре—октябре принимало участие в боях за освобождение Латвии и её столицы Риги.

«Второй» — Зяма Яковлевич Косухкин, 1911 г. р., майор, командир 296-го отдельного авиатранспортного батальона. Рождённый и призванный в армию также в Витебской области Белорусской ССР (1939).. Тоже кавалер Красной Звезды. Закончил боевой путь в звании подполковника арттех. службы. Интуиция подсказывает, что оба

Зямы — это один человек, а разница в датах рождения и призыва — канцелярские погрешности. Талантливый управленец, прошёл всю Великую Отечественную с действующей армией, решил остаться на Дальнем Востоке...

По документам горкомхоза Хабаровска, Зяма Яковлевич Косухкин в марте 1956 г. работал и.о. главного инженера в отделе коммунального хозяйства. В апреле 1955 г. решением хабаровского горисполкома был назначен первым директором «Дирекции строящихся трамвайных сооружений». А через некоторое время он уже руководил Горгазом. Правда, только два года. После 1958 г. следы его обрываются. Нет ни фото, ни точной даты рождения, и даже образование нашего героя не известно.

По данным архивов, в парикмахерской № 5 горкомхоза Хабаровска мужским мастером работала Мария Абрамовна Косухкина, которая, по нашим предположениям, являлась женой Зямы Яковлевича.

Будем признательны за любые сведения.

Марианна РАПОПОРТ, гл. специалист отдела по связям с общественностью и СМИ АО «Газпром газораспределение Дальний Восток» rapoport@gazdv.ru

§ **7**2017

Я родился в Екатеринбурге, куда мой отец с семьёй переехал примерно в 1910—1912 гг. из местечка Яновичи (недалеко от Витебска).

Отец — Сладкевич Илья (Иона) Михайлович (Моисеевич). Его сёстры — Серафима и Августа, брат Иосиф. Все жили и умерли в Екатеринбурге. Больше мне ничего не известно о бабушке и дедушке.

Григорий СЛАДКЕВИЧ, grslad@gmail.com

До войны наша семья Штейнбок жила в Витебске. Хотели бы узнать о них больше.

Маргарита РАНТАМАА, zarem64@mail.ru

Был бы рад получить информацию про семью Абельского из Витебска.

Залман АБЕЛЬСКИЙ, brzta770@gmail.com

Можете ли Вы помочь в поиске родственников погибшего 5 ноября 1943 г. лётчика — лейтенанта Крейнделя Абрама Хацкелевича, 1922 г.р (?) Проживал (семья — ?) на 1940 г. — Минск.

Последнее место службы — Высшая офицерская авиационная школа воздушного боя. (Данные: Центральный архив Министерства обороны, ф.33, оп. 563784, д. 27.)

Старший брат — Крейндель Кузьма Хацкелевич. Была ещё старшая сестра. Её имя мне не известно.

Родители: Крейндель Хацкель Абрамович и Крейндель Саша Моисеевна.

К сожалению, пока узнать точный адрес в Минске не удалось.

Игорь МИХАЙЛЮК, les-nik.i-d@mail.ru

Моя бабушка Элькина Анна Ильинична родилась в Дубровно в 1900 г.

Она уехала в Саратов где-то в 1918—1920 гг. Выучилась на фармацевта и всю жизнь работала в аптеке. У неё было три сестры и брат.

Её отец, мой прадед, погиб в 1941 г., спасаясь от немцев и пытаясь уйти из Дубровно на восток. Почему-то бабушка после войны никогда не ездила в Дубровно. Вероятно, там уже не оставалось ни родных, ни знакомых, и где похоронен её отец, она не знала.

Мой дед Липский Илья Генрихович родился в Дубровно в 1903 г. Его родителями были Генрих и Сарра Липские.

Сарра Липская родилась в Дубровно в 1879 г. У деда были две сестры: Песя Липская 1908 г.р. и Соня Липская 1910 г.р.

После женитьбы на моей бабушке Илья Липский переехал в Саратов и работал на мебельной фабрике, где потом стал её директором.

После присоединения Западной Украины, в 1939 г., деда направили на работу в город Стрий (нынешняя Львовская область) директором мебельной фабрики.

Илья Липский.

С начала Великой Отечественной войны он в рядах Красной Армии. После ранения был демобилизован. Но через несколько месяцев узнал о расстреле его отца в Дубровно и добровольно снова пошёл на фронт. Был командиром стрелковой роты 142 стрелкового полка 5 Гвардейской Орловской стрелковой Краснознамённой ордена Суворова и ордена Кутузова дивизии.

Погиб 15 августа 1944 г. у деревни Выздра Мазовецкого воеводства (Польша).

Сёстры деда — Песя и Соня жили до войны под Ленинградом. Они вместе с мамой, моей прабабушкой, успели уехать в эвакуацию и пережили войну.

Недавно я впервые был в Дубровно. Подошёл к памятнику, установленному на месте расстрела еврейского населения. На обелиске увидел фамилию Липский Г.З., скорее всего, это мой прадед.

Хотелось бы больше узнать о своих родственниках. Буду благодарен за любую информацию.

Михаил ШЕЙНИН, m.s.sheynin@icloud.com

*C*εμεύμου αλόδομ

Много героев в еврейской истории. Все заслуживают, чтобы ещё и ещё раз вспомнили о них. Я напишу про свою семью, которую считаю героической.

Как женился дедушка Гирш

Мой прадед Иче Жуковский, по кличке Бражник, был одним из самых богатых людей в Бобруйске. Ему принадлежали дома, которые он сдавал в аренду, гектары земли, которые он брал в аренду, и стадо коров. Он сам работал от зари до зари, работала его жена (моя прабабушка Нехама),

работали тринадцать сыновей и дочь Мнуха, с которой я ещё успела познакомиться.

Одним из тринадцати сыновей и был мой дедушка Гирш. Он, молодой 20-летний парень, влюбился в соседскую девушку Симу-Рейзл. Но когда Гирш собрался на ней жениться и просил благословления у своих родителей, то получил жестокий отказ.

Иче возмущался, что, мол, девушка не ровня его сыну. Её семья была очень бедная. После смерти матери Сима-Рейзл, как старшая, воспитывала семерых братьев и сестру.

Но когда Гирш сказал, что всё равно женится на

Симе-Рейзл, то вместо благословления получил отцовское проклятие.

Мои бабушка и дедушка всё-таки поженились, у них уже росли дети: Либа, Хаим, Нохим, Илия, Эфраим. Но прадедушка Иче Жуковский никогда не заходил к ним в дом, даже не хотел видеть своих внуков и слышать о них. Хотя жили они на соседней улице. Он приказал жене и своим детям не общаться с Гиршем и его семьёй. ...Наступил 1928 год. В марте родилась в семье Гирша и Симы-Рейзл девочка Сара, ставшая всеобщей любимицей. Бабушка пошла её записывать в ЖЭК (как тогда было положено). А там в это время по делам был Иче. Когда бабушке выдали свидетельство о рождении младшей дочери и она ушла, Иче спросил: «Вер из дос а шейне вайбл?» (Кто эта красивая женщина? — идиш). «Как кто? — удивились в ЖЭКе, — это же твоя невестка — жена твоего сына Гирша». Иче стал расспрашивать о них, и ему рассказали, что их семья живёт дружно, уже шесть детей воспитывают, но очень бедно.

Бабушка, а потом и мама рассказывали мне, как в тот же день Иче пришёл в дом сына. Не здороваясь, прошёл в детскую, наклонился над

коляской, где лежала новорождённая, и сказал: «Майне мейдл!» (Моя девочка

— идиш). Сказал, как припечатал. А вечером во дворе появились корова, лошадь, куры, гуси, утки, козы. И несколько мешков зерна. Это и помогло выжить семье в голодные 30-годы, когда Иче Жуковского уже не было в живых.

Его в 29-м раскулачили. Он не мог понять, за что. Ведь у него не было батраков. Работал сам и вся его семья.

В том же году мой прадед Иче умер от разрыва сердца. Возможно, это спасло семью «кулака» от вынужденного переселения в Сибирь.

КТО УНАСЛЕДОВАЛ ХАРАКТЕР

ИЧЕ-БРАЖНИКА?

Жуковский Иче.

Бабушка Сима-Рейзл, когда была недовольна моей мамой, своей дочерью Сарой, говорила: «Точно свёкор, такой же характер».

Правда, у самой бабушки тоже был характер далеко не сахарный. Но благодаря ей семья успела уехать в эвакуацию перед самым приходом в Бобруйск фашистов. Дедушка Гирш, который знал немцев по Первой мировой войне, сначала наотрез отказывался уезжать из Бобруйска.

§ 7₂₀₁₇

«Послушай, Сима-Рейзл, — говорил он. — Немцы — культурная нация. Они нас не тронут. А мы вернём землю и дома моего отца и будем жить припеваючи».

Моя бабушка сказала: «Ты понимаешь, что говоришь? Хаим в армии. Два сына — комсомольцы, дочь — пионерка. Немцы первыми нас убьют».

Нехама и её невестки. Справа Сима-Рейзл Жуковская-Миндлина.

Подвода с семьёй моей бабушки была последней, которая проехала мост через реку Березину. Спустя месяцы они оказались в эвакуации в далёкой Курганской области.

На войне погибли мой дядя Хаим и дедушка Гирш, умерла от голода моя прабабушка Нехама, многие наши родственники остались в оккупированном Бобруйске, и их последняя дорога была к месту расстрела узников Бобруйского гетто.

В каменских рвах лежат 74 человека из семей Жуковских—Миндлиных (девичья фамилия бабушки).

Бабушка Муха

Я была знакома с единственным оставшимся в живых после войны ребёнком моего прадеда Иче Жуковского — маминой тётей Мнухой. Она жила в том же переулке, где и родилась, где жили её родители и где жила моя бабушка Сима-Рейзл со своим вторым мужем Беркой Марголиным.

...Жили мы тогда в рабочем посёлке, в народе его называли Халтуринским — по названию мебельной фабрики, где работал мой отец. За хорошую работу ему как передовику производства дали отдельную комнату в бараке. Посёлок этот находился через дорогу от переулка, где жили все Жуковские. И мама очень часто водила меня к бабушке.

Но возвращаюсь к Мнухе. Это была крупная женщина, борец за справедливость, которая держала в страхе всех соседей-выпивох. Я очень любила Мнуху, и, когда видела её на улице возле маленькой хатки, бежала к ней, крича на весь переулок: «Бабушка Муууууу-ха!!!»

Мнуха останавливалась, строго смотрела на

меня — свою племянницу, и всегда говорила одну и ту же фразу: «Сара! Неужели ты не можешь научить ребёнка правильно говорить моё имя? Я не муха, я — Мнуха!». На что мама, тихо сопротивляясь, отвечала, что ребёнку только два года. И слово муха ей понятней.

Бабушка Мнуха была, как бы сейчас сказали, очень фотогенична. Её

лицо, в котором говорила каждая чёрточка, так и просилось на портрет. Ей многие бобруйские художники предлагали позировать, но она только отнекивалась, считая это занятие непристойным для еврейской женщины, да ещё из семьи Иче Жуковского. Она так и говорила: «Их бин а афарлорэнне» (я потерянная для вас — идиш).

И только одному художнику удалось её уговорить. Это был Абрам Рабкин, большой друг всей нашей семьи. Уж не знаю, как ему это удалось, но, когда я сейчас смотрю на портрет моей бабушки Мнухи, я снова вижу себя маленькой девочкой и слышу свой восхищённый крик: «Бабушка Муууууу-ха!!!»

Абрам Рабкин. «Мнуха».

Берка

Он вошёл в мою жизнь практически сразу после моего рождения. Добрый, не очень многословный, мудрый, он был моей подружкой.

«Дед» – так называла его я и все остальные члены нашей семьи. Он, Берка Марголин, был вторым мужем моей бабушки Симы-Рейзл. Его первая жена погибла в годы войны, мой дедушка Гирш – первый муж моей бабушки, погиб на Воронежском фронте в декабре 1942 года.

«Дед» и моя бабушка сошлись после войны. И он стал мне самым настоящим дедушкой. Других я не знала. И я командовала им, как хотела. Он любил меня и многое прощал. В отличие от бабушки, которая меня любила,

но пыталась воспитывать в строгости. А я была далеко не ангел...

Так получилось, что по разным причинам до школы я подолгу жила у них. И если бабушка мне чего-то не разрешала (а такое бывало часто), я начинала её шантажировать. Как? Сейчас узнаете.

Мой дед Берка был очень набожным. С неприкрытой головой и без молитвы за стол не садился, ходил по

субботам в шул (молельный дом). Для него у нас была кошерная посуда, которой он пользовался один. И при такой набожности дедушки - совершенно светская бабушка, которая в синагогу ходила один раз в году на Йом-Кипур. И свиное сало любила. Но не могла его есть при дедушке открыто. И прятала своё лакомство в чулане. А я знала об этом. И если бабушка мне чего-то не позволяла, я говорила: «Деда! А пойдём со мной в чулан. Я тебе что-то покажу». «Что ты мне хочешь показать?». Я тянула его к чулану, бабушка загораживала дорогу и шептала: «Что ты хочешь, маленькая негодяйка?». И я получала желаемое. Я могла его поднять среди ночи с воплем: «Хочу домой к маме». Он беспрекословно одевался и вёл меня домой через весь город. А когда я болела, он был для меня самой лучшей нянькой.

А потом я пошла в школу. И уже на второй день я с кем-то подралась. Маму вызвали в школу. Она всё услышала от завуча о несовершенстве моего домашнего воспитания. Дома мама мне «пропесочила» хорошо мозги.

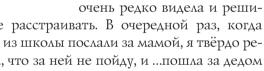
Я решила вообще в школу не ходить и пряталась от всех в детском парке. Но домой из школы приходила вовремя. И на вопрос мамы, когда я буду делать уроки, уверенно отвечала, что в первом классе домашнее задание не задают.

Так прошло две недели. Пока моя учительница Сара Александровна не пришла к нам домой проведать свою ученицу, которая так долго «болеет». Вот тут-то всё и прояснилось.

Я ещё неделю в школу не ходила. Но уже по другой причине. Папа «приложился», да так, что сидеть я не могла. Это был единствен-

> ный случай в моей жизни, когда меня вообще так серьёзно наказали. К сожалению, это не имело большого воздействия. Ну сколько я могла вести себя прилично?! День, ну два. А потом маму снова начали вызывать в школу. И после очередного вызова она мне пригрозила, что всё расскажет папе. Вот этого я испугалась не на шутку. Папа много работал, что-

бы обеспечить семью. Я его

ла не расстраивать. В очередной раз, когда меня из школы послали за мамой, я твёрдо решила, что за ней не пойду, и ...пошла за дедом Беркой. Дождавшись, когда бабушка вышла во двор, я сказала: «Деда, тебя в школу зовут».

- Зачем?
- Пойдём, узнаешь.

Я постаралась, чтобы дед оставил дома слуховой аппарат (его контузило на войне), и он стеснялся своей глухоты.

- Ой, фейгеле ($nmuчка u\partial uu$), я забыл дома аппарат. Я же ничего не услышу.
- Ничего, деда, ты просто кивай, а я тебе потом расскажу.

Мы пришли в школу. И там деду рассказали всё, что про меня думали. (Далеко не самое лестное.) Дед, как я его научила, кивал головой и при этом молчал. Когда педсовет в одностороннем порядке закончился, мы вышли на улицу и дед спросил: «Маменька, что они говорили?». Я

Берка Марголин и Сима-Рейзл.

B 7₂₀₁₇

прокричала ему в ухо: «Деда! Они меня очень хвалили. Но давай не будем об этом рассказывать ни маме, ни бабушке. А то им завидно будет». Моё слово для деда было законом. И он никому не сказал о своём посещении школы.

Неделю перед родительским собранием я постаралась вести себя прилично, чтобы маму не вызывали в школу. С большим трудом мне это удалось. Мама шла на родительское собрание спокойная и гордая в надежде, что девочка образумилась. Какого же было её удивление, когда, дойдя до моей фамилии, Сара Александровна снова рассказала о моём поведении.

- Сара Александровна! Но меня уже давно не вызывали в школу.
  - Мы всё сказали отцу.
- Вы что-то перепутали, Сара Александровна. Майин папа даже не знает, где находится школа
- При чём здесь Майин папа? Мы всё сказали вашему отцу.

Страшно вспомнить, чем это закончилось. Попало, конечно, мне, а ещё больше дедушке. Но он никогда, до самой смерти, не вспоминал мне этот ужасный эпизод в его биографии, когда в первый раз ему пришлось врать.

Деда Берки, моего любимого деда, нет уже более 55 лет. Он умер, когда я перешла в третий класс. Но каждый год 23 июля в его Йорцайт (годовщину смерти) я прихожу к нему на могилу и рассказываю, как я его люблю, и прошу меня простить.

Неотправленное письмо

Мой самый дорогой, самый лучший папа в мире! Только сейчас, через 20 лет, я собралась написать тебе, хотя по сей день часто разговариваю с тобой. Ты знаешь, чем больше времени прошло со дня твоего ухода, тем больше я чувствую тебя, слышу твои шаги по моей новой квартире, в которой ты так и не успел побывать. Ты часто приходишь ко мне во сне. И по выражению твоего лица понимаю, когда права, а когда ты не доволен мной. Ты по сей день главный судья моих поступков, всей моей жизни.

Через несколько дней я поеду в Слуцк, на твою Родину, приду к памятнику жертвам Слуцкого гетто, поклонюсь бабушке Риве, дедушке Руве, дяде Мише, тёте Рае, двум твоим

невесткам и пятерым племянникам, которых никогда не видела. Но ты так много о них рассказывал, что мне кажется, будто я вместе со всеми вами жила в довоенном Слуцке, купалась в речке Бычок, вместе с тобой прогуливала уроки в хедере. Когда бабушка Рива уходила на работу (она была воспитательницей в детском саду), ты прятался на чердаке. Если ты помнишь, я тоже прогуливала школу (гены).

Когда тебе было 14 лет, на семейном совете было решено забрать тебя из школы, чему ты был несказанно рад, и отдать на работу учеником электрика в местный еврейский театр, директором которого был твой старший брат Залман. Войну театр встретил на гастролях в Барановичах. Вы вернулись в Слуцк. Бабушка Рива заставила тебя сесть на велосипед и уехать из города за два часа до того, как в город вошли фашисты. Тем самым она спасла от гетто своего младшенького любимца Ейну. А Яковом ты стал уже на фронте, куда попал в начале 42-го года. Батальонный писарь, выписывая военный билет, спросил:

- Фамилия?
- Бергер.
- Зовут?
- Ейна.
- − Kaĸ?
- Ейна.
- Нет такого имени. Будешь Яковом.

Так ты с этим именем и прошёл через всю жизнь.

Совсем мальчиком воевал за Сталинград, на Курской дуге, войну закончил в Венгрии на

Папа Яков Бергер и мама Сара. Первый снимок молодой семьи.

озере Балатон, где был тяжело ранен и лечился в госпитале почти полгода. А после госпиталя приехал в родной город и не узнал его. Не было дома, не было улицы. Чудом выжившие соседи привели тебя на место, где были расстреляны узники гетто. Вот и всё, что осталось от твоей большой семьи. Ты не любил рассказывать о войне, как будто винил себя, что выжил, а они остались в тех ямах.

Приехал в Бобруйск, где жила двоюродная тётка, встретил 17-летнюю красавицу Сару, которая стала твоей женой. А потом появилась я, и жизнь для тебя обрела новый смысл.

Ты очень мало говорил. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что не очень хорошо говорил по-русски. Ведь в твоей семье говорили только на идише. А я, дурочка, смеялась над твоей речью. Мне очень хотелось быть похожей на красавицу маму, а похожа я была на тебя. И я очень переживала из-за этого. Сейчас я горжусь нашим сходством. Мне бы ещё твоей мудрости, твоего такта, твоего терпения. Ты жил, как солдат, и умер, как солдат 23 февраля от старых фрон-

Правнуки Иче Жуковского, живущие в Израиле: Дима Жуковский, Саша Жуковский, Нина Жуковская-Шмальцуева и Майя Казакевич (нижний ряд, посередине). Фото 2003 г.

Папа, мама и дочь Майя.

товых ран. Так сказали врачи. А в последний вечер тебе стало легче, и ты вдруг запел. Это была еврейская колыбельная, которую тебе много-много лет назад пела твоя мама, моя бабушка Рива. И последнее слово, которое ты сказал, было МАМЭ.

Когда мне бывает грустно, я напеваю мелодию этой колыбельной, и мне становится легче. Я чувствую, что ты поёшь вместе со мной...

...Это небольшая часть истории моей семьи. Вы спросите, что же здесь героического? Я отвечу: «Да, так жили многие еврейские семьи. Со своими радостями и бедами, находками и потерями. Но это история моей семьи. И для меня каждый из моих родственников – герой».

Уже никого нет в живых – ни моей мамы Сары, ни тети Мнухи, ни бабушки Симы-Рейзл, ни дедушки Гирша, ни дедушки Берки, ни прадедушки Иче, ни прабабушки Нехамы. Но, благодаря им, есть мы их внуки и правнуки. Мы живём в разных странах, по всему миру и храним историю нашей семьи!

Майя КАЗАКЕВИЧ, Бобруйск, Беларусь. 3 **7**2017

Экскурсия в прошлоғ

Экскурсию по еврейскому Пинску проводил Эдуард Злобин. Уже через полчаса общения я понял, что мне повезло: я встретился с «ходячей пинской энциклопедией».

Эдуард, по его собственному признанию, к евреям по происхождению не имеет отношения— «хоть бы капельку найти». Но знает о пинских евреях всё, или почти всё. Дружит с пинской общиной в Израиле и по их приглашению гостил в этой стране.

Злобин — историк-архивист, имеющий музейный стаж работы, автор статей по пинской истории. И приятный собеседник.

Во-первых, я из Пинска...

В Пинске, куда ни повернись, увидишь следы еврейской истории. Стоит в городе высоченная труба. Её видно издалека. Про неё говорят: «Баня Хойник».

Жил в Пинске Ханон Глоцер, банщик, держал городскую микву. Здание не сохранилось. А труба, хотя и советских времён, но про неё по-прежнему говорят «Баня Хойник», даже не зная, кто такой этот Хойник...

...Первым местом работы первого президен-

Пинск. Пешеходные улицы в центре города.

та Израиля Хаима Вейцмана была фабрика Лурье. И жила семья Вейцманов некоторое время в доме Григория Лурье. Его предки были из Могилёва. Один из них женился на дочери богатого пинского купца Левина. Тот Лурье прожил мало, но дал начало известной пинской династии.

Семья владела большим участком земли. Его сын Давид открыл в 1850 году банковское дело в городе, Моисей в 1880-м — занялся деревообработкой. Начиналось всё со шпилечного производства. Потом появилось гвоздильно-шпилечное, потом фанерное. Сейчас это известное всей стране производственное объединение «Пинскдрев».

...У русского писателя Николая Лескова есть интересные воспоминания о Пинске. Он приезжал сюда как корреспондент газеты «Северная пчела» писать о начавшемся строительстве железной дороги Белосток − Гродно − Антополь − Дубровица и далее на юг до Львова. Но после восстания Кастуся Калиновского 1863−1864 годов это строительство прекратили, дабы не помогать развитию края и не содействовать крупным польским помещикам.

Воспоминания Николая Лескова называются «Из одного дорожного дневника». Пинску посвящены три корреспонденции. В одной из них Николай Лесков описывает поразившие его еврейские похороны.

Писатель мастерски описывает обычаи полесского края, запомнившиеся встречи и беседы с полешуками: католиками, православными и евреями, а также истории, свидетелем кото-

рых ему пришлось быть. Например, когда он обедал в Антополье в трактире, вошла местная помещица и с пренебрежением стала разговаривать с трактирщиком. Тот не выдержал и спросил:

- За что же вы, пани, так ненавидите евреев?
- За что вас любить? с возмущением спросила помещица. Вы нашего Христа распяли.
- Пани, ну что вы такое говорите, суетливо возразил трактирщик. Это же не наши, не антопольские распяли, а ружанские.

Николай Лесков отмечал, что у многих здешних мужчин-евреев хорошее ев-

ропейское образование. Они учились в университетах России, Германии, Швейцарии, в Риге, Дерпте. И в тоже время сохраняют все еврейские традиции, верят в разные ниточки, которые надо повязывать на руку. Карлинских хасидов писатель и вовсе называл «карлинскими скакунами».

Мы беседовали в сквере напротив здания Полесского драматического театра. Эдуард Злобин сказал:

— Нынешний театр — это бывший дом лесопромышленника Боярского. Здесь находился первый в городе синематограф. Пинск был культурным городом: работали театр братьев Гольцманов, в 1901 году открыли театр Корженевского. Между прочим, самый крупный в Минской губернии. С залом на 1000 мест, механической сценой. Тогда в Пинске проживало менее 25 тысяч человек. Сейчас — 140 тысяч, а театр всего на 120 мест. Спектакли местного театра в Пинске шли в основном на русском языке. Но было много гастролирующих театров, игравших на идише. Всё же 18 тысяч евреев жило в городе и абсолютное большинство из них идиш считало родным языком.

...У пинских евреев бытовал странный обычай. Чтобы подчеркнуть своё благородное происхождение, они стали добавлять к фами-

лиям приставку «ди». У некоторых людей «благородные» приставки «ди» и «де» вошли в фамилии. Вроде, как у французов Д'Артаньян. Только у евреев получилось Ди Лурье, Ди Вейцман.

...Про каждую улицу и, кажется, даже про каждый старый дом, Эдуард Злобин готов рассказывать долго и обстоятельно.

– Улица Крупская... Дом, который в народе называют «аргентинским». Где Аргентина и где Пинск, скажете Вы, и будете абсолютно правы.

Дело в том, что в 1957 году довоенным гражданам Польши разрешили во второй раз после окончания войны воссоединить

семьи, а попросту говоря, выехать в Польшу. Уехало немало, в том числе и евреев, которые через Польшу подались в Израиль. Среди них были и довоенные члены Коммунистической партии Западной Беларуси, которые на себе поняли, «за что боролись».

Советская власть заволновалась и решила в глазах международной общественности поднять свой престиж. В начале XX века часть пинских евреев выехала в Латинскую Америку. В Аргентине даже была создана община пинских евреев. Среди них советские дипломаты стали вести активную работу, обещали вернуть в страну, где «нет бедных и обездоленных». И двенадцать семей, которые не смогли устроиться в Аргентине, которых мучила ностальгия, приехали в Пинск. Правда, им было обещано право в любой момент уехать обратно. Всех поселили в специально построенном «аргентинском» доме. Кто-то задержался в Пинске дольше, кто-то уехал быстро, но одиннадцать семей попрощались со страной Советов. И только одна семья пустила здесь корни. Представитель этой семьи - известный переводчик, писатель Карлос Шерман, недавно умерший в Минске. Он был председателем Белорусского отделения Пэн-клуба.

Два пинчука с довоенными корнями возглавляли Пэн-клубы соседних стран. Карлос

Шерман в Беларуси и в Польше — Ричард Капустинский, публицист, писатель. Родители Капустинского были учителями, жили в доме Колодных.

Бывшее здание еврейской больницы. Над главным входом на козырьке сохранились магиндовиды.

3 Z2017 71

В Пинске были две большие семьи Колодных. Более состоятельная жила в центре города по улице Костюшко, а та, что беднее — на улице Переца (ныне Суворова). Один из домов Колодных сохранился. Там висит Мемориальная доска, посвящённая Ричарду Капустинскому. Из семьи Колодных — известный израильский политик Моше Кол.

Проходим ещё метров двести. Эдуард Злобин обращает моё внимание на дом, стоящий в глубине лужайки. Сейчас это кожвендиспансер. Исторически здесь был центр еврейской общинной жизни: размещались Талмуд-Тора (учебное заведение для мальчиков из малоимущих семей), Дом старца, еврейская больница. Здесь же была и синагога.

Еврейская больница работала до 1939 года. Здесь могли лечиться не только евреи, но названа так, потому что содержалась на средства еврейской общины.

Мы подходим к парадному подъезду. Эдуард продолжает рассказ и обращает моё внимание на металлический козырёк над дверями.

Видите, на козырьке из металла в орнамент вписана дата и русские буквы «ПЕБ». Это год реконструкции больницы и аббревиатура
 Пинская еврейская больница. А с двух боков козырька — магиндовиды.

Сто лет назад в Пинске было 40 синагог. С той поры сохранилось пять зданий, в которых евреи молились: каменная синагога Перловых — действующая и поныне, каменная Конфедератская синагога и три деревянных, сейчас в них жилые дома...

Всего у нескольких пинских улиц в центре города сохранились их исторические названия. Первоначально власти также сохранили названия улиц Александровской и имени Ицхока-Лейбуша Переца — известного еврейского писателя. Но в 1956 году опомнились, и Александровскую улицу, названную в честь российского императора Александра, переименовали в Янки Купалы, а улице И.-Л. Переца дали имя Суворова, в связи с тем, что в «советском городе улица не может быть названа в честь еврейского реакционного националистического писателя». Формулировка была записана официальными инстанциями.

В послевоенные годы многое запрещалось. В Пинске работали два областных уполномо-

ченных по делам религий. Один занимался вопросами Русской православной церкви, другой — по культам (сюда входили католики, иудеи, баптисты и др.).

Официально последняя синагога в Пинске была закрыта в 1962 году. Но верующие попрежнему собирались в бывшей Китаевской синагоге на улице Коржа. Это здание снесли в конце 80-х годов.

Активистами были братья Бурдо, они прожили, наверное, до 100 лет, и еврей по фамилии Рубаха. Власти пытались как-то оказать давление на них, их детей. Но бесполезно.

Иногда пинские партийные и советские руководители принимали и вовсе анекдотичные решения. Например, горисполком запретил в рыбном магазине на Рыночной площади (в центре города) по четвергам продавать свежую рыбу, чтобы евреи к субботе (шабесу) её не могли приготовить.

Перейдя через железнодорожный мост, мимо складских помещений, идём к старому католическому кладбищу. Сегодня там более 400 еврейских захоронений. Как это произошло? Эдуард Злобин обстоятельно рассказывает историю почти сорокалетней давности.

— Когда в конце 60-х годов в Пинске закрыли последнее еврейское кладбище и запретили там хоронить, возник вопрос о старом католическом кладбище. Оно тоже должно было быть закрыто, а впоследствии и снесено. Здесь собирались строить стадион.

У нас очень любят строить на месте кладбищ стадионы. Я заметил это во многих городах. Даже появился чёрный юмор: почему на кладбищах лучше бегают: покойники жгут пятки.

Здесь произошло событие, о котором почти никто уже и не помнит в Пинске. Ксёндз предложил евреям хоронить своих собратьев по всем религиозным канонам на отдельном участке католического кладбища. Понятно, что ни ксёндз, ни евреи не могли сами распоряжаться участками на кладбище: оно находилось и находится в ведомстве жилищно-коммунального хозяйства. Но у кого-то во властных структурах были родственники, католики или евреи, у кого-то свояки, друзья. И они, понимая в чём дело, стали давать разрешения на новые захоронения. После того, как на католическом кладбище появились целые ряды еврейских

Эдуард Злобин на еврейском участке католического кладбища у мацевы Давида Лурье.

могил, а сносе уже не могло быть и речи. По закону, должно пройти 25 лет после последнего захоронения. Вот так католики помогли евреям, а евреи — католикам.

Однажды Эдуард Злобин с другом обнаружил на проезжей части Школьного переулка, на месте, где когда-то было старинное Карлинское кладбище, большую мацеву. Он позвал двух старых евреев, чтобы те прочитали, кто же под этой мацевой похоронен. Пришли Хаим Красинский и Марат Дурнопейко.

Хаим долго смотрел на мацеву, потом сказал:

- Я читать умею, но ничего не вижу.
- А Марат Дурнопейко тут же добавил:
- А я всё вижу, но читать не могу.

Эдуард всё же нашёл человека, который и видел, и читал. Он узнал, что мацева первоначально стояла на могиле Давида Лурье. Это у его сына — Григория Лурье жил в своё время Хаим Вейцман.

Конечно же, любую мацеву надо убрать с проезжей части, найти ей достойное место. А уж тем более мацеву Давида Лурье. И решили

перенести её на еврейский участок католического кладбища.

Сегодня Карлин — один из районов Пинска, и только краеведы или историки могут показать границу между когда-то отдельными и даже соперничающими городами.

Основным промыслом карлинцев в середине XIX века была продажа соли. Карлинцы держали монополию на этот важнейший продукт. Российское государство, конечно же, не хотело зависеть от евреев и решило забрать всю соль «под себя». Карлинские купцы покупали соль на Украине, где её добывали, и продавали затем по всему Северо-Западному краю. Но основные запасы оседали на карлинских складах. Недаром польский писатель и публицист Юзеф Крашевский называет Пинск «полесским Ливерпулем», а про сам город говорит, что это «жид, сидящий на мешке соли». В Пинске находилось много кораблей торгового флота, и порт был очень бойким местом.

Государство в противовес пинским купцам создаёт Юго-Западное акционерное общество, куда вошли даже представители императорской фамилии. Им выделили большие деньги под закупку украинской соли. И акционеры были уверены, что легко займут ведущее место на этом рынке.

Но карлинцы придумали ответный ход. Еврей, по уставу, не мог войти в состав акционерного общества. Но карлинские купцы договорились, чтобы туда вошёл поляк Войцех Бусловский. Ему даже подарили пароход за это. В 1852 году Бусловский стал акционером. Карлинцы снабдили его деньгами, и он купил на них соль. Якобы для этого общества. Она была завезена на те же карлинские склады и не попала в продажу. Акционерное общество разорилось и рухнуло. Карлинцы подержали год соль на складах, потом выбросили её на рынок и снова стали контролировать цены...

В Карлине жили разные евреи: и наследники большого богатства, состоятельные люди, и обладатели драных сюртуков. Но всё же первых было больше. Карлин всегда считался богатым местом.

Когда Советская власть в 1939 году пришла в Пинск, репрессиям и выселению в Казахстан, на Алтай, в Архангельскую область подверглись те, кого новая власть посчитала врагами: и хри-

 $\mathfrak{F}_{\mathbf{Z}_{\mathbf{Z}_{\mathbf{O}17}}}$

Дома, которые принадлежали дедушке Голды Меир.

стиане, и евреи. Евреев было выслано 970 человек. Вывозили в вагонах за четыре раза. Парадоксально, что, выслав этих людей «к чёрту на кулички», Советская власть тем самым спасла их от Холокоста.

Карлин мог бы стать еврейским музеем мирового значения под открытым небом. И туристы приносили бы денег не меньше, чем соль в своё время.

Жаль, что не все понимали и понимают это. Иначе бы не сносили здесь постройки, которые создавали исторический фон города. Они были ещё вполне пригодны для использования их в разумных целях.

В 1980-е годы два квартала Карлина было снесено, строили мясо-молочный техникум, потом пришла очередь гидромелиоративного техникума. Уже в новое время снесли пятнадцать карлинских вполне крепких домов — под студенческий городок.

Карлинская синагога. Ныне синагога Пинска. Вид со двора.

Это хорошо, что в Пинске думают о подрастающем поколении. Но неужели в городе не нашлось бы другого места для студентов?

...В двух домах по нынешней улице Советской жил дедушка премьер-министра Израиля Голды Меир, и она сама не раз приезжала сюда.

Напротив его дома стояла синагога карлинских цадиков. Они жили то в Пинске, то в Столине. В Столине был деревянный дворец и чаще, особенно в конце XVIII— начале XIX века, цадики находились там. Ежегодно семья Карлинеров (так называли цадиков)

переезжала с места на место. Это было потрясающее зрелище. У них была дорогая золочёная карета, и большая живописная процессия двигалась по местечковым дорогам.

Настоящей эпопеей становился сам процесс выбора основного места жительства цадика: Пинск или Столин.

В конце XIX века несколько пожаров обрушилось на Карлин. В 80-е годы сгорела большая деревянная синагога, потом в 90-е — старое здание синагоги Перловых.

Теперешнее здание синагоги в Карлине построили после пожара в конце 90-х годов XIX века или в самом начале XX века. Она действовала до оккупации Пинска фашистами. После войны здесь был обычный жилой дом.

Когда в начале 90-х годов теперь уже прошлого XX века начала возрождаться община, евреи попросили вернуть им здание бывшей синагоги.

Но городские власти поначалу были против. К счастью, в Пинске в Бюро технической инвентаризации сохранился архив и старые польские планшеты — планы города, причём довольно подробные. Весь довоенный Пинск был разделён на участки, нанесены дома с фамилиями их владельцев.

Когда Эдуард Злобин вместе с историком Маргаритой Марголиной (сейчас она живёт в Иерусалиме работает в Мемориальном комплексе

Дом, в котором находилась карлинская миква.

Яд-Вашем), обнаружили эти планшеты, было документально подтверждено, что здание принадлежало еврейской общине. К тому времени здесь жили четыре семьи. Три выехали быстро. Противилась только одна... еврейская. Её не устраивало новое жильё. В конце концов, и они освободили здание. Оно было отремонтировано, хотя процесс был долгим. Всё делали согласно старым чертежам, только крышу упростили.

— Недалеко от синагоги Перловых, — продолжает рассказ Эдуард Злобин, — располагалась площадь Трёх карлинских синагог. Стояла двухэтажная деревянная Большая карлинская синагога, рядом — Конфедератская и синагога при женском ремесленном училище. Сохранилось до наших дней кирпичное здание Конфедератской синагоги и карлинская миква, правда, сейчас это жилой дом, и он перестроен.

Мы подошли к территории старого Карлинского кладбища. Его снесли уже после войны. Здесь школьный двор, зелёный газон, беседки. В этом районе были похоронены основатель Карлинской династии цадиков Аарон бен Яков Великий (Карлинер) и его сын Ошер. Неподалёку от этого места под асфальтом дороги — могила отца первого президента Израиля Хаима Вейцмана.

Ушедшего не вернёшь, и прошлого не восстановишь, но хотя бы знак на этом месте поставили, табличку сделали. А то ведь асфальтом легко закатать всю память, а потом удивляться: оттуда появились люди ничего не знающие, ничем не интересующиеся.

Этот день вместе с Эдуардом Злобиным мы заканчивали в квартире Романа Цыперштейна. В это же время к нему приехали два молодых парня из пинской ешивы. Я понял, что они не впервые здесь...

На этом месте было Карлинское кладбище.

Роман — необычный человек. Идишкайт живёт в нём, но с еврейской общиной взаимопонимание не находится... Не мне судить о причинах этого. С большой чёрной бородой, постоянно в кепке, Роман читал стихи на идише.

Порой мне казалось, что я попал в старый Пинск. Но хозяин квартиры подходил к компьютеру, включал еврейские мелодии, и всё возвращалось в реальное время...

Что ещё добавить о еврейском Пинске? С удивлением увидел в магазине «Евроопт» еврейскую молодую пару в традиционной одежде. Он в чёрном сюртуке, шляпе, с пейсами. Она — в длинной юбке, чёрном полупальто, с платком на голове. Никто из посетителей магазина не удивлялся. Наверное, это привычная картина. В Пинске работают еврейская школа, ешива.

Вспоминаю перекрёсток «двух евреев». Улицу, названную в честь Якова Давидовича Мошковского — советского лётчика и парашютиста, одного из пионеров парашютного спорта в СССР пересекает улица, названная в честь Шаи Иосифовича Берковича — Героя Советского Союза, одного из руководителей комсомольско-молодёжного подполья и партизанского движения на территории Пинской области в годы войны.

Таким городом, как Пинск, нужно гордиться. Теперь я понимаю, почему пинчуки, где бы они ни жили, при знакомстве первым делом загибают мизинец и сообщают: «Во-первых, я из Пинска».

Говорят, в городе хотят поставить памятник жителю Пинска – человеку с загнутым мизинцем.

Аркадий ШУЛЬМАН, фото автора 3 **Z**2017

В Интернете, просматривая информацию об Оршанском гетто, я обнаружил следующие данные: «"В сентябре 1941 г. айнзатцкоманда 8 уничтожила примерно 800 евреев, разделённых на две группы и не входивших в число узников гетто. Убийство проводилось в лесу у деревни Понизовье и в карьере около улицы Советской возле здания современной ДЮСШ».

76 лет после расстрела. Вопросов больше чем ответов.

В 1997 г. о трагических событиях я слышал рассказ от жительницы Орши Тимошенко (в дев. Яцыно) Галины Брониславовны (1936—2016): «Это было осенью 1941 года. Рано утром, где-то в 4-5 часов, по нашей улице прошли полицаи и, стуча в двери домов (частный сектор), предупредили жильцов о том, чтобы они завесили плотно окна и не открывали двери. Иначе будут стрелять.

Мать Мария Афанасьевна, 1896 г.р., разбудила нас, детей, и очень беспокоилась, так как практически у каждого дома стояли немцы и полицейские. Стали думать о самом плохом... Я со старшим братом Адамом, которому было 14 лет, залезли через коридор на чердак и стали смотреть через щель в досках вниз в карьер. Там ещё с вечера была выкопана военнопленными квадратная глубокая яма.

Вскоре по склону к яме стала спускаться колонна евреев, человек двести. Хорошо помню, что среди них были старики и дети. Без верхней одежды все обречённые были построены вокруг ямы буквой «П». К ним подошёл немец-

кий офицер и долго о чём-то говорил. После того, как он отошёл, автоматчики стали стрелять по людям... Могилу засыпали военнопленные. После этого немецкая машина привезла несколько квасных бочек с фекалиями из городских туалетов и залила «дышащую» землю. Сутки возле могилы стояли охранники.

После войны в карьере начались строительные работы. Кости людей грузили в ящики и куда-то вывозили...»

Я исследовал район, о котором говорила Галина Тимошенко (Яцыно).

Предположительно, семья Яцыно в 1941 г. жила на улице Лермонтова или в переулке Пограничном. Теперь на месте казни построены гаражи. Меня за-интересовало, что до рассказа Галины Брониславовны я не слышал от старожилов города о расстреле евреев в данном месте. Знакомые евреи всегда говорили, что их родственники были расстреляны на еврейском кладбище или отравлены заражённой водой на станции Орша-Западная. Где похоронены отравленные люди, я до сих пор не знаю.

Являлись ли расстрелянные люди в карьере возле ул. Советской жителями Орши или это были жители других мест? Может, о данном трагическом факте есть более подробная информация?

Руслан СЕРЕДА, г. Орша

Иосиф Чайкин родился 1 августа 1872 г. и умер в 1950 г. Дочь считает, что он родился в Витебске. Родителями Иосифа были Ейчел (Евель) и Рэйчел (Рахиль) Чайкины. У Иосифа были жена и двое детей, которых он оставил в Беларуси, когда эмигрировал в Англию.

Какая судьба первой семьи Иосифа Чайкина? К сожалению, не знаем имена жены и детей. Ищём Чайкиных, которые, возможно, являются родственниками Иосифа и владеют какой-либо информацией.

> Адрес в редакции журнала mishpoha@yandex.ru

В Бобруйском районе поисковый батальон нашёл останки, личные вещи, медальон солдата Левина Якова Давидовича, рядового. До войны Левин Я.Д. жил в Минске: улица Советская, 124, комната 4. Надеемся, что найдутся родственники погибшего солдата.

Denis ZLOBIN 8(0225)75-01-07 (Бобруйск, военкомат); shulhanaruh@gmail.com

Наш дедушка Орловский Антон Антонович (1909 г.р.) со своей супругой Орловской Марией (1915 г.р.) и двумя детьми – сыном Леонидом и дочкой Галей проживали в Гродненской области в деревне Запольники, где в дальнейшем и происходили все события нашей истории.

ПРАВЕДНИКИ

Наша бабушка была в положении, ждала третьего ребёнка.

Как рассказывал нам дед, приходили евреи в деревню, прятались в лесу и кто был человечный из местных жителей оказывал им помощь, чем мог. Но люди боялись друг друга, облавы шли постоянно и все жили в постоянном страхе.

Но, не смотря на это, дед взял еврейскую семью с двумя детьми к себе в дом. Они тоже ждали рождение третьего ребёнка.

Их старшего мальчика звали Борис (он где-то 1930—1933 г.р.). Дружил с нашей мамой Алюней, как её звали домашние. Второго брата в еврейской семье, по-моему, звали Михаил.

Дед не мог отвернуться от этих людей так как у женщины приближалось время родов.

Между семьями даже была договоренность: если что-то случится, наша бабушка будет кормить их новорождённого.

Однажды на деда поступил донос, что он прячет у себя евреев, и им ночью пришлось бежать и прятаться в лесу... А деда увезли. Он потом рассказывал, что стоял у той ямы, куда сбрасывали ни в чём не повинных людей только за то, что они были еврейской национальности... Но в последний момент его спросили: действительно ли он работал плотником. Надо было в г. Островце заколачивать окна. Его потом и отправили выполнять эту работу, так как зима была очень суровой.

Как потом выяснилось, донёс на деда его двоюродный брат, который жил рядом. Наша семья не смогла ему этого простить, и пришлось оттуда переехать... Пока не было деда, бабуля, чем могла, помогала еврейской семье.

В нашей семье родился мальчик, а в еврейской семье - в лесу в апреле-мае 1944 года родилась девочка, которую назвали Малкой!

Мы пережили страшные дни, но обе наши семьи остались живы.

Уезжали евреи из нашего дома и получали мы от них письма уже из Аме-

> рики. Так рассказывал нам дедушка, но такую переписку с заграницей по тем временам нельзя было продолжать. Письма приходили где-то до 1950 года, а потом наша семья переехала жить в Вильнюс.

> Уже прошло столько лет. но живёт с нами эта история, и совсем по-другому она воспринимается сейчас.

> Жизнь деда складывалась трудно. В последние годы жизни он ослеп и не мог видеть своих внуков.

Дед не любил рассказы-

вать о войне (он воевал, был на фронте). Зато историю спасения еврейской семьи с гордостью нам пересказывал и всегда говорил, что у него есть близкие люди в Америке, с

которыми нельзя общаться.

Нет уже наших родных... Они уходят тихо, незаметно, но память должна жить и передаваться нашим детям и внукам. И мы так же уверены, что дети, внуки девочки Малки, которая родилась в лесу, около маленькой деревни Запольники, должны знать о Родине своих предков и о том, что им пришлось пережить.

Может быть они отзовутся на наше письмо? Хотелось бы знать, как сложилась их жизнь.

Орловский Антон Антонович и Орловская Мария.

Валентина ЯКУНИНА

37**2017**

История одной фотографии

Эта фотография была сделана в августе 1958 года, в день открытия памятника евреям Бешенковичей, погибшим в годы Холокоста. Памятник был открыт на правом берегу реки Западной Двины в лесу севернее посёлка Стрелка.

В этот день здесь собрались жители Бешенковичей, приехали земляки из других городов - те, кто чудом уцелел в годы войны, их дети, внуки. Состоялся траурный митинг, люди делились трагическими воспоминания, обещали помнить своих родных, довоенных соседей, плакали...

А потом сфотографировались у памятника...

В день 75-летия расстрела евреев Бешенковичей инициативная группа, занимающаяся еврейской историей городского посёлка - наведением порядка на старинном кладбище, проведением выставок,

семинаров - провела траурные мероприятия, посвящённые этой дате. В Бешенковичскую гимназиюинтернат пришли старожилы, в актовом зале были учителя, школьники. Потом у памятника выступали представители районной власти, краеведы рассказывали о событиях февраля 1942 года, к памятнику возложили цветы, камушки по еврейскому обычаю.

И, конечно же, в этот день вспомнили и о старой фотографии. Берестень Валентина Владимировна, Михайловская Людмила Петровна и Дашкевич Нина Фомична, которые застали ещё довоенные Бешенковичи и хорошо помнят первые послевоенные годы, сумели назвать имена и фамилии большинства из тех, кто присутствовал на открытии памятника. Фотография перестала быть безымянной.

1-й ряд (слева направо): 1-я — Гликман Соня, 7-й — Юдовин, 8-9-е — Каган Роза с мужем, 14-15-е — врач Эбер Любовь Михайловна с сыном, 16-я — Фира Герасимовна, 17-й — учитель Домнич.

> 2-й ряд (слева направо): 1-й Сушин, 3-й -Бабин, 5-6-й — Гликман с дочкой Инной, 7-й — Янкель, 8-й — Юдовин, 11-й — Берлин Пётр (делал памятник), 13-й — Мицингендлер Лазарь Моисеевич, 14-й — муж Этингоф.

3-й ряд (слева направо): 4-я — Бидман Маша, 5-я - Сара Соломоновна Левина, 6-7-я — Сушина Геня с дочкой, 10-й — Мулерман (стекольщик).

4-й ряд — (слева) Фишельман.

Если кто-то из наших читателей вспомнит имена и фамилии других людей на фотографии, просьба сообщить об этом.

Александр ШКОЛЬНЫЙ

the same of the

На одном из памятников на еврейском кладбище в Орше надпись: «Погибшим 5 июня 1942 года в селе Обольцы Толочинского района от рук немецко-фашистских убийц.

Анна Семёновна — Г.К.).

Белкин М.Я. (Белкин Мендель пись? Как они погибли? Яковлевич, 1890 г.р., а также Цейта Менделевна Белкина, дочь, эти вопросы, отзовитесь. 1915 г.р. — Г.К.)

Гимолевич А.М.

Гимолевич Х.Б.

Гуревич Гинделя, 1870 г.р. — Г.К.)

Коган Е.О.

Левина И.А.

Свистунова М.И. Шофман О.М.

Шофман М.Г.

Их семьи и многие другие.

От детей и родственников».

Хочу узнать, кто и когда поста-Аврутина с детьми (Аврутина вил памятник. Кто были эти люди, в память о которых сделана над-

Если кто-то может ответить на

Об остальных евреях, расстрелянных в Обольцах, мне известно очень мало. Втот день, 5.6.1942 г. В Гуревич Г.Л. (Вношу уточнение: том в местечке также погибла семья Амбург — Злата Зина, Борис Самуилович (сын Златы), Израиль Самуилович и Залман Зяма Самуилович.

Просьба, у кого есть неизвестные мне данные, сообщить.

ГАЙВОРОНСКИЙ К. И. gkirill@hotmail.com

Mama-rowh

В самом центре Москвы на Мясницкой (название улица Кирова так и не прижилось), прямо напротив Главпочтамта, в огромном доме на первом этаже размещалась редакция единственного еврейского журнала. Название на табличке у входа было написано по-русски: «Советиш Геймланд» — Советская Родина!

ДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КОРОТКИХ СТИХОВ

За тяжеленной дверью с тёмным прохладным тамбуром в большой приёмной, оттороженной от улицы огромными окнами с толстенными, вечно запылёнными снаружи, витринными стёклами, казалось, был совсем другой мир. Что больше всего поразило меня — это шкаф, стоящий у окна, в котором красовался полный энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, но, главное, точно в таких же корочках и с таким же золотым тиснением Полная Еврейская Энциклопедия! И её можно было вынуть и читать!

Первый раз я пришёл сюда по рекомендации поэта Матвея Грубияна и композитора Зиновия Компанейца, устные рассказы которого воистину — летопись России, начиная с десятых годов двадцатого века, когда он сам, ещё совсем мальчик (шести лет), был принят в Петербургскую консерваторию её ректором, замечательным композитором и педагогом Александром Константиновичем Глазуновым, а потом учился уже юношей в Московской консерватории у Рейнгольда Морицевича Глиэра и был знаком с гением двадцатого столетия Сергеем Сергеевичем Прокофьевым.

Много замечательных песен написал Зиновий Компанеец, но чтобы подтвердить это, достаточно напомнить одну, которая звучала ежедневно в течение многих десятилетий по утрам по первой программе Всесоюзного радио перед «Пионерской зорькой», когда начинался обязательный для всего Советского Союза «Урок утренней гимнастики» — правительство радело о здоровье народа. И все поколения детей и взрослых слышали: «На зарядку, на зарядку, /

На зарядку, на зарядку становись»! В памяти сразу возникает любимая знакомая мелодия...

Мы с Зиновием Компанейцем написали немало популярных детских песен, и он как-то обратился ко мне от имени журнала с просьбой сделать очерк о нём и его творчестве. Я возразил Зиновию Львовичу, что рад бы, но... только читаю и говорю на идиш, а писать не могу... Он легко опроверг меня: «Они сами переведут»!

Так я попал в редакцию, где всем заправлял заместитель главного редактора Хаим Бейдер

— его все так и звали по фамилии: Бейдер! Он знал всё — что пойдёт, что не пойдёт, а что — в следующий номер... Кто сегодня где? Как попасть к главному редактору?

Он и повёл меня в кабинет «главного» — поэта Арона Вергелиса, по отечески подтолкнув в спину и пропуская вперёд... С порога без паузы он стал представлять меня, говоря на идише, но вскоре Вергелис прервалего, конечно, тоже на еврейском: «Аза вейлер ят! — обратился он к Бейдеру. — Неудобно, он же ничего не понимает!». — И я, страшно смущаясь, тут же запротестовал: «Их форштей алц! Их форштей...»

Вергелис вскочил из кресла, всплеснул руками, снова уселся и стал расспрашивать, как это так получилось, что я такой молодой и понимаю... Это было для него, может быть, чем-то знаковым: ведь он издавал журнал на идише, и ему всё время задавали каверзный вопрос: «Для кого? Ведь нет же читателя! Нет молодёжи с языком! Нет будущего». А тут!...

Я написал очерк и стал сотрудничать с журналом, но, конечно, мечтал о большем: мне очень хотелось, чтобы в еврейском журнале напечатали мои стихи. Да кто их переведёт?.. И ещё я понимал, что для поэтов, пишущих на идише, это единственная в стране возможность опубликовать в периодике свои произведения. Получалось поэтому, что я, вроде бы, претендую на их место... Мне было очень неловко, но...

- Знаешь что? сказал мне как-то Бейдер.Сходи к Аврому!
  - К Аврому? переспросил я.
- Да. К Гонтарю. Он теперь возглавляет отдел поэзии вместо Мойше Тейфа, — мне стало не по себе. Я даже не знал, что нет уже Мойше Тейфа... Редко, значит, бывал в редакции. Бейдер,

₿**7**2017

видя, что я загрустил, не понял, отчего, решил, потому что не знаком с Авромом Гонтарём, и повёл меня к нему сам.

Гонтарь был в галстуке, белоснежной рубашке, с изумительно красивой головой и такими еврейскими глазами!.. Из короткого разговора я понял, что дело со стихами «швах»... «Оставьте, конечно»,.. – грустно произнёс зав. отделом и замолчал. Я уже собрался уходить, но он не отпускал меня, стал расспрашивать, кто, откуда, где печатался... И когда узнал, что у меня вышло уже несколько сборников стихов для детей и даже в неприступном «Детгизе», вдруг выудил из-под груд скользящих бумаг на столе листочки с еврейской вязью и начал читать свои изумительные стихи! А когда понял, что мне не нужен подстрочник,

просто загорелся: «Сможете перевести»? Ну как я мог усомниться в своих способностях в такой ситуации?!

– Конечно, да! Смогу!

Я схватил его стихи и помчался к своей маме, Басе Моисеевне Голуш, человеку необычайно талантливому и высокообразованному, с несколькими европейскими языками, одной из первых кандидатов биологических наук в Советском Союзе, учившейся в аспирантуре у знаменитого академика Алексея Николаевича Баха. Но первым её, родным языком был идиш, на котором она воспитывалась и говорила в захолустном еврейском местечке Клецке в Беларуси до того, как стала учиться в столичном университете. Это она открыла мне аромат и прелесть идиш, это она читала мне в подлиннике Изи Харика и Льва Квитко и пела своим изумительным голосом старые еврейские народные песни...

Мама воистину мой соавтор в этой работе над переводами! Мы читали с ней вместе вслух стихи Гонтаря, а потом вперемешку: она строфу на идише — я перевод, она строфу на идише — я перевод... И обсуждали, обсуждали все тонкости и тысячу раз подправляли перед тем, как мне идти к Гонтарю с готовым материалом...

В редакции, как мне показалось, — все поэты! Мы обсуждали переводы вместе, и тут уж не жди пощады: не понравится — разнесут на клочки, живого места не оставят... Но я был уверен, что это все свои, и перед «чужими» — твоя верная и праведная защита... Читал Гонтарь,

Гонтарю. Но это было полдела, и он пожелал мне удачи в сражении на журнально-из-дательском поле...

читал, конечно, Бейдер, и, разумеется, я читал и внутренне трясся от страха и ещё, на самом деле, потаённого, нетерпеливого ожидания одобрения своей работы...

А переводы... Переводы действительно понравились Аврому

Начал я с «Детгиза», автором которого уже состоял! Что для меня самого и окружающих казалось невероятным, но там первая моя книжка вышла в 1968 году, а потом были и другие...

Однако этим стихам не повезло: предлогов не печатать их нашлось много. Даже такой, что, может быть, лучше издать свои оригинальные стихи, зачем переводы... Но ещё больше было трусости и вранья, отведённых взглядов и уверений, что качество переводов и, конечно, стихов тут ни при чём.

Были попытки на радио, в других издательствах, «Мурзилке»... — это были попытки в Советской России, в которой слово еврей оказалось если не ругательным, то зазорным, позорным и горьким на вкус.

Я прекратил хождения — не выдержал. Отступил. Не одолел стену...

Не стало замечательного поэта Аврома Гонтаря... А стихи остались, и они не портятся от времени... Если настоящие...

Вот и всё.

А дальше - стихи.

Михаил САДОВСКИЙ

О ЧЁМ ПЕЛ ПЕТУХ

Авром ГОНТАРЬ

Перевод с идиша Михаила Садовского

МИР ЗЕЛЁНЫЙ, ЗЕЛЁНЫЙ

Как только солнце припекло И почкам сделалось тепло, Одна язык вдруг показала, Оглядываться стала:

Как холодно мне было,

Я не забыла,

Но солнце свет пролило – Зелёный фартук я надела снова,

К весне готова. А на деревьях почки

Это услыхали,

Все, как одна, и днём и ночью

Тоже стали

Причёсываться, умываться, К весне принаряжаться – И лес мы не узнали! Все красавицы берёзки Повесили серёжки На каждой ветке По дюжине.

Галстуки зелёные Надели клёны, А дубы развесили Флажки зелёные.

А дрожащая осина Кружева вязать решила,

И уже зазеленели И луга, и лес, и поле. Целый мир вокруг

В зелёном.

Мир зелёный, зелёный...

Петух-задавака

С красивыми шпорами, Свой голос до хрипа Испортил он спорами. Взлетел на плетень Оскорблённый певец:

— Довольно!

Довольно!

Молчанью конец! Он вытянул шею И хвост распушил, Он крыльями лупит,

Глаза закатил.

И все всполошились, Казалось, вот-вот, Как раньше бывало, Опять запоёт.

Надулся петух,

Как сержант, на плетне,

И куры, кудахча, Прижались к земле. Корова в хлеву:

– Что за шум, не пойму!?

И ну голосить
Своё вечное «Му!»
Летит по округе
Испуганный вздох,
С чего бы отчаяный

Переполох.

Подпрыгнул петух – Гребешок на боку И выдавил хриплое

«Ку-ка-ре-ку!» Слетел он на землю –

Неважно пропел! И гребень его Со стыда покраснел.

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Спешит тропинка
В лес вбежать скорей,
Укрыться хочет там:
Она дождя боится,
А туча, что грозит пролиться,
Темней, темней.
Бежит за тропкой пёс,
Спросить он что-то хочет,
Но нет, не ждёт тропиночка,

Бежит, бежит, бежит. Сердится за это пёс, Громко он кричит: Гав, гав, гав! Зачем бежишь? Зачем спешишь? Где укрыться, почему Мне не говоришь? Не слушает тропиночка И мчится в лес скорей, Пока нависший ливень Не пролился над ней! B 72017

Жизнь этой семьи рисует картину белорусского еврейства за последние сто лет, когда мир сотрясали революции, войны, репрессии, массовые отъезды, когда мирное строительство называлось так только для «красного» словца.

Родоначальниками семьи были Берл и Малка Бейненсоны – уроженцы еврейского местечка Узда Минской области. Сейчас там не осталось ни одного еврея.

БЕЙНЕНСОНЫ: СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Жизнь и судьба Берла и Малки

В Советском энциклопедическом словаре (1989) о «Беломорканале» сказано кратко: «Этот канал соединяет Белое море (у г. Беломорск) с Онежским озером (у посёлка Повенец). Длина его 227 км, имеет 19 шлюзов. Открыт в 1933 году».

Всего несколько строк. Ни слова о чудовищных жертвах, о тысячах погибших, умерших от голода и непосильного, в основном ручного тру-

да. Советские идеологи называли этих мучеников «заключёнными-каналоармейцами» (ЗК). Эта аббревиатура вскоре стала применяться ко всем миллионам узников сталинского ГУЛАГа.

Канал строился в рекордно короткий срок. Это была одна из первых в СССР полностью лагерных строек. Здесь трудились почти тысяча специалистов и более 120 тысяч рабочих, которые часто менялись. На место погибших присылали новые жертвы.

Берл и Малка Бейненсоны были одними из таких 3K.

Началось всё с невинного разговора в артели стекольщиков, где трудились супруги Бейненсоны. Речь зашла о несправедливой оплате труда. Естественно, искали виновного, и Берл внезапно произнёс роковую фразу: «А клог фун ди вонцн» (Беда от усов—идиш). Он имел в виду своего неради-

вого напарника, обладателя пышных усов. Тот промолчал, а вскоре ушёл из артели. А за Берлом и Малкой пришли работники НКВД. Их судили, обвинили в попытке покушения на Сталина (?!) и отправили на строительство Беломорканала.

Невольно вспоминается строка из стихотворения Осипа Мандельштама: «...тараканьи смеются усища...» За эти строки, написанные в 1933 году, поэт попал в немилость к тирану и погиб в 1938 году.

Напарник, написавший донос на Берла, знал, что его клевету «правильно» оценят в НКВД.

Бейненсонов арестовали в 1932 году. Четверо их детей остались без родителей. Айзику шёл 21 год, Риве было 18 лет, Броне — 12 и Саре — 9. Броню и Сару отправили в детский дом.

Берл умер в 1933-м, а Малка решила добиться освобождения и встретиться с детьми. Броня и Сара написали письмо Н.К. Крупской, которая была членом ЦК ВКП/б. К счастью, письмо дошло до адресата, и Малка в 1936 году вернулась к детям и внукам.

Айзик Бейненсон был первенцем в семье Малки и Берла. Как и родители, выбрал профессию стекольщика. Его семья жила в Минске. В начале войны жена Анна с двумя детьми погибли в гетто. Айзик в это время был на фронте. Прошёл войну с первого дня и до Победы, которую встретил в Берлине. Отважный танкист имел не-

Малка, Берл и Рива Бейненсоны, 1926 г.

Бейненсон Айзик. Минск, 1946 г.

сколько боевых наград. После войны работал на стройках, женился. Последние годы жизни провёл в Израиле. Умер в кругу самых близких ему людей: дочери Клары, внучки Жанны и правнучки Оксаны. Покоится Айзик в Хайфе.

Старший сын Айзика Иосиф живёт в Минске. До ухода на пенсию работал заместителем генерального директора по строительству Минского тонкосуконного комбината.

За годы, которые Малка провела на каторге, её семья увеличилась. Рива в 1933 году вышла замуж за Рувима Штейнмана. В 1936-м у них родился сын Исаак, а в 1939-м — дочь Белла. Супруги работали в БелГосете (еврейском театре Минска). Он — художником, она — артисткой.

За год до начала Великой Отечественной Саре Бейненсон шёл 18-й год. Она училась в Минской юридической школе и одновременно работала секретарём в народном суде. Познакомилась с Моисеем Фарберовым. Он окончил еврейскую начальную школу, затем — рабфак (рабочий факультет). В 1919 — 1940 годах для подготовки в вузы молодёжи, не имевшей среднего образования, при высших учебных заведениях были созданы рабфаки.

Моисей поступил в Витебский педагогический институт на физико-математический факультет, по окончании которого был призван в Красную Армию педагогом. Дело в том, что значительная часть красноармейцев была в то вре-

мя малограмотной и их необходимо было учить азам грамматики, математики и другим общеобразовательным предметам. Моисей оказался талантливым учителем. Это особенно проявилось в послевоенные годы в школе. Его считали одним из лучших преподавателей математики Минска.

Вскоре Моисей предложил Саре руку и сердце. Так в 1940 году была создана семья Фарберовых.

Война

Вскоре в жизнь молодых семей ворвалась война. 24 июня Моисей пришёл из части, забрал Сару, чтобы отправить эшелоном вместе с семьями офицеров в эвакуацию на восток. Она была на девятом месяце беременности.

Бабушка Малка не могла уехать с Сарой, так как ждала Риву с детьми, которые были в летнем лагере.

Бейненсон Сара, 1939 г.

Поезд, в котором ехала Сара, часто останавливался из-за бомбёжек. Люди выскакивали из товарных вагонов, разбегались, а по сигналу «по вагонам» возвращались. Сара из вагона выпрыгнуть не могла и терпеливо ждала своей участи. В дороге её растрясло, начались преж девременные роды. Сару высадили в Пензе 24 июля. Роды оказались тяжёлыми. Ребёнка доставали щипцами, в результате он получил травму, из-за которой потерял зрение.

Сару с новорождённым младенцем выписали из роддома, дали пару пелёнок и одеяльце.

372017

...Она сидела на вокзале и плакала. К ней подошла старушка и спросила: «Девочка, чей у тебя ребёнок?». Узнав её историю, забрала Сару с малышом к себе. Всю жизнь она вспоминала эту русскую женщину, которая в трудную минуту окружила её заботой.

Сара каждый день ходила на вокзал встречать воинские эшелоны, которые проходили через Пензу. Однажды на перроне увидела лейтенанта, с которым до войны служил её муж. Тот дал ей номер воинской части Моисея. Это был «Его величество случай», благодаря которому Сара сумела разыскать мужа в самые тяжёлые дни войны. Моисей написал, что недалеко от них в г. Чапаевске живёт в эвакуации его старшая сестра Рая Фарберова, и посоветовал переехать к ней.

Рая — жена офицера-пограничника бежала с двумя маленькими детьми из Белостока. Её муж Иван Брусиненко погиб в первые дни войны.

Сара с Раей и тремя детьми поселились в деревне Свищёвка возле Чапаевска. Здесь её разыскала родная сестра Броня, работавшая до войны в ЦК комсомола БССР. Броня приехала в Свищевку и вместе с Сарой пошла работать на военный завод.

Однажды зимой 1942 года разыгралась сильная метель. Местные в такую погоду не выходили на улицу. Но Сара и Броня боялись пропустить работу, ибо знали, что по законам военного времени это грозило тюрьмой. Идти надо было несколько километров степью, занесённой снегом. Метель усилилась, и сестры

Бейненсон Броня. Минск, 1940 г.

попали в глубокий овраг. Обмороженных, без сознания, их нашли на следующий день. Сару сумели спасти, а Броня погибла. Это был страшный удар. Жить стало невмоготу, а ведь на руках больной ребёнок. И Сара решила поехать в Москву, где служил Моисей.

Приехала в столицу в феврале 1943 года, но мужа не застала. Он был в командировке. Дивизия НКВД, в которой он служил, с боями отступала из Белоруссии до Москвы, участвовала в обороне города и осталась на его охране.

В части, куда пришла Сара, ей объявили, что Москва закрытый город и она не имеет права здесь оставаться. Но в штабе служили офицеры, знакомые по Минску. Они проявили участие к её судьбе: помнили, что по образованию Сара юрист. В результате, к возвращению мужа, она поступила на службу в армии на должность делопроизводителя особого отдела в звании старшины.

Сара была умной, трудолюбивой и терпеливой женщиной. Наверное, поэтому ей везло на встречи с хорошими людьми. Она сняла комнату в подвале у славной старушки, которая жила с внуком на 2-й Мещанской улице. Хозяйка полюбила Сару и маленького Борю как своих детей. Сара приносила продукты и дрова, а старушка ухаживала за малышами.

Рассказывает Евгений Фарберов

В начале 1945 г. дивизию перевели в Минск очищать Белоруссию и Прибалтику от оставшихся гитлеровцев, полицаев и «лесных братьев».

Родители и брат Боря вернулись в разрушенный Минск. Никого из близких не застали.

В 1952 г. отца демобилизовали в звании капитана. Ему не хватило полгода выслуги для получения военной пенсии. Это было время, когда усилилась кампания государственного антисемитизма.

Моисей заочно получил второе высшее образование, закончил БГУ по специальности «история». Он подал документы в аспирантуру, хотя с его «пятым пунктом» не было никаких шансов попасть туда.

В результате отец вернулся к своей первой специальности и пошёл учителем математики в школу. Это был удачный выбор. Моисей Самсонович стал одним из ведущих преподавателей математики в Минске. Он отличник

просвещения БССР. Был членом республиканской олимпиадной комиссии, завучем 1-й, затем 24-й минских средних школ. Среди его учеников много крупных учёных: академик, доктора и кандидаты наук.

Несколько лет назад меня разыскали в Минске академик из Санкт-Петербурга Абрамович Борис и другие выпускники 1956 года — ученики моего отца. Мне приятно было слушать их воспоминания. Я тоже рассказал им, что в 1961 — 1963 годах учился у отца. В те годы на республиканской олимпиаде выступало шесть человек, из

них — трое ученики Моисея Самсоновича, в том числе и я.

Отец имел боевые награды: орден Отечественной войны 2-й степени и медали «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За оборону Москвы». Он скончался в Минске в 1984 году. Было ему 67 лет.

В 1946 году Сара демобилизовалась из армии. В сентябре того же года родился я. Её сестра Рива помогала смотреть за детьми. Обе семьи жили тогда вместе. В начале 1947 года мама вышла на работу по своей специальности — юристом.

Фарберов Моисей (Минск, 1970-е гг.)

Фарберов Борис Минск, 1946 г.

Несмотря на сложное для евреев время, она сумела достойно проработать больше 40 лет на одном месте в Министерстве лесной и деревообрабатывающей промышленности БССР.

После смерти мужа, а затем неожиданной смерти старшего сына в 1991 году, она старалась заполнить свою жизнь общественной работой и заботой о внуках.

В 1984-м к ней приехал жить старший внук Алёша, а через три года — младшая внучка Маша. В начале 90-х внуки Алексей и Александра уехали в Израиль.

Наша квартира по улице Ленина рядом с площадью Свобо-

ды — это место, где прошла большая часть жизни мамы и её семьи. Сюда приходили друзья сестры Ривы — актёры еврейского театра.

Мне было тяжело бороться в Минске с болезнями мамы, и я убедил её уехать на лечение в Израиль, хотя понимал, что это навсегда. А она верила, что подлечится и вернётся в Минск. В 1998 году я увёз маму в Израиль. Там она прожила почти 13 лет. Умерла в 2011 году. На её могиле в г. Хадера выбиты имена её родителей Берла и Малки, а также орден Отечественной войны. Среди наград мамы несколько боевых медалей.

Незаживающей раной в жизни мамы был её первенец Борис, родившийся незрячим 24 июля 1941 года. Три года учился в Витебске. Затем окончил среднюю школу в Минске. Работал в комбинате общества слепых. Увлекался русскими шашками. Был кандидатом в мастера спорта СССР. Составлял и публиковал шашечные задачи.

Умер неожиданно, прожив всего 50 лет. Борис был очень интеллигентным человеком. Его любили за отзывчивость, порядочность и любознательность. Семьёй Бориса были родители, братья, тёти, дяди, племянники...

Война в жизни Штейнманов

Рувим Штейнман в начале войны ушёл на фронт. Его дети были в это время в загородном детском саду под Минском. Их обещали привезти в Борисов. Поэтому Рива поехала туда. Но, узнав, что детей вернули в Минск, она сразу же вернулась. Там их вместе с бабушкой Мал-

37**2017**

кой застал приход германских войск.

После создания гетто все четверо стали его узниками. Рива внешне была похожа на славянку, и ей удавалось уходить из гетто, чтобы добыть пропитание для детей и мамы. Так продолжалось до 2 марта 1942 г. Накануне Рива ушла из гетто, а в тот день началась облава.

Бабушку Малку вместе с 6-летним Исааком и 3-летней Беллой расстреляли в Яме, где лежат пять тысяч человек, вся «вина» которых была только в том, что они родились евреями.

Возвращаться Риве было некуда.

Подробней о дальнейшей судьбе матери рассказал её сын Геннадий Штейнман.

Воспоминания о маме Риве

Однажды в марте 1963 года я проснулся среди ночи и зашёл на кухню, где мама сидела за столом. Меня поразила недопитая бутылка водки и пачка папирос.

Моему удивлению не было предела. Ведь она никогда не курила и, конечно же, не пила. Её лицо меня поразило. Не добившись объяснений, я ушёл спать, решив, что папа с мамой поссорились.

Тогда отец впервые рассказал следующее. За день до мартовского погрома 1942 года мама ушла из гетто в деревню Масюковщина, чтобы

Рива и Рувим Штейнманы Минск, начало 50-х.

обменять вещи на продукты. О предстоящем погроме разносились слухи от местных жителей, дети и отцы которых служили в полиции.

Мама и крестьянин Данила Масанин, который сочувственно относился к евреям, решили пойти ночью с мамой спасать детей и бабушку.

К утру они оказались на противоположном от гетто берегу Свислочи. И хотя только начало светать, они опоздали. Гетто было окружено патрулём. Мама видела дом, где жила бабушка Малка с внуками.

Картина погрома семья-

ми полицейских, грабивших несчастных евреев, была ужасной. Мама видела, как один из погромщиков топором убил старуху, которая пыталась вырвать у него какие-то вещи. Мама от ужаса потеряла сознание. Как её вернули в деревню, она не помнила. Папа говорил, что она долго болела, и, когда поднялась, увидела в зеркале седую женщину. Было ей тогда 28 лет.

Приютившая её семья отнеслась к ней как к родной дочери, которая к тому времени погибла в партизанском отряде.

Дальнейшая судьба матери складывалась трагично. Деревню, в которой она жила, окружили немцы и полицаи и угнали всех молодых жителей на работу в Германию. Мама осталась жива, потому что была светловолосой, курносой

и имела документы дочери спасителей — Масаниной Клавдии Даниловны и её нательный крестик.

Освобождение из фашистской неволи она встретила в Германии, где ей удалось устроиться поваром в комендатуру города. А знание немецкого языка позволило ей стать переводчицей.

Белла и Исаак Штейнманы Минск, 1940 г.

В Минск она возвратилась с документами на имя Клавдии Даниловны Масаниной.

И тогда я понял, почему 2 марта она пьёт водку и курит, вспоминая тот страшный 1942 год, своих погибших детей и маму.

Отцу официально сообщили, что его семья расстреляна в 1942-м в Минском гетто. Этот документ у нас сохранился.

Невероятная встреча

Однажды Сара сообщила Рувиму, что Рива вернулась из неволи и ждёт его. Об их встрече он говорил, еле сдерживая слёзы, ведь будучи офицером, он должен был сообщить, что жена была угнана в Германию. И тогда они решили во второй раз оформить свой брак. Её имя в паспорте стало Клавдия Даниловна Масанина-Штейнман.

В еврейский театр, в котором она играла до войны, мама не могла вернуться, так как Рива Берковна официально погибла, а добиваться правды в те годы было опасно, ведь даже нахождение в гетто приравнивалось к пребыванию на оккупированной территории. Кроме того, довоенные архивы сгорели. Настоящее имя мамы вернулось только в 1988 году на могильном камне на Северном кладбище в Минске.

Рассказывает Леонид Штейнман

Мама не любила вспоминать про войну, никогда не рассказывала нам, её сыновьям, о том страшном времени. К сожалению, мы поздно стали по крупицам собирать сведения о жизни наших самых близких людей.

В конце 1996 года, когда моей любимой тёте Саре было далеко за 70 лет, она посадила меня возле себя и сказала: «Я должна рассказать тебе про твою маму, про войну, ибо меня тоже не станет и вы никогда не узнаете того, что произошло».

Это был тяжёлый рассказ. Я даже представить не мог, через какие ужасы прошла мама. Я понимаю, что время уже не то и люди изменились, но ничего не могу с собой поделать — не могу спокойно слушать немецкую речь.

Я также благодарен тёте Саре, которая после смерти мамы фактически стала мне как мама. После её отъезда в Израиль мы стали общаться меньше, но сознание, что она есть, прибавляет нам силу и уверенность.

Встреча спустя четыре года

Летом 1945 года в Минске стали собираться оставшиеся в живых родственники из когда-то многочисленной семьи.

Однажды в воинскую часть, где служила Сара, позвонил дежурный с проходной и сказал, что к Фарберовой пришла сестра. Сара очень удивилась, так как до обеда к ней приходила сестра мужа — Рая Фарберова. Сара, как обычно, собрала для неё и детей кое-какие продукты.

Когда Сара вышла на улицу, то увидела довоенную подругу Зину Левину. С ней на скамейке сидела какая-то незнакомая женщина. Когда женщины начали всматриваться, у них буквально отнялись ноги, они не могли сдвинуться с места. Мысленно похоронив друг друга, они встретились после четырёх лет разлуки! Сара увидела свою сестру Риву. Это был самый счастливый день после Победы для родных сестёр.

Довоенная квартира Ривы и Рувима по улице Революционной, 8 была самовольно занята во время войны. Когда Моисей с Ривой и Сарой пришли освобождать эту квартиру, жилец пытался их грубо вытолкать. Моисей выхватил пистолет, но Сара сумела перехватить руку и предотвратить убийство. Наглец мгновенно исчез.

Когда в Минск вернулся Рувим, обе семьи поселились в этой маленькой, зато отдельной квартирке. В то время это было счастье.

Рувим работал в издательстве, рисовал виньетки, вывески, плакаты. Всем было нелегко, но выручала взаимная поддержка. Семьи отличались гостеприимством. В их квартире собирались друзья. Это были артисты еврейского театра, одноклассники, однокурсники, родственники. Радовались, что пережили ужасы войны.

В 1948-м Моисей и Сара получили комнату в коммунальной квартире в доме на улице Володарского.

Послевоенная семья Ривы и Рувима

В 1948 году у них родился первый послевоенный ребёнок — Гена. Он унаследовал от отца талант художника. Умение рисовать и лепить проявилось в средней школе. Далее была художественная школа, архитектурно-строительный техникум, архитектурный факультет Белорусского политехнического института. Затем путь от рядового архитектора до заместителя директора одного из проектных институтов республи-

B **7**2017

ки. С 1993 г. Геннадий возглавляет собственную архитектурную мастерскую. Он стал одним из ведущих архитекторов Беларуси. Под его руководством и его руками запроектированы десятки объектов в нашей республике и за её пределами. Среди них типовые проекты школ, детских садов, коттеджей, магазинов и т.д. Геннадий и сегодня трудится над многими проектами.

Его сын Павел был любимцем бабушки Ривы, которая до самой смерти в 1987 г. воспитывала его. Павел окончил юридический институт в Минске и юридический факультет Тель-Авивского университета. Живёт в Израиле, стал успешным юристом.

Младший сын Ривы и Рувима — Леонид стал инженером-строителем. После школы поступил в Белорусский политехнический институт. Учился на вечернем отделении, совмещая учёбу с работой. Работал в ведущих проектных институтах. С 1989 г. и по сей день трудится вместе с братьями. В «Творческой мастерской архитектора Штейнмана Г.Р.» работает и его сын Константин.

Семейная профессия

Архитектура стала семейной профессией. Евгений Фарберов в 1968 году закончил архитектурный факультет Белорусского политехнического института по специальности градостроительство. Занимался ремонтом и реконструкцией жилищного фонда городов Беларуси. Автор проектов реконструкции исторических центров городов Гродно и Витебска (1969 — 1973). С 1978 по 1985 год работал в Витебске главным архитектором проекта «Реконструкция застройки

Геннадий Штейнман, Евгений Фарберов и Леонид Штейнман. Минск, май 2017 г.

центральных исторических кварталов города». С 1981 года руководил проектной организацией в г. Заславле, участвовал в создании историко-культурного заповедника. С 1990 по 1995 год возглавлял депутатскую комиссию по строительству Заславльского городского Совета.

С конца 90-х в Израиле, с начала XXI века — в Москве.

У него трое детей, четверо внуков.

Ряд проектов Евгения Фарберова отмечен медалями ВДНХ, а также дипломами выставок. Решением сената штата Техас (США) в 1990 г. он удостоен звания «Почётный техасец» за работы по продвижению совместных советско-американских проектов.

Последние 20 лет Евгений работает вместе с братьями Геннадием и Леонидом. Запроектировали больше тридцати современных посёлков. Восемь из них построены.

Рассказами о трудовых буднях завершаются воспоминания братьев Евгения Фарберова, Геннадия и Леонида Штейнманов о своих близких людях из рода Бейненсонов.

 Мы рады, – сказал мне каждый из них, – что внесли свой вклад в создание нашей родословной. Надеемся, что внуки, прануки будут знать свои корни.

Берл и Малка Бейненсоны, да будет благословенна их память, могли бы гордиться своими потомками.

Семён ЛИОКУМОВИЧ

Евгений Фарберов с женой Галей. Витебск, 2016 г.

Я, Карпов Игорь Николаевич, вместе с мамой Карповой (Ганелис) Геней Израилевной разыскиваю сведения о дедушке Ганелисе Израиле Григорьевиче, без вести пропавшем на Великой Отечественной войне.

О нём осталось крайне мало информации. Ему пришлось в 1942 г., предположительно в Первоуральске, отдать двух дочек (3 и 5 лет), маму и её старшую сестру Миру, в Свердловский детприёмник НКВД и убыть на фронт. Долгое время он числился без вести пропавшим.

В 1996 г. мама собралась на постоянное место жительства в Израиль и сделала запрос в архивы, чтобы узнать о судьбе её родителей. Что случилось с её мамой Ганелис Цилей Залковной, она тоже не знала.

Родилась моя мама в селе Николаевке Смидовичского района Еврейской автономной области 29.06.1938 г.

Ей прислали две справки из военных архивов. В одной было написано, что Ганелис Израиль Георгиевич (отчество немного отличается), 1910 г.р., уроженец Витебской области, был

призван в Красную армию Первоуральским РВК Свердловской области, пропал без вести 08.08.1942 г. Его жена Трескунова Раиса Савель евна проживала по месту рождения учтённого: ул. Вокзальная, 27.

Потом получили вторую справку, в которой указывалось всё то же самое, что и в первой, но было важное дополнение, что погиб Ганелис И. Г. 8 августа 1942 г. и похоронен: дача М. Горького, что в 12 км от Воронежа. В Первоуральском РВК нам дали Книгу памяти, в которой всё это повторяется, но имя погибшего отличается от имени моего дедушки, потому что упоминается уже Ганелис Израиль-Абрам Гершович.

Мама родилась в Еврейской автономной области, а тут — Витебск. Как он оказался на Урале? Что стало с его женой Ганелис Цилей Залковной? Когда появилась в его жизни Трескунова Раиса Савельевна?

Про родителей мамы знаем благодаря чудом сохранившемуся оригиналу её свидетельства о рождении на русском языке и на идише, выданном в Еврейской автономной области. Может, кто-нибудь из родственников Ганелис и Трескуновых и поможет нам разобраться в этой истории. Будем благодарны за любую информацию о нашем дедушке и отце Ганелисе Израиле Григорьевиче.

Игорь КАРПОВ, ikarnt52ura@rambler.ru

Я родился в г. Дриссе (нынешний Верхнедвинск) в 1938 г. Моими родителями были Ида и Ицик Левитанус.

Имя Макс мне дали в честь врача Макса Туника, который вылечил мою маму.

Я был в семье самым маленьким. Кроме

меня было ещё трое детей: Беся (Мейлах Бер) 1923 г.р., Абрам 1924 г.р. и Циля 1927 г.р.

Мама Ида — урождённая Левина. У неё было 3 сестры: Тулба, Нехама и Циля, которая умерла в девичестве. Родители моей мамы Левин Арон и Хая, урождённая Млечина.

Родителей отца я не знаю, так как он остался сиротой в 6 лет и воспитал его дядя.

В разговорах моих родителей часто мелькали фамилии Туник, Ритц и другие, которые я встретил на сайте «Моё местечко» (www.shtetle.com).

Недавно я нашёл в семейном альбоме фото трёх девочек: Аси, Гени и Лизы Вод-

ковых. На обороте надпись: «Дорогим дяде и тёте от племянниц». По всей видимости, это племянницы моего отца, у которого было три сестры.

Буду рад, если кто-то отзовётся на моё письмо.

Максим ЛЕВИТАНУС г. Арад, Израиль maxlevit@gmail.com

Фото трёх девочек: Аси, Гени и Лизы Водковых.

 $3\sqrt{2}$

Близког-далеког...

В июне 2013-го в центре Минска, в галерее Савицкого, открылась выставка живописи Иосифа Гринберга.

Первое, что сразу же видел зритель: полотно с необъяснимым, на первый взгляд, сюжетом.

На картине четыре объекта, у каждого своя судьба: причудливая (у художника), трагическая (у позирующего юноши), запутанная (лицо этого юноши в видоискателе), невероятная (у аппарата «Фотокор»).

Трагическая история большой семьи, судьбы граждан Беларуси в годы немецкой оккупации, наконец, невероятные приключения старого аппарата «Фотокор»

 и всё заключено в единственном сделанном этой камерой фотоснимке.

Единственная фотография раскрывает невероятные переплетения трагических людских судеб!

* * *

Поначалу снимали на металлическую пластину «дагерротип». Позировать — неподвижно сидеть перед камерой — приходилось по десять минут. Фотограф призывал: «Смотрите в объектив — сейчас отсюда вылетит птичка». Долго сидеть, не моргнув, —

мучительно. Но всё же получение фотоизображения стало общедоступным.

Ещё более доступной стала процедура фотографирования, когда металл заменило стекло.

На обратной стороне старых снимков фотографы самонадеянно заверяли: «Негативы сохраняются». Наивные люди! Войны, лихолетье, пожары, людская небрежность — как тут уцелеть пластиночке хрупкого стекла?!

Не сохранился стеклянный негатив и этого фото.

* * *

Птичка вылетела 21 июня 1941 года. Здесь юноше из белорусского посёлка Елизово 14 лет — и никогда не будет больше. Но каким чудом до-

шёл этот снимок до наших дней?

В Елизове, под Осиповичами, жила семья Баршаев: супруги Иосиф и Сарра, их дочки Хая и Белла, сыновья Исаак и Миша.

Рассказывает художник Иосиф Гринберг:

— В 41-м Давид Гринберг служил в Красной армии — это мой отец. В Елизове — стеклозавод

«Октябрь», все взрослые Баршаи работали там. В июне 41-го Хая, это моя мама, с зарплаты купила и подарила моему 14-летнему брату Исааку аппарат «Фотокор».

21 июня юноша сделал единственный снимок — свой портрет.

Каким образом?

К этому аппарату продавался специальный

Художник Иосиф Гринберг:

гибкий тросик, с помощью которого человек мог сфотографировать себя. Затем стеклянную пластину следовало при красном свете проявить до нужной плотности, закрепить, высушить - получали негатив, - затем контактным способом надо ьыло перенести изображение на фотобумагу, вновь проявить, закрепить, высушить... То, что паренёк с первого раза осуществил этот сложный процесс, - чудо!

Исаак целый день гордился снимком! А наутро началась война...

Хая – жена красного командира – как-то успела эвакуироваться из Осиповичей в последнем эшелоне. Вскоре в посёлок стекольщиков Елизово пришли немцы.

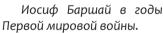
Иосиф Гринберг: 14-летнего мальчика Исаака Баршая, – а он выглядел гораздо старше, - немцы кинули в грузовик, забрали на работу в Германию. После войны мы пытались о нём что-либо узнать, но никто из угнанных в тот день не вернулся. Исаак был бы моим дядей...

К Баршаям прибежала девочка Люба – дочь их знакомой, белоруски Нины Лысюк. Её дом стоял на околице посёлка стеклозавода. Люба сообщила: началась облава, немцы хватают евреев, всех подряд!

Вся семья - Сарра с дочерью Бэллой и сыном Мишей, - кроме Иосифа (глава семьи отсутствовал), бросив дом, убежала

Исаак Баршай, 21 июня 1941 г.

Иосиф Гринберг. «Фотоаппарат погибшего в 41-м».

на окраину посёлка в дом Лысюков. Там хозяйка Нина Яковлевна спрятала их в погребе... Мы этот подпол снимали для фильма «Свидетели и судьи. Фотографии, изменившие жизнь».

Единственное, что второпях прихватили беглецы: документы и несколько семейных фото. В том числе, снимок угнанного немцами Исаака. В погребе Лысюков прожили они две недели. Тем временем единственного из Баршаев

> Место расстрела Иосифа Баршая 21 января 1942.

3 **7**2017

Дедушка Иосиф. 1963 г . Мама – Баршай Хая (Гринберг) в эвакуации. г. Миасс.

Хая и Исаак Баршай.

— вернувшегося домой главу семьи Иосифа — вместе с односельчанами-евреями, рабочими стеклозавода, — каратели 21 января 42-го расстреляли за околицей.

Но вскоре немцы спохватились: где остальные жители этого дома? Баршаев стали искать. Оккупанты прочёсывали все дома подряд. И уже подбирались к дому на околице посёлка. Нина Лысюк испугалась за своих маленьких деток — Любочку и её братика, — дала Баршаям еды, и те отправились в лес.

Там Баршаи — Сарра с двумя детьми — набрели на партизан. Они примкнули к отряду и пробыли в нём три года, до освобождения Белоруссии.

Война расколола семью: Хая в эвакуации знала лишь, что её муж Давид воюет с немцами. О судьбе же матери, младших — сестры и брата и о том, что ещё один брат, Исаак, угнан немцами, узнает она лишь после войны... И в конце своих дней, в 72-м, скорбя, станет Хая рассказывать своему сыну Иосифу о пропавшем брате.

Но у этой, не такой уж редкой для Беларуси истории, оказывается, выстраивался параллельно необычный, почти фантастический сюжет!

А у «Фотокора» советского довоенного производства оказалась такая судьба, как ни у одного фотоаппарата в мире!

* * *

В Елизове издавна жила немецкая семья. Сегодня не помнят точно их фамилию, но, кажется, Драгели. Их предки осели здесь ещё со времён Первой мировой войны. Добавив к фамилии окончание белорусское «ич», они прочно вросли в советскую интернациональную среду. Как и Баршаи, работали Драгелевичи на стеклозаводе. Но новые власти напомнили, что они немцы! И предложили им из домов, оставленных евреями, брать любое имущество.

Иосиф Гринберг: Они взяли из дедушкиного, нашего дома два домотканых покрывала и подаренный моей мамой брату Исааку аппарат «Фотокор». Когда в 44-м к Елизову подходила с боями Красная армия, соседи Драгели-Драгелевичи

отступили с немецкими войсками и убежали в Германию».

Захватили они с собой два «баршаевских» покрывала и аппарат «Фотокор»... У этих вещей, присвоенных Драгелями, тоже будет причудливая, вполне детективная судьба. Она совершит непредсказуемый поворот в первые послевоенные годы.

В эти же годы в Белоруссии горестная история раздробленной на четыре части семьи Баршаев продолжалась весьма причудливо.

Три года Сарра Баршай с двумя детьми провела в партизанском отряде: стирала, готовила еду, перевязывала раненых. В 44-м они вернулись в Елизово, в свой разорённый войною дом. Приехала из эвакуации Хая, вернулся с фронта её муж Давид. Вскоре у супругов родился сын, имя он получил в честь расстрелянного немцами деда: Иосиф.

Иосиф Гринберг: «За Елизовом, где немцы расстреляли деда и других наших соседей-евреев, я поставил скромный, по тогдашним моим студенческим возможностям, памятник... Сейчас там сооружён большой, монументальный.

По окончании войны — по договорённости СССР с союзниками о репатриации — все советские граждане обязаны были вернуться в СССР, хотели они этого или нет. Часто — принудительно. Многие репатрианты, не желавшие попасть сразу в ГУЛАГ, кончали жизнь самоубийством.

Иосиф Гринберг: «Вернулись из Германии и Драгели-Драгелевичи. Прибыли с немногим имуществом. И что удивительно: привезли два наших домотканых покрывала и аппарат «Фотокор»! Они вернули эти вещи нам. А у нас сохранился тот самый снимок моего дяди, несчастного 14-летнего Исаака. Эти вещи стали реликвиями нашей семьи».

Связанная с немецким нашествием на СССР, продолжалась история и потомков многострадальной семьи Баршаев.

* * *

Человек всегда стремится туда, где, как ему кажется, будет лучше. А тем более — художник, личность во все времена ищущая.

К 1992 году мамы Хаи у белорусского живописца Исаака Гринберга уже не было. Он решил перебраться в Израиль на постоянное место жительства. Это ему так казалось, что «на постоянное».

Иосиф Гринберг: «Конечно, я взял с собой семейные реликвии, в том числе, единственный снимок дяди Исаака, старше которого я уже тогда был в четыре раза, и его старенький, подаренный ему моей мамой видавший виды "Фотокор". Музею памяти в Иерусалиме я предложил принять эти реликвии в качестве экспонатов в раздел Холокоста».

Но дорогие Гринбергу реликвии в Иерусалиме оказались не востребованы: в музей их не взяли, со слов Иосифа, «не подошли по теме»...

Художник Иосиф Гринберг, музыкант Алла Данциг и автор очерка режиссёр Владимир Орлов на открытии выставки, 2013 г.

После 20-летнего отсутствия Иосиф решил вернуться на родину. Кроме созданных в Израиле картин он привёз единственный снимок 14-летнего дяди Исаака и тот самый аппарат «Фотокор».

Иосиф Гринберг: «И только здесь я понял, что вся эта наша семейная история — сюжет для живописного полотна. Снимок дяди, аппарат "Фотокор" и эту свою картину я готов передать в новый музей Великой Отечественной войны в Минске».

Имеет продолжение и поступок жительницы посёлка Елизово белоруски Нины Яковлевны Лысюк, совершённый ею летом 41-го. Её дочь, та самая Любочка, сегодня свидетельствует:

– Спасение семьи евреев Баршаев в Израиле расценено как подвиг: в память о моей маме Нине Яковлевне, в её честь, в Аллее Праведников в Иерусалиме посажено дерево, ей присвоено звание «Праведник Народов Мира», она награждена медалью.

* * *

Чтобы позирующие сидели перед камерой неподвижно, фотограф призывал: «Смотрите в объектив — сейчас отсюда вылетит птичка».

Щёлкает затвор — и «птичка вылетает!».

Что на снимке? Тайны Вселенной? Апокалипсис мира? Или судьба одного человека? Что расскажет, откроет нам фотоснимок?

Владимир ОРЛОВ

 $3\sqrt{2}$

Художник Соломон Аншелевич

В журнале «Мишпоха» прочитала статью «Не докурив последней папиросы» http://www.mishpoha.org/pamyat/111-ne-dokuriv-poslednej-papirosy о художнике Залмане Мирингофе, где написано: «Остаётся только надеяться, что когда-нибудь Союз художников Беларуси или какая-нибудь другая организация возьмёт на себя смелость организовать абсолютно некоммерческую выставку художников, погибших во время Великой Отечественной войны. И на этой выставке будут представлены работы Соломона Аншелевича, Александра Орлова и других...

Соломон Аронович Аншелевич — мой родной дядя. Как у деятеля искусств, у него была бронь, но он добровольцем ушёл на фронт и пропал без вести. Очень долго я пытаюсь найти о нём хоть какую-то информацию.

У нас не осталось после войны даже его фотографии. Когда в Союзе художников БССР сделали Мемориальную доску, мой папа про-

сил, чтобы и его брата туда поместили, но получил отказ: так как не было фотографии.

Мой отец Иосиф — младший брат Соломона, тоже всю войну был в армии. Их родители погибли в гетто, и когда отец вернулся с войны, не было никаких документов, когда и где он погиб.

В книге И. Елатомцевой «Очерки по истории белорусской советской станковой скульптуры» была одна строчка, что на выставке в 1938 г. С. Аншелевич выставил 4 работы (портреты рабочих). В Интернете на московском сайте «Масловка» я прочитала, что С. Аншелевич участвовал: в Первой Белорусской республиканской выставке 1925 г., Белорусской республиканской выставке 1936 г., 1937 г., двух республиканских выставках 1938 г., Белорусской республиканской выставках 1940 г., которая продолжалась до 1941 г.

Папа говорил, что Соломон окончил Академию. Семьи дядя не оставил, но, наверное, сработали гены, так как я тоже скульптор (окончила Минское художественное училище им. А.К. Глебова по специальности — скульптура).

Теперь уже в зрелом возрасте очень хочется хоть что-то знать о своих корнях.

Алла ГРИНБЕРГ (АНШЕЛЕВИЧ)

Р.S Со дня своего рождения в 1954 г. и до 1991 г. жила в Минске, а с 1991 г. — в городе Явно (Израиль).

Можете ли Вы помочь в поиске родственников погибшего 5 ноября 1943 г. лётчика: лейтенанта Крейнделя Абрама Хацкелевича, 1922 г.р (?) Проживал (семья — ?) на 1940 г.— Минск.

Последнее место службы — Высшая офицерская авиационная школа воздушного боя. (Данные: Центральный архив Министерства обороны, ф. 33, оп. 563784, д. 27)

Старший брат — Крейндель Кузьма Хацкелевич. Была ещё старшая сестра. Её имя мне не известно.

Родители: Крейндель Хацкель Абрамович и Крейндель Саша Моисеевна.

К сожалению, пока узнать точный адрес в Минске не удалось.

Игорь МИХАЙЛЮК, les-nik.i-d@mail.ru Мой дед из деревни Слобода Бешенковичского района. Его уже 16 лет нет с нами, но я пытаюсь отыскать хоть какие-то ниточки, которые помогли бы мне узнать о судьбе его мамы и младшей сестры.

Фамилия Хайкины, мама его (в девичестве Аксёнцова) Неся Герцевна, сестру звали Рива.

Когда началась война, пытались уехать на восток страны, но младшая сестра Рива тяжело заболела, и они были вынуждены сойти на ближайшей железнодорожной станции. Это случилось неподалёку от места их постоянного жительства.

С тех пор ничего не известно об их дальнейшей судьбе.

> Мария KO3∧OBA, marusechka07@bk.ru

В. Гайшун. «Фотограф».

Бабушка говорила: «Леронька, то, что деда — еврей, надо скрывать. Маму твою и тётю Тому дразнили — Вальсон-безкальсон! Ты — русская, Леронька! То, что деда — еврей, так получилось».

И мама так говорила. И я скрывала. У меня были русые косички. И фамилия — Коро-

лёва. И никто не знал, что деда — еврей. Я садилась с ним в разные двери в троллейбусе.

Но я гордилась им, когда он приходил 9 Мая в школу и рассказывал о войне. Но я любила гулять с ним по городу и слушать рассказы о Бобруйске.

V я называла его «липучкой», потому что он всегда хотел меня обнять. V я стеснялась его, потому что еврей — это плохо. Просто плохо, без комментариев.

Его нет, моего дедушки Вольфсона Григория Хацкелевича. Уже 16 лет нет. А для меня он живой. Живой — в моей любви к детям я тоже «липучка»,

В. Гайшун. «Дедуля и я».

Mpocmu methol, gegynol!

Вульфсон Григорий Хацкелевич.

особенно для сына и для внучки.

Живой — в моём отношении к жизни, я храню в сердце его рассказы о городе, который он любил и я люблю. Живой — в моей любви к мужу, потому что я умею прощать. Живой — во всех куклах моих, а не только в кукле «Дедушка».

Наверное, я не могу его отпустить, и это плохо. Может быть, если сказать «прости»... Может быть.

Я готова, я могу взять всю вину на себя — и за бабушку, и за маму. Тогда я была ребёнком. Сейчас я в том возрасте, в котором был дедушка, а мне было пять лет и всё это началось — тайны еврейства и т.д.

Я всё давно поняла. Все мы ответственны не только за то, что мы

делаем. А и за то, что посредством нас делают другие. Мы люди — не орудие. Всегда люди, даже когда ещё дети.

И поэтому всё, что я делаю сейчас, — это большое «прости». Прости меня, дедуля! Я горжусь, что я — твоя внучка! Я очень счастлива, что во мне есть часть твоей крови, твоей мудрости, твоего смирения и твоей любви... Я отпускаю тебя. И прошу — не оставь меня, потому что в тебе моё настоящее, то, что очень хочется оставить и детям, и внучке...

Валерия ГАЙШУН

В. Гайшүн. «Бобруйская семья».

 $3\sqrt{2}$

История в лицах

Воспоминания Леонида Яковлевича Трембовольского прислал в редакцию журнала его сын Яков. Написаны они двадцать лет назад.

Это рассказ о нескольких поколениях одной семьи. В нём отражается наша история на протяжении шестидесяти лет неспокойного XX века.

Прожита долгая жизнь. И в памяти всё чаще и чаще всплывают картины прожитых дней и не дают уснуть. И конечно же, мои записки — это не биография. Фрагменты воспоминаний скорее напоминают детские кубики, из которых складывается панно жизни...

У дедушки Боруха и бабушки Брахи было два сына и две дочери. О старшем сыне, к сожалению, я почти ничего не знаю. Мне известно только, что он погиб на войне в 1914 г. Второй сын — Яков (Янкл), будущий мой отец, 1887 г. р. Дочери Блюма и Сарра. Дедушка с бабушкой держали бакалейную лавку. Но, так как дедушка был религиозным человеком и большую часть времени молился, все заботы о доме и лавке лежали на бабушке. К сожалению, она рано умерла, ещё до моего рождения. А вот дедушку помню. Он уехал от нас в Палестину в 1929 г., когда мне было уже 6 лет.

Обычно дедушка сидел на стуле в своём традиционном капоте и ермолке с молитвенником в руках и зачастую дремал. В такие моменты я подносил к его носу щепотку нюхательного табака из его кисета, и он чихал, не просыпаясь.

Мама Евгения (Геня) Зильберберг родилась в Бресте, ориентировочно в 1897 г. ,в большой се-

мье. Её отец Хаим был известным ювелиром. Мама рано умерла, и отец вторично женился. У мамы было чет-

Новеллы моей жизни

Посвящаю моим детям и внукам

Трембовольские и Зильберберги

Папин род Трембовольских связан с Новоград-Волынском (бывшее название Звягиль, на идише — Звил). Когда-то это было местечко, населённое портными, сапожниками, жестянщиками, лавочниками и другими ремесленниками, многочисленной беднотой, проживающих в покосившихся и наполовину ушедших в землю домиках. В непосредственной близости от живописнейшей реки Случь, протекавшей через город, располагалась небольшая улочка Троицкая. Вот на этой улочке и находился деревянный дом рода Трембовольских.

Геня Трембовольская (Зильберберг), мама Леонида Трембовольского, с сыном и дочкой Броней.

веро братьв и четыре сестры. Дом, в котором жила семья в Бресте, сохранился по сегодняшний день.

В 1915 г., во время Первой мировой войны, мамину семью выселили из Бреста. На каком-то полустанке она, восемнадцатилетняя девушка, и её сестра Соня, старше на два года, отстали от эшелона. Этот трагический случай навсегда разлучил двух сестёр с отцом и мачехой и на 60 лет с братьями и сёстрами.

Они добрались до Киева, где жил их брат. Здесь сестёр ожидал ещё один страшный удар. Они узнали, что брат Лазарь, который работал инженером на железной дороге, погиб.

Вспоминаю случай, рассказанный мамой. Петлюровцы, которые тогда хозяйничали в Киеве, ставили её к стенке для расстрела как жидовку. И только хозяйка спасла её, сумев убедить их, что мама полька, а не еврейка.

...Папу мобилизовали в армию. Попал он, как музыкант, в армейский полковой оркестр. Кажется, в 1916 г., их полк стоял в Киеве и военный духовой оркестр играл в парке. Там мама и познакомилась с папой.

В 1920 г. армия Будённого совершила бесславный поход на Варшаву. Моя мама тоже была участницей этого похода. В армии Будённого она была сестрой милосердия. Мама заболела тифом, их часть в это время проследовала через Новоград-Волынск, и её оставили в этом городе.

…А через три года, 17 мая 1923 года, появился на свет я. В 1925 году родилась моя сестра Бронислава (Броня), в 1934 году — брат Вова (Вульф).

Папа светского образования не имел, только религиозное, и практически никакой специальности. Но он хорошо читал и писал на русском языке, знал украинский. А мои задачи по математике решал в уме и по-своему, нестандартно. Когда папе было лет под шестьдесят, он с отличием окончил бухгалтерские курсы. Правда, работать по этой специальности ему не пришлось.

Американские родственники подарили папе мережечную (вышивальную) машину. Она пришла в Новоград-Волынск на его имя от знаменитой немецкой фирмы «Зингер». Мама самостоятельно сумела освоить эту довольно сложную технику. И обучила папу работать на машине. В городе подобных машин не было, и мои родители стали монополистами в этом деле.

Мамины братья и сёстры из Польши переехали в Америку. Самуил обосновался с семьёй в Нью-Йорке, стал известным врачом и умер в возрасте 88 лет. Сол — в Туксоне. Унаследовал от отца ювелирное дело. Сол умер также в преклонном возрасте.

Начало пути

В 1930 году, с семи лет, пошёл в еврейскую школу № 1. Кроме этой в городе была ещё одна еврейская школа (семилетка), две украинские и русская — в военном городке. До середины 30-х годов была ещё немецкая школа, которую закрыли, а учителей посадили, посчитав их «чуждыми элементами». Во второй пловине 30-х годов прекратили существование и еврейские школы по всей Украине. Хотя обучение в нашей школе велось на еврейском, после её окончания я довольно грамотно писал диктанты на русском языке. Хуже обстояло дело с разговорной речью. Общались мы дома, в школе, на улице на еврейском языке. Это был родной язык.

Учились в школе основательно, понимали, да и родители, и учителя нам говорили, что только хорошие знания помогут добиться чего-то в жизни.

В 1940 году закончил школу с похвальной грамотой (золотых медалей ещё не было), которая позволяла мне поступить в институт без экзаменов. На семейном совете решили отправить меня в Киев в авиационный институт.

Меня в институт не приняли, объяснив, что нужное количество абитуриентов-отличников уже набрали. Я растерялся. И на следующий день, забыв о своей мечте, подал документы в технологический институт кожевенной промышленности. Можете представить реакцию папы, когда я вернулся домой.

На всю жизнь запомнил его слова: «Ты что захотел стать сапожником, как наш сосед Менахем?». Этого было достаточно, чтобы вернуться в Киев, забрать документы и, не заезжая домой, поехать в Ленинград. Подал документы в институт инженеров водного транспорта. Документы приняли без всяких осложнений, и после короткого собеседования сказали, что зачислен. Вернулся домой, чтобы собраться к началу учебного года. Мне сшили первый в жизни костюм, вернее перешили его из папиного свадебного, заказали овчинку, которая причинила мне потом немало неудобств из-за специфического запаха, а также сапоги. В такой экипировке, с деревянным сундучком с навесным замком, я в августе 1940 года уехал из Новоград-Волынска, как потом оказалось, навсегда. И с родителями расстался аж на три года.

...Я приспосабливался к новой жизни. Незаметно прошёл семестр. И здесь я узнал, что в Ленинграде открылся новый авиационный институт и идёт набор студентов из других вузов. Институт должен готовить специалистов-создателей авиационной техники. Это была моя сокровенная мечта. Я очень оперативно действовал. Ещё до окончания каникул мне удалось перевестись в этот институт. Что случилось, очевидно, должно было случиться — судьба. Кстати, курс ЛИИВТа, на котором я учился, буквально перед войной выехал на геодезическую практику к границе с Эстонией и попал в окружение. Немногие сумели оттуда вырваться.

Я стал студентом самолётостроительного факультета авиационного института. Занимался с большим удовольствием, и родители были горды моим выбором. Особенно отец. Сын его будет конструировать самолёты. В Новоград-Волынске таких ещё не было.

Война

22 июня 1941 года, воскресенье. Собрался в библиотеку готовиться к экзамену. И вдруг включаем радио, по которому транслируют выступление Молотова — война. Принял известие как-то спокойно. Наше поколение имело представление о войне по книгам и фильмам типа «Если завтра война». Это позже положение на фронте заставило нас осознать трагизм страшного слова «война». Тогда появился у меня страх за родных, за их судьбу там, где уже бушевало пламя войны.

В тот день я поехал в библиотеку, в понедельник сдавал экзамен и ещё через три дня — последний экзамен.

Гитлеровцы продвигались вперёд в направлении Ленинграда. В конце июня был объявлен набор добровольцев, и на следующий день вместе с другими § **7**2017

студентами я отнёс заявление в военкомат Московского района на вступление в народное ополчение.

В Московском районе, где находился институт, формировалась 2-я дивизия народного ополчения. Из студентов нашего института были сформированы расчёты артиллерийского полка. Я был назначен заряжающим 76-миллиметровой пушки. 12 июля был зачитан приказ о выезде на полигон для учёбы. Грузились на станции Витебская-товарная. Только на платформе эшелона увидел свою пушку. По эшелону передали, что путь будет недолгим — до Красного Села, где продолжим занятия. Только в пути поняли, что везут нас прямо на фронт.

Эшелоны нашей дивизии стали отправляться на Лужский рубеж: закрыть брешь, к которой устремились фашисты, двигаясь безостановочно, особенно их танковые части.

...Я был тяжело ранен. Попал под миномётный огонь. Лежал за насыпью, прижавшись к земле, так как более надёжного укрытия поблизости не было. Помню всплеск огня перед глазами и грохот взрыва. Боли в ноге не почувствовал. Когда закончился обстрел, ко мне подбежала санинструктор, тоже студентка нашего института, разрезала сапог и сделала перевязку. Она просила разжать руку с карабином со словами, что он мне уже не нужен...

Сортировочный госпиталь инспектировал профессор Вишневский, в то время главный хирургконсультант Ленинградского фронта. Во время обхода в моей истории болезни появилась запись с его слов, о чём поведала мне лечащий врач, всего три предложения, которые запомнились на всю жизнь: «У него организм молодой. Надеюсь, что с болезнью справится. От ампутации воздержаться».

…Госпитали в Вологде, в Омске. Лечение проходило тяжело, рана не заживала, а после снятия гипса стопа не сгибалась.

Меня комиссовали и установили инвалидность II группы. При выписке я получил комплект белья, обмундирование третьей категории, то есть бывшее в употреблении, солдатскую шинель и, спасибо кладовщице, сверх нормы телогрейку под шинель, а также сапоги с заплатками на голенищах. В таком виде, на костылях, с тощим вещмешком и небольшой суммой денег в кармане, я оказался в незнакомом Омске, без родных, близких и друзей.

Квартиру предложила медсестра госпиталя, а насчёт работы помогла комиссар госпиталя — женщина, майор. Она позвонила в горком комсомола, и меня направили на двухнедельные курсы при омском отделении спецсвязи, после окончания которых приняли на работу. Занимался перевозкой по железной дороге секретной доку-

ментации, драгметаллов, денежных знаков и т.п. Обслуживал маршрут Омск — Москва.

Не оставляла мысль о судьбе родных. Я слышал рассказы о зверствах фашистов над евреями. Успели ли эвакуироваться? Эти тревожные мысли не оставляли ни на миг.

Однажды по прибытии в Москву возникла мысль разыскать Министерство авиационной промышленности и попытаться узнать, какие шансы у меня продолжить учёбу в институте. Статус инвалида помог попасть в Управление учебными заведениями. Я рассказал, где учился, почему остался без документов и что хотел бы продолжить учёбу. Мне предложили поехать в Казань или Алма-Ату, где находился в то время Московский авиационный институт.

Уволившись с работы и попрощавшись с людьми, которые в трудный час приютили меня и которых добрым словом вспоминаю всю жизнь, покинул Омск и отправился в путь.

Осуществление мечты

Начался очередной этап в моей жизни. В Алма-Ате прикрепился сразу к двум столовым — студенческой и для инвалидов войны. Правда, и после посещения этих столовых выходил полуголодным. Это чувство сопровождало меня практически всё время в институте. Учёба трудностей не вызывала, так как я повторял уже пройденный в Ленинграде материал.

При зачислении в институт я вместо самолётостроительного факультета выбрал — вооружение самолётов. О своём выборе я потом не пожалел. Контингент студентов был весьма оригинальным. Наряду с бывшими школьниками и фронтовиками — много сынков высокопоставленных чиновников, получавших бронь от призыва в армию. Были и знаменитости: гроссмейстер Василий Смыслов, дочь Орджоникидзе (ушедшие с 3-го курса), сыновья Менжинского, Туполева.

Как-то, выходя из студенческой столовой, я встретил на улице родственницу Геню Линшиц, которая приехала к сестре, жившей в Алма-Ате ещё до войны. Как жену погибшего офицера, её прикрепили к столовой, располагавшейся недалеко от студенческой. Первое, что я услышал: мои родители живы и находятся где-то в Сибири, недалеко от Омска. Адрес родителей знал другой родственник Лазарь Гимельфарб, который жил в Омске. Он сообщил адрес: Кормиловский район, совхоз «Смычка».

В первом же письме мама написала, что знает о моём ранении. Ей гадала сербиянка, эвакуированная из Молдавии, и сказала, что я жив и ранен

Броня Трембовольская, Леонид и Рая Трембовольские.

именно в ногу. В это же время родители получили ответ из Центрального справочного бюро в Бугуруслане, что в списках убитых, раненых и пропавших без вести я не числюсь.

Моя жизнь продолжалась. Учёба — лекции, лабораторные занятия, домашние задания, графические работы по черчению и т.п.

С едой было трудно, легче стало с появлением овощей и фруктов. Студенты устраивали вылазки в колхозный сад им. Сталина (в окрестностях города), где росли знаменитые алмаатинские яблоки. Потом продавали их на базаре или у театра. Милиция инвалидов не трогала. А вообще со студентами ей повозиться пришлось немало. Горожане долго вспоминали похождения студентов МАИ. Вспоминается рисунок в одной из газет накануне отправления института в Москву в августе 1943 года. Отдел кадров милиции, длиннющая очередь и плакат с надписью: «В связи с реэвакуацией МАИ штат милиционеров сокращается».

В комнате общежития нас было четыре человека из разных факультетов, по чистой случайности — все еврейские ребята. Трое из нас — инвалиды войны. Через год двое, Яша Резник и Миша Лязник, завербовались на китобойную флотилию «Слава» и уже в институт больше не вернулись. Продолжали затем учёбу в Московском институте рыбного хозяйства. С одним из них, Мишей Лязником, я в 70-х — 80-х годах встречался в Гомеле во время командировки.

Жил в комнате ещё один гомельчанин, Миша Желудёв, с инженерно-экономического факультета. Его брат, Герой Советского Союза, участвовал в 1945 году в Москве в Параде Победы, и мы с ним отметили это событие в общежитии. А в 50-х годах я с ним ещё раз случайно встретился в Минске

в тракторозаводском посёлке. Он работал в военной прокуратуре и жил недалеко от нас. После демобилизации работал начальником «Спортлото».

…Советская армия вела успешное наступление на Украине. Уже был освобождён Киев, а в начале 1944 года. 13-й армией генерала Пухова — Новоград-Волынск. Родителям можно было возвращаться на родину. И дом наш сохранился.

Вернувшись в Новоград-Волынск в отчий дом, родители застали его полностью разграбленным. Жильцы, которые поселились в нём в годы оккупации, унесли практически всё, что было оставлено родителями в июле 1941 года. Нашли и унесли даже пасхальное серебро, которое, по словам мамы, было ею тщательно спрятано и замуровано в нише печки.

Началась у родителей нелёгкая жизнь, которую нужно было начинать с нуля. Но это была жизнь на родине, в своём доме.

Глядя с высоты прожитых лет, кажется, что в молодости жизненный путь каждый день отличался крутыми поворотами судьбы.

...Я познакомился с Райей. Рахиль Кремерова, по паспорту, родилась в Гомеле 15 декабря 1924 г., была моложе меня на полтора года. В начале 30-х годов её семья переехала в Москву. Отец, Исаак Давидович, работал коммерческим директором артели в подмосковной Апрелевке, которая изготовливала пластмассовые изделия, в основном пуговицы. Мама, Елизавета Львовна, была значительно моложе отца, вела домашнее хозяйство. Сестра Раи – Дора, моя ровесница, была в то время на фронте. Прошла войну связисткой от звонка до звонка — закончила в Берлине. Во время войны семья эвакуировалась в Рубцовск Алтайского края. После возвращения в Москву Рая поступила в 3-й медицинский институт, который размещался недалеко от их дома на Большой Грузинской. Кремеровы занимали небольшую квартиру с очень маленькой, без окон, спальней. В квартире, в двух других комнатах, жила семья папиной сестры Любы Цейтлин. У Раи было много родственников в Москве, Казани, Украине, Белоруссии.

Один из двоюродных братьев, Лёва Горелик, работал главным агрономом в знаменитом колхозе «Рассвет», где председателем был Герой Советского Союза и Герой Социалистического труда Орловский. Лёва был также парторгом колхоза. Познакомился он с Орловским в Москве в редакции журнала «Сельское хозяйство», где работал после окончания Тимирязевской сельско-хозяйственной академии, и тот его пригласил к себе. Работа Лёвы была оценена правительством орденом Ленина.

B **7**2017

В 1946 году, уже будучи студентом 5-го курса, я приехал на каникулы домой. Причём не один, а с Раей. Она познакомилась с моими родителями, родными и друзьями. Приняли её очень радушно. Купались, загорали, катались на лодке. Ещё раз мы с Раей приехали в Новоград в 1947 году, накануне нашей свадьбы. Эта поездка была непродолжительной и, кажется, последней совместной поездкой туда.

Буквально через несколько дней после окончания лётной практики, 28 сентября 1947 года, был зарегистрирован наш с Раей брак. Свадьба была дома. Папа Раи организовал даже «хупе», то есть венчание по еврейскому обряду.

Медовый месяц длился у нас буквально три дня, так как с 1 октября начиналась практика. После защиты дипломного проекта я уже знал место будущей работы — Казань, авиационный завод им. С.П. Горбунова. Одно из ведущих предприятий Туполева.

Прерванный полёт

Июль 1948 года. Начало самостоятельной работы. Мне, получившему желанную профессию, по тому времени элитную, казалось, что последующая жизнь определилась. Работай, набирайся опыта и отдавай знания и приобретённый опыт обществу. Живи и радуйся. И начало жизни в Казани как бы подтверждало это. И совершенно не думалось, что удача может отвернуться от нас.

Меня направили в бригаду (так назывались конструкторские бюро) по вооружению самолёта, где начальником был Гагарин Всеволод Всеволодович. Я оказался единственным специалистом с образованием по данному профилю. В основном работали выпускники Казанского авиационного института, в котором специалистов по вооружению самолётов не готовили.

На заводе шло освоение нового, самого мощного тогда, стратегического бомбардировщика А.Н. Туполева — ТУ-4. Создание самолёта, отечественной «летающей крепости», прототипом которого был американский «Боинг-29», было до некоторой степени революционным этапом в развитии отечественного самолётостроения.

Работа над самолётом ТУ-4 сегодня далёкая история и секрета не представляет. А в то время все работы по самолёту были засекречены. У меня имелся специальный допуск и выработалась профессиональная привычка дома, и вообще вне завода, о работе не рассказывать. Жена не знала марки самолёта, который изготавливал завод, хотя видеть этот самолёт она могла в воздухе над заводским аэродромом.

Приехала Рая в Казань в конце сентября, до этого успешно сдав госэкзамены. С ней прибыл и багаж: никелированная кровать (свадебный подарок), постельные принадлежности и кое-что из посуды. К её приезду я успел приобрести небольшой стол и два стула, угловую этажерку для книг и старинную тумбочку с мраморной крышкой. Всё купил с рук. В дальнейшем приобрели диван и заказали у столяра одностворчатый шкаф. Уже можно было жить.

Проблем с работой у Раи не было. К приезду был согласован с горздравотделом вопрос направления её в поликлинику нашего района, в котором были расположены два крупнейших авиационных завода - самолётостроительный и моторостроительный. Вместе с врачебной работой началась её общественная работа, без которой она не могла жить. Её избрали в комитет комсомола поликлиники, на следующий год - секретарём комсомольской организации и членом пленума райкома комсомола. В этом же 1949 году мы поступили в вечерний двухгодичный университет марксизмаленинизма. Это была инициатива Раи. Я долго сопротивлялся. Но её доводы, что ей придётся одной поздно возвращаться с занятий домой, возымели действие. Я тоже стал слушателем университета.

11 февраля 1951 года родился наш первенец, названный Борисом в память о дедушке Барухе. После его рождения был совершён еврейский обряд, который организовал Раин отец. Он специально приехал из Москвы и специалиста привёз с собой. Во время обряда (он совершался в нашей комнате) мама устроила на кухне шумную стирку, чтобы как-то отвлечь соседей.

В конце сентября 1951 года меня вызвали в отдел кадров и сообщили, что по указанию Москвы с меня снят допуск к секретной работе и я больше не могу быть использован на своей должности. На вопрос о причине снятия допуска ответили, что им это неизвестно. Уже было несколько случаев ухода с завода евреев, в том числе руководящих работников, но я этому не придавал значения. На заводе не заостряли внимание на этом вопросе. Очевидно, что те, кто уже понимал сложившуюся ситуацию, молчали. 17 сентября 1951 года я был уволен. Чтобы в трудовой книжке не появилась запись, что уволен по статье, кадровики посоветовали написать заявление уволить меня по собственному желанию. Не знал тогда, что не от записи в трудовой книжке будет зависеть в дальнейшем моя судьба.

Решили вернуться в Москву. Альтернативы не видели. Где-то в глубине души теплилась маленькая надежда, что всё — нелепая ошибка, в

Рая и Леонид Трембовольские.

Москве исправят её. Мы были молоды и наивны. Распродав по дешёвке немногочисленную мебель соседям и распрощавшись с родными, друзьями, сослуживцами, мы покинули Казань.

Во второй половине сентября 1951 года мы вернулись в Москву. В маленькой квартире на Большой Грузинской нас оказалось семь человек. Раина сестра Дора вышла замуж и занимала маленькую тёмную комнату. Мы расположились в общей проходной комнате вместе с родителями. Тогда неудобств не замечали и не думали о них. Теплилась надежда, что всё образуется. Однако через несколько дней пребывания в Москве и общения с родственниками мы узнали о сложившейся обстановке, об увольнениях из оборонной промышленности, министерств, учебных заведений и других организаций так называемых безродных космополитов. Кампания начала разворачиваться и в газетах. Тем не менее, я решил съездить в Министерство авиационной промышленности, в Управление кадров. Там, без объяснения причин, мне заявили, что в отрасли я как специалист не могу быть использован. На прощание чиновник цинично пожелал успеха в трудоустройстве.

Моим надеждам пришёл конец. Надо было искать работу. Однако прежде прописаться. Начались московские хождения по мукам. В прописке в доме на Большой Грузинской получили отказ с формулировкой «отсутствие санитарной нормы». Буквально на следующий день пришли проверять, выехали ли мы. Второй отказ в прописке в квартире, где уже имелась саннорма, к Раиным родственникам, старым большевикам, которые жили на режимной улице Воровского, мы получили с другой формулировкой, «неорганизованный приезд». Пришлось отцу Раи искать обходные пути. Прописали меня одного, и то на три месяца. Но этого уже было достаточно, чтобы

начать второй этап московских хождений по мукам. Списал с объявлений Мосгорсправки с десяток организаций, где требовались конструкторы: по прожекторам, медицинскому инструменту, металлорежущим станкам и др. Готов был осваивать любой вид работы.

Но во всех отделах кадров получал отказ. Где сразу, как только раскрывали паспорт, где велели прийти через несколько дней. Мне организовали встречу с начальником конструкторского отдела проектного института «Моссоветпроект». Разговор оказался обнадёживающим. Институт в то время работал над рядом проектов для открывшейся выставки ВДНХ, и конструкторы требовались. Работа в институте была бы оптимальным вариантом, так как мог решиться вопрос с моей пропиской.

8 ноября 1951 года я приступил к работе, с которой относительно быстро освоился. Всё же трехлетнее пребывание в Казани не прошло даром, появился опыт, а самое главное — уверенность, что сумею освоить новый профиль работы.

В «Моссоветпроекте» в то время работали над проектами для открывшейся выставки ВДНХ. Меня включили в работу по этой тематике. Принимал участие в разработке телемеханической системы подсветки меняющихся струйных водяных фигур фонтана «Каменный цветок», авторами которого были архитекторы братья Тупуридзе. Мною была разработана конструкция одного из центральных торшеров выставки «Колос», а так же пульт центрального управления наружным освещением выставки. Разрабатывал освещение памятника Юрию Долгорукому. Принимал участие в модернизации фонарей памятника Пушкину и других работах.

Если от моей трёхлетней работы в Казани никакого следа не сохранилось — самолёты ТУ-4 давно исчезли и остались только в памяти немногих людей, то в Москве и сегодня работают светильники, разработанные мною.

В институте я трудился 13 месяцев. За это время через Моссовет мне продлевали прописку дважды по три месяца. Итого был прописан девять месяцев, а четыре месяца работал как бы незаконно, пытаясь получить разрешение. Эти попытки превратились только в пытки. Желания бороться больше не было. Решили уехать из Москвы.

Возникла мысль попытать счастье в Белоруссии, на родине Раи. Ехали в Бобруйск, а оказались в Минске...

3 **72017**

Жизнь в Белоруссии

По рекомендации знакомых меня принял главный конструктор Минского тракторного завода Дронг Иван Иосифович. Он ознакомился с моими документами. Я ответил на ряд вопросов, в том числе какие работы выполнял в последнее время. Мне была предложена работа старшего инженера-конструктора, жильё через 2-3 месяца, а на это время - общежитие. Я то ли от растерянности, то ли для солидности, поблагодарил и пообещал завтра, посоветовавшись с родными, дать ответ. Этим ответом я себе устроил бессонную ночь. Всё боялся, что завтра может что-то измениться. Хочу отметить, может быть, и незначительный факт, но характеризующий главного конструктора как умного и интеллигентного человека. Во время нашего разговора я боялся вопроса, почему меня уволили с авиазавода. Но Иван Иосифович о причине моего увольнения догадывался.

28 декабря 1952 года, за два дня до Нового года, приступил к работе. Если не ошибаюсь, ровно через 20 лет, тоже 28 декабря, но 1972 года, тракторозаводцем стал и сын Борис.

Вспоминая и сравнивая московские хождения в поисках работы с быстрым, безо всякой дискриминации, устройством на работу в Минске, не верится, что такое могло быть в то время, когда кампания космополитизма была в разгаре, начато «дело врачей» — провокация антисемитской направленности.

Белорусская земля оказалась для меня гостеприимной, и люди, с которыми пришлось общаться, честными, с доброй душой. В дальнейшем я убеждался в том, что мои первые впечатления о белорусской земле, ставшей моей второй родиной, оказались верными.

Определили меня на работу в КБ трелёвочного трактора, начальником которого был Мавировский Николай Петрович. Конструкция трелёвочного трактора КТ-12, который выпускался тогда заводом, была разработана в КБ Ленинградского Кировского завода и передана в Минск для производства.

Впервые о трелёвочных тракторах я узнал, только придя на завод. С первых же дней пришлось усиленно заняться изучением новой для меня техники. Большую роль в моём становлении сыграл прекрасный коллектив и высококвалифицированные руководители, которые меня многому научили. Особенно много полезного я перенял от общения с главным конструктором Иваном Иосифовичем Дронгом, который начал свою конструкторскую деятельность ещё в 1931

году на Сталинградском тракторном заводе. Высокий инженерный уровень тракторной техники в стране более полувека был обязан его таланту. Это и первые тракторы СТЗ-15/30, и знаменитый СХТЗ-НАТИ, тягачи для военных нужд, тракторы КД-35, КТ-12, ТДТ-40 и «Беларусь». Государство высоко оценило его заслуги, дважды присвоив звание лауреата Государственной премии и наградив многими орденами и медалями. И.И. Дронг был профессором. Уйдя с завода, работал в Министерстве автотракторной промышленности и главном научно-исследовательском институте НАТИ. Умер в 1993 году на 86-м году жизни.

С приездом Раи встал вопрос о её работе. Это совпало с ещё продолжавшейся гнусной кампанией, связанной с «делом врачей».

Придя в окружной военный госпиталь, куда требовался невропатолог, и встретившись с начальником неврологического отделения подполковником Васильевым Макаром Алексеевичем, получила от него в очень вежливой форме отказ. Он честно объяснил, что кадровики её не пропустят. Однако попросил Раю оставить свой адрес. Впоследствии я ближе узнал Алексея Макаровича как умного и честного человека.

Раины хождения всё-таки дали результат. Требовался врач на сезонную работу в спецсанаторий «Несвиж». В общем, для партийной и советской номенклатуры. И вот чудо — её приняли. Для меня этот факт до сих пор остаётся загадкой.

Санаторий размещался в старинном замке Радзивиллов с парком, прудами. Райское место.

Прошло несколько месяцев. Сталин умер, власти вынуждены были признать, что так называемое «дело врачей» было сфабриковано, врачи выпущены на свободу и реабилитированы. Примерно в это же время пришла открытка с приглашением Рае на переговоры по поводу работы в госпитале.

Осенью 1953 года Рая приступила к работе в окружном военном госпитале, в небольшом, но дружном коллективе неврологического отделения под руководством замечательного человека, полковника медицинской службы Васильева Макара Алексеевича.

…В октябре месяце с конвейера впервые сощёл серийный трактор «Беларусь» МТЗ-2 — первенец знаменитого впоследствии семейства тракторов. Он был детищем конструкторов завода. В разработке модели мне не пришлось участвовать, к моему приходу на завод конструкция была уже в основном разработана. Зато на всех последующих этапах её модернизации, в разработке новых тракторов семейства принимал непосредственное уча-

стие. В 1954 году и начале 1955 года - в разработке более мощного трелёвочного трактора ТДТ-60, который был рекомендован к серийному производству. Для этого трактора мною была разработана кабина - один из важнейших узлов трактора.

Это был первый опыт разработки такого узла конструкторами МТЗ, так как первые тракторы «Беларусь» кабины не имели. Опыт окаудачным благодаря ряду нестандартных решений, осуществлённых в конструкции кабины. Эта первая большая самостоятельная новья Раи и Леонида. работа сыграла значительную роль в моём становлении как конструктора новой для меня техники.

В 1955 году Минский тракторный стал специализировался на производстве колёсных сельскохозяйственных тракторов. Конструкторский отдел МТЗ подключился к работам по созданию электротрактора средней мощности на базе трактора «Беларусь». В сентябре того же года в отделе создается новое конструкторское бюро по электротрактору, и меня назначают его начальником. Позже я перешёл в КБ серийного трактора «Беларусь» руководителем группы электрооборудования и внешнего оформления,

Следующий 1957 год оказался для нашей семьи знаменательным и радостным, 14 марта родился второй сын Яша, названный в честь моего отца. Родился уже в новой квартире, единствен-

в котором проработал до 1960 года.

Леонид Яковлевич Трембовольский на Минском тракторном заводе.

Яша и Боря Трембовольские, сы-

ный член семьи, не познавший жизнь в коммуналке. Так же, как и с нашим первенцем, уже не опасаясь соседей, был совершён еврейский обряд. Организовал это мероприятие снова Раин отец. Правда, специалиста везти из Москвы не пришлось, обошлись местным...

Все годы моя мама мечтала о встрече со своими братьями и сёстрами, с которыми рассталась ещё девчонкой. В 70-х появились признаки того, что мечта может стать реальностью. Понемногу начали выпускать советских граждан за границу. В 1972 году пришёл вызов для выезда мамы на постоянное место жительства в Америку.

К этому времени она тяжело болела. За визой я с мамой ездил в Москву в американское посольство. А в начале декабря 1973 года мы проводили её из аэропорта «Внуково» в Нью-Йорк, снабдив подарками для братьев и сестёр и 200 долларами, максимальной суммой, которую обменяли по выездным документам. 59 лет мама не видела братьев и сестёр. Даже трудно представить радость мамы от этой встречи. Об этом говорили её письма и фотографии, которые мы успели получить менее чем за её двухмесячное пребывание в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Туксоне.

И вдруг, 26 января 1974 года, страшный звонок из Америки, о том, что мама скоропостижно скончалась от сердечного приступа. Очередное, ничем не поправимое горе, пришедшее в нашу семью. Вернулись из Америки её обручальное кольцо, часики и 200 долларов (в виде сертификатов Внешторга), которые везла с собой...

Леонид ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ

(Воспоминания публикуются в сокращённом варианте).

Воспоминания заканчиваются серединой 70-х годов. Прошло более 40 лет. Нет среди нас их автора, Леонида Яковлевича Трембовольского. Он умер в 2000 году. Но семейные традиции продолжают сыновья Борис и Яков, внуки Дмитрий, Кирилл, Раиса и Владимир. Они живут в Минске, Москве, Берлине, Нью-Йорке...

3₂₀₁₇

Старые друзья

Эта статья была подготовлена к печати весной сего года, когда её автор — председатель Белорусского общественного объединения евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей, вице-президент Международного союза евреев — бывших узников нацизма Михаил Абрамович Трейстер уже был смертельно болен.

Он ушёл из жизни в День Победы — в тот самый день, появлению которого в своё время посвятил один из самых серьёзных и значительных периодов своей жизни.

Михаил скончался 9 мая 2017 года, на второй день после своего 90-летия.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Когда Михаил в июле 1941 года оказался узником Минского гетто, ему было только 14 лет, но его приняли в состав антинацистского подполья.

Спустя два года его из гетто перевели в концлагерь СС, располагавшийся здесь же, в Минске, — печальной памяти «лагерь на Широкой». Он смог бежать, пробрался в партизанскую зону и до прихода Красной армии воевал в знаменитом еврейском партизанском отряде Зорина (отряд № 106), принимал участие в операциях по выводу узников из Минского гетто.

После войны, получив техническое образование, в течение 45 лет работал в области энергетики.

С осени 1988 года принимал активное участие в еврейском общественном движении, являлся делегатом многих международных конференций и съездов.

Михаил Трейстер — автор книг «Проблески памяти» и «Обложка партбилета». Стал известен как автор афоризмов, которые называл матрейками — от своего литературного псевдонима Матрей, составленного из инициалов и первого слога фамилии.

В 1972 году его афоризм «Зоопарк — единственное место, где звери могут посмотреть на нас, не рискуя жизнью», был отмечен премией газеты «Неделя» «За лучшую миниатюру года».

С 1973 года, после посланного в «Литературную газету» афоризма: «Антисемитизм — единственная тема, в которой "народ и партия едины"», Трейстера более не публиковали вплоть до периода Перестройки.

Яков БАСИН

Михаил ТРЕЙСТЕР

МЕМУАРЫ

Моим учителям и коллегам, первоклассным специалистам-электрикам, невинно пострадавшим в конце 60-х годов на очередной волне государственного антисемитизма, посвящается.

Все события подлинные.

ЧАСТЬ І. КГБ

Осень 1968 года...

– Миша, – сказал Олег, глядя мимо меня, – тебя приглашают в КГБ.

Когда-то вместе учились, бывали в одних компаниях. С тех давних пор в междусобойном обиходе мы были Олег и Миша, ну а на планёрках, техсоветах и вообще на людях, он был Олег Васильевич — директор института «Энергосетьпроект», а я — Михаил Абрамович — главный специалист-электрик. Разговор происходил у него в кабинете.

- Зачем я им понадобился? поинтересовался я, понимая, что звучу фальшиво.
- Возможно, по делу Леопольда. Тут у нас уже многих таскали.
  - Да, я слышал. На когда вызывали?
- Сегодня на 14.00. Там тебя встретит следователь Горшков.

Оставалось сорок минут.

- Ну, так я пошёл...
- Да, и он впервые глянул на меня в упор, но это уже был взгляд не Олега, а директора, прошедшего райкомовскую школу, человека Системы.

Поднялся в отдел, сунул в карман книжку (к ней ещё вернёмся) и вышел.

Вы замечали, что моторы львовских автобусов обычно работают, как после второго инфаркта? Именно таким оказался и мой № 18, но под его стоны и всхлипывания хорошо думается, а подумать было о чём. Значит, добрались, родимые, и до меня, а я думал, пронесёт...

Леопольд Соломонович Гринблат — старейший и самый опытный специалист с незапамятным стажем, слегка пуганный в 37-м, человек с симпатичной лошадиной физиономией, добрый, почти не имевший врагов — вдруг исчез... Поползли слухи один дичей другого. На собрании Олег Васильевич сообщил ошарашенным сотрудникам, что Леопольд Соломонович арестован «за преступления, находящиеся в компетенции органов госбезопасности». А посему коллективу, который, в основном, здоровый, необходимо срочно повысить бдительность, а заодно производительность и качество продукции. «В основном, здоровый коллектив» ахнул и обещал немедленно повысить всё, что положено.

Я, один из немногих, знал, в чём заключалось преступление, «находящееся в компетенции».

Выйдя на пенсию и растянув директивные два месяца подработки на весь год, Леопольд приходил консультировать раз в неделю, что устраивало дирекцию (редкий специалист) и его самого (возможность хоть иногда отдохнуть от жены).

Под воздействием высвободившейся энергии и энтузиазма, рождённого Шестидневной войной, он вспомнил, что является не только электриком, но и евреем, и весь жар души отдал сбору всего, что связано с Израилем: книг, карт, фотографий, писем и т.д. Кое-что размножал и, как каждый истинный собиратель, старался поделиться этим с возможно большим количеством евреев — друзей, знакомых и сотрудников. Одни брали из интереса, другие — из вежливости. Передавали друг другу. Естественно, кое-что побывало и у меня.

Но нужно учесть, что после войны 67-го года «жидовская морда» превратилась в «лицо агрессора», не дававшее покоя «всему прогрессивному человечеству». Ещё нужно учесть, что концентрация стукачей в любом «здоровом» коллективе граничила с выпадением в осадок. Стоит ли при этом удивляться, что добрейший Леопольд вскоре оказался в месте известном и вполне надёжном: круглой внутренней тюрьме КГБ.

Обо всём этом я думал в инфарктном автобусе. Поднимаясь по парадной лестнице КГБ, вспомнил два анекдота о дверях этой конторы. Первый: «Дверь на ремонте. Просим стучать по телефону». Второй: «Наружная ручка двери стёрта до основания, внутренняя — совсем новенькая».

3 **7**2017

Нет, дверь была вполне исправна, так что стучать можно было старым способом, правда, стукачи обычно входили не с парадного входа, а с бокового (с ул. Комсомольской). «Гостей» же завозили в спецтранспорте с улицы Урицкого, прямо к нынешней обители Леопольда. Поэтому начищенные до блеска ручки имени одинаковый износ. Значит, в парадную дверь сколько народа входило, примерно столько и выходило, что меня слегка успокоило.

Пустой вестибюль. Прямо напротив входа — огромный бронзовый бюст железного Феликса. Тишина... Вдруг Феликс Эдмундович приятным баритоном произнёс:

 Михаил Абрамович, поднимайтесь сюда, пожалуйста.

Я вздрогнул и уставился на рыцаря революции. Нет, он был молчалив и безучастен. Я осторожно поднял глаза выше. Прямо над макушкой первого чекиста, опёршись на балюстраду второго этажа, стоял худощавый, со вкусом одетый человек, немного за пятьдесят, и, улыбаясь, показывал на правую от меня лестницу.

Так я познакомился со следователем КГБ полковником Горшковым. Встречаясь с этими людьми до и после описываемых событий, я заметил, что, вызывая человека, они стараются в первый момент наблюдать за ним из незаметной для него позиции. Видимо, это позволяет оценивать его состояние (тревога, страх) по внешним признакам поведения, что облегчает дальнейшую обработку.

Что касается моего тогдашнего состояния, то, насколько я могу оценить его сейчас, я знал, что не расстреляют и, скорее всего, не посадят - не те времена. Но знал также и то, что эти «ребята» не для того раскручивают «дело», чтобы потом извиниться и прекратить его за отсутствием состава. Знал и то, по чьей команде оно раскручивается. Так что будут крутить до упора, и с работой, скорее всего, придётся расстаться, при всей смехотворности «преступления». Так оно потом и получилось, но об этом позже. Во всяком случае, всё это рождало досаду, а это чувство вместе со страхом во мне как-то не уживается: или — или. Кстати, это, отчасти, объясняет некоторые нюансы моего последующего поведения. А пока мы с ним идём по длинному пустому коридору. Долго идём.

- Вы у нас впервые?
- Нет, бывал в конце 47-го.

Вопросительный полуоборот:

- На предмет?
- Приглашали на работу, и, увидев удивлённо поднятую бровь, пояснил: — Занимался спортом, в комсомол вступил в партизанском отряде, ну и брат после фронта работал в вашей системе, так что, видно, подходил.
  - Ну и?..
- Брат отсоветовал. Думаю, правильно сделал, учитывая последующие события.
  - Вы это о чём?
- О сорок восьмом пятьдесят втором годах.
  - Понятно...

Ещё бы, чтоб не было понятно. Чьих ещё рук было убийство Соломона Михоэлса, массовая «борьба с безродными космополитами», «Дело врачей», расстрел членов Еврейского Антифашистского комитета?

Но мы уже пришли. Небольшой кабинет. Стол, диван. Он за столом. Я — на диване. На столе, справа от него, стопки книг, как потом оказалось, изъятый «компромат». Много книг. Потрудился Леопольд...

Трёхчасовый допрос начался для меня несколько неожиданно.

- Михаил Абрамович, последнее время мне много приходится иметь дело с евреями и, по процедуре, я обязан задать вам вопрос: переводчик нам нужен?
  - Простите, не понял.
- Ну, вы на каком языке желаете давать показания?
- А, вот вы о чём. Ну, если будете задавать вопросы на иврите или на идише, то потребуется: у меня с родным языком, увы, не очень, а если на русском, то обойдёмся как-нибудь.

Думаю, мой ответ и, вообще, манера поведения оказались для него не совсем привычными. Вероятно, некоторые вели себя иначе. В этом я убедился позднее на суде. Как ни странно, это, в основном, относилось к друзьям Леопольда, очень пожилым пенсионерам, которым и терять-то было нечего. Видимо, сказывался синдром 37-го.

Если для экономии места вопросы и ответы первого часа спрессовать в блоки, то получится примерно следующее.

Вопросы:

- Вы коммунист? Догадываетесь, зачем вас

пригласили? Леопольда Соломоновича знаете? Что за человек? Чем занимался? Что-нибудь замечали? Знаете, за что он арестован? Что кому давал? А вам? Вы в этом уверены? Попытайтесь вспомнить. А всё-таки? Это очень важно. Вам это ничем не грозит. Ну, читали и читали, подумаешь... И т.д., и т.п.

Ответы:

— Беспартийный. Зачем пригласили, не знаю. Леопольд — человек порядочный, специалист от Бога. За что сидит, сообщали, но деталей не знаю. Понимаю, что важно, раз посадили такого человека. Мне он ничего не давал. Память у меня хорошая. Ничего не замечал... И т.д., и т.п.

На втором часу тон вопросов (да и ответов)

- Дети есть? Не забывайте, где работаете. У вас ведь и допуск есть. Диссертацию пишете. Не забывайте, что мы многое можем... И т.д.
- Есть дочь. Четыре года. Где и кем работаю, знаю. Знаю и ваши возможности. Но вы меня не пугайте. Свою норму страха я уже съел лет 25 тому назад в концлагере СС.
- Нет, нет, я и не думал вас пугать. И о лагере мы знаем. Ведь всё это в ваших же интересах. Кстати, не помните, что вам давал N (фамилию опускаю)?

Значит, раскололся, козёл, и мне ничего не сказал, хоть виделись сто раз в библиотеке, где он работал. Потом оказалось, что и другой (фамилию опускаю) тоже разговорился. Зря, значит, я играл в партизана на допросе. Пришлось «вспомнить» о двух книгах, переданных мне этими людьми. Потом ещё час перетягивали канат по поводу какой-то карты «Великого Израиля», которую я ни до, ни после в глаза не видел. Дошло до угроз немедленно выехать ко мне домой с обыском за этой картой. Далась им эта география...

Самое интересное было в конце, когда он сел писать протокол, а я сидел на диване и скучал, глядя на кучу «компроматных» книг на столе, пока не вспомнил о своей книжке. Достал из кармана и стал читать. Прошло минут десять — он скрипит пером, я читаю, и вдруг резкий вопрос, почти окрик:

– Что это вы там читаете?

Видно, решил, что я взял какую-нибудь «бяку» со стола.

- «Семеро среди пингвинов».
- Что, что?
- «Семеро среди пингвинов». Француза одного. Об антарктической экспедиции. Очень интересная вещь. Можете посмотреть.

- Так...

Удивление и досада на лице и в голосе: он, понимаешь, вкалывает, а разоблачённый пособник сионизма, видите ли, интересуется пингвинами. В 37-м показали бы тебе пингвинов и французов заодно...

Протокол оказался грамотным и неожиданно объективным. После подписания и традиционного предупреждения о неразглашении, он проводил меня до железного Феликса, протянул руку и, глядя мне прямо в глаза, откровенно признался:

- Не нравитесь вы мне.
- А вы мне нравитесь.

И я не лукавил: нормальный мужик, неглупый и вполне интеллигентный. Не жлоб. Ну, а служба — она и есть служба. Через пару лет он умер, так и не успев покончить с сионизмом. Бог ему судья.

ЧАСТЬ II. СУД

Суд проходил в начале 1969 года. Зал заседаний городского суда был переполнен. Ведь преступление-то было «государственное» — группа евреев «читала и одобряла» литературу, изданную в Израиле и не проверенную нашими «нравоохранительными» органами. При этом надо учесть, что обстановка была накалена недавней Шестидневной войной на Ближнем Востоке и рукой «дружеской» помощи, протянутой Чехословакии.

Ну, то, что читали — понятно. Признались. А вот откуда следствие взяло, что «одобряли» — это до сих пор остаётся для меня загадкой. Но именно с такой формулировкой сразу после суда всех «читателей»-коммунистов исключали из партии, преподавателей вузов и ведущих специалистов научно-исследовательских, проектных институтов и наладочных организаций — уволили с работы или понизили в должности.

Главным обвиняемым был Леопольд Соломонович Гринблат. Мы, рядовые «читатели», проходили как свидетели. Нас запускали по одному и после опроса оставляли в зале.

Подошла моя очередь. Сначала был зачитан

372017

протокол моего допроса в КГБ, потом я отвечал на вопросы членов суда и сторон. Точнее, одной стороны, поскольку защитников я в зале суда не заметил. А если они и присутствовали, то, скорее всего, были настолько ошарашены «дерзостью преступления», что просто потеряли дар речи.

Я сказал, что Леопольд — человек уважаемый, специалист от Бога, а если и увлёкся не той литературой, то это от избытка времени и энергии после ухода на пенсию. И что он больше не будет. Или что-то в этом роде.

Насколько помню, никто из свидетелей, опрошенных после меня, ничего плохого о Леопольде тоже не говорил. Запомнился один весьма почтенного возраста пенсионер из числа «пикейных жилетов», у которого при обыске, кроме «запрещённой» литературы, нашли его собственные «антисоветские» стихи. Они и были зачитаны. Так вот, этот «поэт» заявил, что у него в активе есть немало и патриотических стихов, и потребовал, чтобы ему дали возможность зачитать и их. Не дали. И правильно сделали, поскольку «антисоветские» были бредом сивой кобылы, а патриотические вряд ли могли быть лучше. Стихомания - болезнь неизлечимая. Было грустно и немного смешно, хотя нам тогда было далеко не до смеха.

В первых рядах сидели «литературоведы в штатском» и кадровики из организаций, где служили инфицированные вирусом инакомыслия. После «дела врачей» я вновь почувствовал дыхание пропасти, разделяющей нас и всю эту «королевскую рать». В последнем слове Леопольд осознал содеянное, признал вред, причинённый Родине, покаялся и попросил отпустить его с тем, чтобы он мог продолжить работу на благо своей семьи, своей организации и родного государства.

Зачитали приговор. Дали Леопольду ровно столько, сколько он уже отсидел. В таких случаях у них бухгалтерия всегда сходилась без остатка в пользу сидельца. Система работала без сбоев.

Всем «читателям» было вынесено частное определение с точным указанием места работы, занимаемой должности и степени участия. Среди соучастников трое — из нашей организации: два начальника отделов и я, главный специалист.

ЧАСТЬ III. ПЕРСОНА NON GRATA

Назавтра, придя на работу, сразу ощутил, что атмосфера вокруг меня сгустилась до почти осязаемой плотности. Как и прежде, ко мне приходили на консультацию, но во всём чувствовалось, что я здесь уже не жилец. Последний акт драмы начался с первого или, так называемого, спецотдела, которым руководила молодая и довольно милая женщина, жена полковника КГБ. За сроком давности могу признаться, что прежде она выказывала мне повышенные знаки внимания, хотя мы так и не перешли черту, отделяющую флирт от очередной стадии служебного романа. К сожалению. Так вот, пригласив меня в это «святилище государственных тайн», она, запинаясь и краснея, сообщила мне, что, к её огромному сожалению, я лишён допуска к работе с секретными материалами. А поскольку часть моей работы (трассы АЭП) базировалась на топографических картах генштаба, а уже раскрученная диссертация - на закрытых статистических данных, то на всём этом был поставлен жирный крест.

Это был обычный для КГБ способ, позволяющий при отсутствии каких-либо правовых оснований «съесть» человека, лишить его допуска и тем самым, по сути, объявить ему запрет на профессию.

При этом человек не только не мог обжаловать это решение, но даже узнать причину. А я, как назло, об ту пору как раз находился на взлёте своей карьеры: был «замечен» союзным Министерством энергетики и электрификации и по его поручению в 1967 году три месяца провёл на Дальнем Востоке, где выполнял правительственное задание — ТЭД (технико-экономический доклад) по ускорению электрификации Сахалина и Камчатки. Небывалая честь для периферийного специалиста с другого конца Союза. Кроме того, это частично совпадало с темой моей диссертации. Впереди, как говорится, было небо в алмазах. И вдруг такая напасть...

На следующее утро состоялся разговор с директором, к которому я уже был психологически готов.

- Садись, Миша. Я очень сожалею, но вынужден поставить вопрос о твоём понижении в должности.
  - До какой отметки?

- Ну, не знаю... Наверное, до старшего инженера...
- Я понимаю, что не всё от тебя зависит, но ты ведь знаешь, что Москва заинтересована в моей диссертации, а для её завершения мне нужны ещё год-полтора... Я готов это время поработать руководителем группы.
  - Хорошо, мы подумаем...
  - Когда будете решать?
  - Завтра. На партбюро. Нас поджимают.

Днём я узнал, что они подумали и всё-таки решили: понижать до старшего, то есть сразу на две ступени. Узнал и о том, что на этом настоял один из главных руководителей института, мой сокурсник по энергофаку (фамилию опускаю). И обосновал толково: если понизить до «рука», а те, кто заказал музыку, сочтут, что этого мало и надо понижать дальше, то я как руководитель группы буду иметь право обратиться в суд, где даже с учётом нашего «позвоночного» права их аргументация окажется смехотворной. А главный специалист — должность административная и, чтобы его «съесть», достаточно простого решения «треугольника с тремя тупыми углами». Здесь я бесправен.

Толково всё продумал мой институтский товарищ. Не зря после окончания института долго работал в каком-то техническом отделе КГБ. А ведь неплохой был мужик — в войну командовал пулемётным взводом. Видно, на гражданке нужен какой-то другой вид мужества. В этом я убеждался часто и продолжаю убеждаться ежедневно.

Аналогичные собеседования прошли с двумя другими «одобрителями», и в конце рабочего дня мы, не сговариваясь, подали заявления «по собственному желанию». Это формально. А фактически — по нежеланию участвовать в завтрашнем фарсе. А в результате, два ведущих отдела остались без начальников, третий — без главного специалиста. И всё в один день.

ЧАСТЬ IV. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Назавтра все трое пошли искать работу, а поскольку мы были достаточно известны в электротехническом мире, по городу поползли слухи: евреев-электриков выгоняют с работы.

Не остались в стороне и остряки: «Не бывает дыма без огня. Наверное, что-то продали Израилю, возможно, закон Ома, а может быть,

даже правило буравчика. Эти на всё способны».

Я начал поиск с организаций, где меня хорошо знали, где работали по моим проектам, откуда обращались за советами. Оказалось, что в одной из них нет вакансий, в другой — нужен допуск, в третьей — главный инженер (фамилию опускаю), мой бывший коллега по техникуму и боксу, готов обеими руками, но директор боится, хотя всем было известно, что не директор, а именно он играл в этом институте первую скрипку. И этому не хватило пороху, а ведь на ринге не пасовал.

Нашлась всё же организация, куда меня приняли на должность старшего инженера. Забегая вперёд, скажу, что там я проработал 24 года, спустя полгода стал руководителем группы, ещё через год - главным инженером проекта. Там я обрёл надёжных коллег и друзей. В их числе – один из главных друзей моей жизни, как ни странно, начальник первого отдела, парторг, бывший полковник разведки, незабвенный Георгий Леонидович Зотков. Лет через пять после описываемых событий я случайно (не от него) узнал, что, когда возник вопрос о моём выдвижении на «главного», а партбюро вспомнило о моём «колпаке», он пошёл в КГБ и добился там снятия всех запретов. Этот уникальный человек погиб в 1988 году в автомобильной аварии. Сегодня его вдова Евгения Георгиевна – в числе моих ближайших друзей, которым я всегда готов оказать любую посильную помощь. Однако вернёмся в 1969-й.

Уже оформившись в новую организацию, я получил открытку: «Прошу зайти по интересующему Вас вопросу». Автор — заведующий отделом института ЦНИИМЭСХ доктор технических наук Виталий Кузьмич Плюгачёв. Он проталкивал в жизнь одну идею, позволявшую сэкономить по стране многие тысячи тонн алюминия, идущего на провода ЛЭП. Однако мне (и не только мне) было ясно, что недостатки предлагаемой им системы сводили на нет все её преимущества, и я на всех конференциях открыто выступал против его детища. При этом был уверен, что Виталий Кузьмич считает меня своим злейшим врагом.

Так вот, он битый час уговаривал меня пойти к нему главным инженером лаборатории, обещая защиту диссертации в течение года: «Вы всю жизнь работали на них, поработай-

 $3\sqrt{2}$

те пару лет на себя». Я понимал, что там мне предстоит отстаивать систему, против которой выступал все эти годы. Поэтому поблагодарил и отказался, но сохранил глубокое уважение к человеку, протянувшему руку помощи своему идейному противнику, к тому же сидящему «под колпаком».

Но самое интересное случилось потом. Дней через 8-10 после моего ухода меня пригласил заместитель главного инженера института, в котором меня «съели», партийный активист Николай Вячеславович Карпович. Это был человек умный, грамотный и глубоко порядочный. Пользуясь этими его качествами, дирекция иногда использовала его в ситуациях, в которых ему не следовало бы оказываться. Думаю, что это и его самого тяготило. Когда-то у костра, на рыбалке, он попытался преподать мне основы партийной морали, но я тогда ему сказал:

— Не надо, Коля. Если я не всегда говорю, что думаю, то, в отличие от тебя, могу себе позволить роскошь не говорить того, чего не думаю. Давай лучше выпьем.

Так вот, получив приглашение, прихожу и слышу:

- Мы решили предложить тебе вернуться назад руководителем группы.
  - Что так?
- Приезжала Аня Халфен... Ну, мы подумали... И вот... Решили...

Аня была аспирантом двух московских докторов наук — Левина и Эбина, которые были крайне заинтересованы в моей теме. Мои разработки могли послужить для них неким сырьём в их глобальных исследованиях.

- Аня и со мной встречалась. Я ей объяснил ситуацию. Но ты что-то темнишь. Чувствую, что дело не только в этом.
- Правильно чувствуешь. Но это строго между нами. Нас вздрючил горком: «Мы вам сказали их попугать, а вы сразу к стенке. Теперь весь город гудит. Только этого нам не хватало».
  - Перебдели, выходит?
  - Выходит, что так...
  - Горком, говоришь? А я думал, что КГБ.
- КГБ только инструмент, вооружённый отряд КПСС.
  - Понятно. Ну что тебе сказать... Во-первых,

Ане я уже сказал, что этой темой я больше заниматься не смогу, и объяснил почему. Вовторых, я уже работаю, и новая работа меня устраивает. Ну, а в-третьих, я ведь предлагал компромисс. А теперь скажу тебе как другу: чем возвращаться к вам после всего, что было, лучше — в таксисты. К тебе у меня претензий нет, так что — до следующей рыбалки.

Так и закончилась моя эпопея, начавшаяся с визита в КГБ. Могу лишь добавить, что после всего этого мои бывшие сотрудники десять лет приходили в новую организацию, где я работал, на мои дни рождения с цветами и коньяком, вызывая удивление моих новых коллег. Похоже, это была несколько запоздалая форма пассивного протеста против произвола властей.

У других «государственных преступников» сложилось по-разному. Кто-то постепенно достиг прежнего уровня. Иные так и не смогли реализовать свой уникальный опыт и квалификацию. Кое-кто от морального потрясения и незаслуженной обиды преждевременно ушёл из жизни.

Имена некоторых из пострадавших приведены в эпилоге этого рассказа. В главном проигрыше, как всегда, оказались экономика и наука.

ЧАСТЬ V. ЛЕВ РОГОВ

Хотел бы привести здесь рассказ одного из «попавших под каток», бывшего фронтовика, вступившего в партию между двумя атаками, крупнейшего в республике уникального специалиста по релейной защите и автоматике энергосистем, человека прямого, честного и смелого — Льва Давидовича Рогова, пусть земля ему будет пухом.

Так вот, исключили его из партии, уволили с работы и зарубили уже готовую диссертацию за чтение книги Леона Юриса «Эксодус». Кстати, и меня ведь «съели» за неё же и ещё за книгу Давида Бен-Гуриона «До и после Синайской кампании».

Однако Рогов вскоре обнаружил, что эта книга на английском языке свободно выдаётся в Московской центральной библиотеке. Подал апелляцию в Комиссию партийного контроля (КПК) своего райкома. Отказали. Потом — горком. Опять отказ. Так дошёл до Комитета партийного контроля ЦК КПБ. Пришёл в назначенный час. В зале ожидания слоняется куча штрафников из низовой партийной элиты. Кто — за пьянку, кто — из-за баб, кто — на руку не чист. И он среди них, одинокий бедолага-«сионист».

Пришёл его черёд. Заходит. Длиннющий стол. На дальнем торце стола — Пётр Миронович Машеров, по бокам вдоль стола — синклит, на другом торце, метрах в пятнадцати от Машерова — «сионист». Секретарь зачитывает перечень злодеяний «сиониста», главные из которых — «чтение и одобрение». Артистичный Пётр Миронович недоумённо широко разводит руками:

Коммунизм и сионизм?! – давая тем самым понять, что это вещи несовместные.

Не мог предвидеть покойный Пётр Миронович, что через пару десятков лет многие из ещё недавно идейных коммунистов репатриируют в сионистское государство Израиль.

И уж никак не мог даже в самых фантастических размышлениях предположить, что самыми ревностными христианами, мусульманами и иудеями станут именно коммунисты, а телевидение будет показывать, как бывшие секретари обкомов и ЦК толпятся со свечками у алтарей и восстанавливают храмы, взорванные их предшественниками. Воистину, неисповедимы пути Господни! А пока Лёва Рогов, глядя Машерову прямо в глаза, режет:

- Я имею такое же отношение к сионизму, как вы - к католицизму!

Немая сцена. Свита побледнела. Пётр Миронович, сохраняя выдержку:

- Кто «за»? «Против»? «Воздержался»? Никого! Единогласно. Вам в восстановлении отказано. За вами оставлено право вступать вновы на общих основаниях.
- Я в партию вступал на фронте и вторично вступать не собираюсь.

– Это ваше дело. Вы свободны.

Вот так Лёва Рогов, фронтовик, человек абсолютно интернациональной закваски, честный коммунист, навсегда расстался с родной КПСС.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

О судьбах некоторых пострадавших.

ГРИНБЛАТ Леопольд Соломонович — старейший инженер-электрик республики. Умер.

МИНКОВСКИЙ Даниил Игнатьевич — кандидат технических наук, доцент БПИ. Был уволен из института. Умер.

СЛЕПЯН Яков Юльевич — кандидат технических наук, доцент БПИ, участник войны. Был исключён из партии и уволен из института. Умер.

РОГОВ Лев Давидович — крупнейший специалист по релейной защите и автоматике энергосистем, участник войны. Был исключён из партии, уволен из НИИ и лишён возможности защитить готовую диссертацию. Умер.

ДЕЙЧ Семён Моисеевич — начальник технического отдела института «Энергосетьпроект», известный специалист в области ЛЭП высокого и сверхвысокого напряжения, бывший узник нацизма. Был вынужден уволиться. Эмигрировал в США.

ДРЕЕР Семён Геронимович — начальник отдела релейной защиты и автоматики института «Энергосетьпроект». Отличный специалист и организатор. Был вынужден уволиться. Репатриировался в Израиль.

ГРАЙФЕР Иосиф Овсеевич — начальник участка треста «Белпромналадка», крупнейший специалист, бывший узник гетто. Был уволен. Работал главным энергетиком завода. Умер.

О судьбе остальных мне не известно.

Хочу узнать о жизни своих предков.

Мой отец Игорь Шапиро, дед — Исраэль Шапиро, и другие предки по фамилии Шапиро из города Мозыря.

Dmitry SHAPIRA, shapiro.net@gmail.com

Ищу любые данные о расстрелянной семье моей бабушки в местечках Белыничи и Головчин (Могилёвская обл.) осенью 1941 года. Фамилии родственников: Розман и Стрельцин.

ЯДОВА Алина, alinayadova@gmail.com 3 **7**2017 111

ANNES CNGBO

После публикации в газете «Авив» (сентябрь — октябрь 2006 г.) статьи «Богатыри» (о евреях тяжелоатлетах Беларуси), ко мне обратилась дочь одного из персонажей Людмила Кападжаева-Верхлина:

— Напишите, пожалуйста, подробнее
о моём отце.
Это был человек, которого любили не
только члены
семьи, но и все,
кто с ним так
или иначе общался.

Спортивная династия

К 100-летию со дня рождения Заслуженного тренера БССР Александра Верхлина

Я познако-

мился с двумя дочерьми Верхлина — Людмилой и Ларисой, побеседовал с его соратниками по спорту, прочёл воспоминания спортивных журналистов, посмотрел семейный архив...

Родился Александр Залманович Верхлин в 1918 г. в Екатеринославле (с 1926 г. — Днепропетровск). У его родителей было шестеро детей. Вскоре семья перебралась в Белоруссию.

В начале 30-х годов жили в Гомеле. Работать Александр начал рано: надо было помогать семье.

Первая запись в его трудовой книжке — май 1933 г., артель «Металлобытремонт». Было ему тогда 15 лет.

Как и большинство сверстников, мальчик увлекался спортом. Он быстро бегал, высоко прыгал, любил поднимать двухпудовую гирю, играл в модные тогда городки.

Организаторскую жилку Саши заметили спортивные руководители города и предложили ему в январе 1936 г. стать инструктором физкультуры Гомельского спортобщества «Спартак».

В то время в стране раз-

вернулось движение ГТО — «Готов к труду и обороне».

Значок ГТО второй ступени под № 53439 ему вручили в сентябре 1938 г. приказом Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР.

Я не случайно так много рассказываю об этом значке. Потому что и после войны получить его

было очень престижно, но трудно. Нужна была хорошая спортивная подготовка. Комплекс ГТО включал физические упражнения из различных видов спорта (лёгкая атлетика, гимнастика, плавание, лыжи, стрельба, велогонки и так далее).

С тех пор Александр Верхлин почти 60 лет

отдал спортивной деятельности. Был, правда, перерыв в этой работе, связанный со службой в Красной армии и фронтовой жизнью.

Осенью 1938 г. Верхлина призвали на военную службу. Проходила она в грузинском городе Батуми, где он обучался профессии военного связиста.

Через год во время командировки в столицу Грузии познакомился с Фирой Шефер. Они сразу понравились друг другу, но до женитьбы дело не дошло.

Александр Верхлин (нижний ряд, слева) с боевыми друзьями-связистами, 1941 г.

Началась война. Лейтенант Верхлин ушёл на фронт. Служил на Кавказе. В бою был тяжело ранен. Осколок возле сердца так и оставался у него всю жизнь. Лечился в Тбилиси, где в швейной мастерской работала Фира. Она шила обмундирование для армии. Вскоре они поженились. Было это в январе 1942 года. (Прожили вместе более 50 лет.) А потом у лейтенанта Верхлина был снова фронт.

У Александра Залмановича два ордена и много медалей. Две боевые награды он получил лишь спустя много лет после войны. Орден Красной Звезды — в 1967 году, а медаль «За участие в героической обороне Кавказа», к которой лейтенант Верхлин был представлен в мае 1944 г., вручили ему через 28 лет. К счастью, награды нашли героя.

Закончилась война, и Александр Верхлин вновь занялся спортивной работой. Вскоре он узнал, что правительство БССР обратилось в спортивные организации многих республик с просьбой оказать помощь кадрами.

Верхлин, у которого был уже маленький сын, решил с семьёй переехать в Белоруссию, с которой у него было связано много тёплых воспоминаний. Среди вещей, которые они взяли с собой в дорогу, была и ...небольшая штанга.

Минск, куда они вначале приехали, был почти полностью разрушен. В Республиканском спорткомитете ему предложили поехать в Пинск, где он стал работать председателем областного совета ДСО «Спартак». Всё пришлось начинать с нуля.

М. Медведев и Д. Чеховский в книге «Асілак Якуба» («Силач Якуба», «Полымя», 1991) пишут: «В первые послевоенные годы возмужало новое поколение отечественных силачей. Советские спортсмены впервые стали выступать на международной арене. Это обусловило интерес к спорту вообще и к отдельным его видам в частности.

Много внимания уделялось тяжёлой атлетике. Стали традиционными конкурсы силачейлюбителей. По очереди выходили на помост здоровяки и поднимали гири. А судьи за столиками подсчитывали, сколько раз поднимают двухпудовки сначала одной рукой, потом двумя.

Семья Верхлиных. 1963 г. Слева направо: Лариса, Марат, Людмила, Александр Залманович и Фира Абрамовна.

Нашлись такие и на белорусской земле. Конкурсы гиревиков проводились не только в залах, но и на открытом воздухе.

В Пинске, например, Александр Верхлин, известный штангист и энтузиаст тяжёлой атлетики, тренер спортобщества «Спартак», выносил двухпудовую гирю на площадь, ставил на землю и приглашал желающих поднять. Прохожие останавливались, начинали поднимать её, всё больше входя в азарт. Некоторые делали это более 50 раз, после чего Верхлин приглашал их приходить на занятия тяжелоатлетической секции». (Перевод с белорусского — $C.\Lambda.$)

Кстати, в Пинске Верхлин достиг наивысших результатов в поднятии тяжестей, став чемпионом республики (1947 — 1948), а затем дважды подтвердил это звание уже живя в Минске.

В 1949 г. его пригласили в столицу и предложили должность заместителя председателя Белорусского республиканского ДСО «Спартак», затем — председателя Минского областного совета этого общества.

Десять лет Александр Верхлин стоял у руля организации. А когда потребовалось улучшить работу гомельской футбольной команды «Спартак», его направили туда. Было это в 1964 г.

Через год он вновь в Минске, на этот раз уже во главе областного совета ДСО «Красное знамя», куда входили спортивные коллективы столичных фабрик и заводов. Этой работе Александр Залманович отдал шесть лет. Столь-

 $3\sqrt{2}$

Заслуженный тренер БССР Александр Верхлин.

ко же потом возглавлял спортивный клуб Белорусского института физической культуры.

Кстати, диплом о высшем образовании он получил здесь в 1962 году. Учиться, правда, пришлось заочно.

Аюбимому детищу, тяжёлой атлетике, он отдал много сил. Несколько его учеников достигли больших успехов, а В. Турукин и И. Новик — многократные призёры чемпионатов СССР.

В книге «Белорусские спортсмены в боях за Родину» (Минск, «Полымя», 1985) в рассказе о чемпионе Европы Е. Новикове, читаем: «Конечно, он верил в себя, в свои силы. Верил в него и старший тренер республики по тяжёлой атлетике Александр Верхлин, под руководством которого белорусская дружина одержала много побед».

За большие успехи Верхлин удостоен звания «Заслуженный тренер БССР» (1966), стал судьей Всесоюзной категории.

В 1978 г. Александр Залманович ушёл на пенсию по возрасту, но продолжал работать в качестве инструктора-методиста СДЮШОР

по гребному спорту, затем — старшего инструктора в обществе «Трудовые резервы».

Только в 75 лет он окончательно оставил работу, хотя до последних дней (смерть настигла его в 1997 г.) интересовался спортивными делами республики. Таков был этот неугомонный человек.

У дочерей хранятся спортивные реликвии Александра Залмановича. Это более ста Почётных грамот, из них две за подписью Председателя Верховного Совета БССР С. Притыцкого, медалей «Активист физической культуры и спорта ДСО "Спартак"», «За активность и долголетие», «За активную работу в ДСО профсоюзов», «Активист зимнего плавания» и многие другие знаки спортивной славы.

У Александра Залмановича немалое потомство: трое детей, восемь внуков, восемнадцать правнуков и одна праправнучка. Он им привил свою приверженность и любовь к спорту.

Вспоминает дочь Людмила:

 Папа отдал меня и сестру Ларису в школу плавания, которой руководил заслуженный тренер республики Рувим Писовский.
 Зимой отец часто устраивал лыжные походы для всей семьи.

Дочь Лариса занималась баскетболом, входила в сборную команду «Спартак» (Минск), где тренером была заслуженный тренер ре-

Гюля (дочь Людмилы Караджаевой-Верхлиной) с сыновьями Марком и Женей. 2017 г.

Александр Верхлин (сын Марата, внук Александра Верхлина). Канада, 2017 г.

спублики Любовь Щукина (Сима Бермена). Старший сын, Марат, закончил школу высшего спортивного мастерства при Институте физической культуры. К сожалению, Марат умер за полгода до смерти отца в 1997 году.

Дети и внуки чтут память Александра Залмановича и стараются продолжить спортивные традиции семьи.

Старшая дочь, Людмила, много лет работала в спорткомитете при Минском горисполкоме. Она курировала четыре школы олимпийского резерва: футбола, хоккея, борьбы и гребли.

Её дочь, Гюля, увлекалась большим теннисом и фигурным катанием. До ухода в декретный отпуск преподавала йогу в центре красоты и здоровья (Минск). Сын Гюли, Марк, любит плавание и шахматы. У него третий взрослый спортивный разряд.

Дочь Людмилы, Женя, по образованию юрист. Она занималась фигурным катанием, увлекается конькобежным спортом. Растит троих детей.

Трое детей Марата живут в Канаде. Лена работает воспитателем в детском саду. У неё

Справа: Сергей Верхлин (сын Ларисы, внук Александра Верхлина) с учеником – двукратным чемпионом Израиля по тайскому боксу. 2017 г.

трое детей. Юлия закончила университет управления, работает в банке экономистом. Растит двоих детей. Александр (тёзка дедушки) трудится техником-механиком. Он активно занимается лёгкой атлетикой. Имеет двоих детей.

У дочери Александра Залмановича, Ларисы, тоже спортивная семья. Володя — электромеханик. Увлекается футболом, любит лёгкую атлетику и плавание. У него растёт сын.

Сергей закончил факультет физической культуры и спорта Минского пединститута имени М. Танка. Он кандидат в мастера спорта по тайскому боксу, многократный чемпион Беларуси. Живёт в Израиле. Работает тренером по тайскому боксу. Один из его учеников двукратный чемпион Израиля. Сергей — отец четверых детей.

Вот такой прекрасный след оставили после себя Александр Залманович и Фира Абрамовна Верхлины.

Семён ЛИОКУМОВИЧ

Cmuxu

Михаил МОЗЕНСОН

Лев ФРИШЕРМАН

***

ДЕЖАВЮ

Кто засмеётся, кто-то заплачет. Жизнь наизнанку переиначит. Кто-то полюбит, кто-то разлюбит. Всё это было. Всё это будет.

Синее небо, белые горы, Красное солнце, чёрное море. Кто-то простит, кто-то осудит. Всё это было. Всё это будет.

Старая песня о круговерти. Вечна любовь, неподвластная смерти. Ветер виски убелённые студит. Всё уже было? Всё ещё будет.

Будут вулканы в землю стучаться, Будут встречать, будут прощаться На перекрёстках жизненных судеб. Всё это было. Всё это будет.

Если придётся с жизнью проститься, В детях моих это вновь повторится Шепчут сквозь сон утомлённые губы: «Всё уже было, всё ещё будет».

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Возраст – это не диагноз. Это время сжалось в точку. Слов витиеватых праздность В книге жизни только строчки. Строчки – это чьи-то души На задворках мирозданья. Чтоб услышать, надо слушать. В них и радость, и страданье. В каждой строчке силуэты Выстроились для парада. Здесь художники, поэты, Разных прочих кавалькада. Связаны единым нервом И трагедии, и драмы. Ни последних нет, ни первых. Все равны, как свечи в храме. С каждым днём всё ближе Пушкин. И Пилат почти ровесник. Хоровод свой водят души Под напев старинных песен. Жить! В гармонии с природой, Книгу медленно листая. Да какие наши годы?... Возраст – это запятая.

Зима в местечке, снега по колено. Собаки лают, храня хозяйское добро, В сарае серый конь уткнулся мордой в сено, Суббота настаёт, и дед сегодня купит мне ситро.

Бабушка утром протопит русскую печь, Прогоревшие угли сдвинет в сторонку, Поставит горшок на горячий кирпич, ухват уберёт и задвинет заслонку,

А днём мы сядем за праздничный стол, Белая скатерть, жаркое, у деда вишнёвка, Год сорок первый ещё не пришёл, Но скоро нас посчитает винтовка.

Пока все живы, ещё год до войны, И жизнь нетороплива в местечке, И снятся евреям приятные сны, и жарко натоплены печки.

Леонид РУБИНШТЕЙН

К ТЕБЕ ВЕРНУСЬ...

Я не вернулся с той войны, Остался навсегда солдатом, Я не вернулся с той войны, Но мы с тобой незримо рядом.

Смотрю я на тебя с небес Всегда влюблённым, нежным взглядом. Прости за то, что не воскрес, Что жизнь мы прожили не рядом.

Прости, любимая, за боль, Прости за слёзы и за муки, Спасибо за твою любовь, Что не забыли меня внуки.

К тебе, любовь моя, вернусь В твоих мечтах и сновиденьях. Я обниму тебя, прижмусь, Не отпущу ни на мгновенье.

Я подарю тебе зарю. Тебе одной и нашим детям. Спасибо Б-гу говорю, За то, что есть любовь на свете.

Короткий рассказ

Xолодным мартовским утром 1957 года мама вместе с соседкой по нашей коммунальной квартире тётей Бетей собрались в синагогу.

Единственная в то время в Москве хоральная синагога находилась на улице Архипова — неподалёку от Китай-города.

Ещё накануне мы с сестрой поняли, что приближается еврейская пасха — Песах. Хотя разговор шёл на идише — считалось, что дети ничего не поймут, — мы догадались: речь идёт о покупке мацы.

Седер с пионером

Вообще, о жизни в еврейском местечке, религиозных обрядах, посещении синагоги — обо всём этом мы знали от мамы, выросшей в панской Польше.

Папа — пионер из безбожных 20-х годов, коммунист с довоенным стажем, был убеждённым атеистом, но после того, как в свинцовый октябрьский день 1942 года вся мамина семья, а это более тридцати человек, полегла во рву, выкопанном в парке замка Радзивиллов белорусского Несвижа, — всё, что касалось религиозной или еврейской темы, проходило при его полном молчании.

На следующий день на подоконнике лежали два больших пакета из серой обёрточной бумаги с непонятными синими знаками: так была упакована маца.

Спустя какое-то время мама попросила меня помочь. На обеденном столе была укреплена мясорубка и подставлена большая эмалированная миска.

Я начал крутить ручку, а мама аккуратно разламывала кое-где слегка подгоревшие листы мацы на небольшие кусочки и вкладывала их в мясорубку. В миску стекала сероватая мука из мацы — мацмел. На Песах используют только такую муку.

Накануне седера готовилась традиционная еда: рыба фиш, фаршированная куриная шейка, потрошки с яйцами, картошка с черносливом и прочее. Когда на следующий день я пришёл из школы, обеденный стол уже был накрыт белой скатертью, а на нём расставлены «тостевые» тарелки и рюмки. Отдельно на подносе лежала горка мацы, накрытая белой салфеткой.

Все ждали папу. Мама нервничала, смотрела на часы и, наконец, он появился. Помыл руки на кухне (ванной в квартире не было), и мы уселись за стол.

Бутылка крымского портвейна, повидимому, олицетворяла пасхальное вино. Мама разложила по куску фиш, украшенному звёздочкой из варёной моркови, добавила хрен, подкрашенный свёклой, папа всем наполнил рюмки, и прозвучало традиционное «Лехаим».

Спустя минут десять после начала седера в коридоре раздались три коротких пронзительных звонка. На входной двери квартиры, помимо почтовых ящиков, висел список, кому из соседей сколько раз звонить. Нам надо было звонить именно три раза.

- Кто это? - заволновалась мама.

Я, как самый младший, пошёл открывать. На пороге стоял мой приятель и одноклассник Володька Полетаев.

При виде Вовки в душе у меня как-то странно заныло. Вообще, я не стеснялся того, что я еврей, да и в школе меня не дразнили.

Но после нескольких стычек в пионерском лагере, где мне порядочно досталось, высказываний в дворовой компании, подслушанных разговоров соседей и замечаний в транспорте всё это не вызывало у меня сильного желания упоминать о своём еврействе.

— Ты что, забыл? У нас сегодня радиокружок в Доме пионеров. Пойдём пораньше, надо кое-что исправить в нашем радиоприёмнике, — затараторил Вовка.

Оставить его в коридоре я, конечно, не мог и повёл его в нашу комнату.

При появлении Вовки в пальто, из-под которого торчал пионерский галстук, мама замерла.

- Добрый вечер! поздоровался Вовка.
- Я смотрю, у вас вино и белая скатерть. Наверное, что-нибудь празднуете. А у нас сегодня радиокружок, Лёвка, скорее всего, забыл.

Тут папа громко произнёс: «Давай, раздевайся, мой руки и садись с нами. Сейчас пе-

到72017 117

рекусите и пойдёте». Папа сохранял полное спокойствие и как будто даже получал удовольствие от возникшей ситуации.

Я сбегал на кухню, принёс табуретку, мама поставила Вовке тарелку, положила вилку и ложку. Ему даже налили рюмку вина.

- Ну, будем здоровы! произнёс папа, почему-то не добавив привычного «Лехаим».
- Какая у вас странная еда, заметил мой приятель и показал на мацу.
- Это такой хлеб, который печётся без дрожжей, поэтому он такой сухой и плоский, пояснил папа.

Фиш Вовке не понравилась, зато потрошки и паштет прошли на ура. После закусок последовал бульон с клёцками, куриная шейка, картошка с черносливом.

Пока мы ели, папа оживлённо интересовался, что мы делаем в радиокружке, спрашивал, где Вовка летом отдыхает и как здоровье его родителей, с которыми он даже не был знаком. Отец Вовки был инвалидом войны и работал в какойто артели.

Мы уже собирались убегать, но мама налила по чашке компота и дала по куску бисквита из мацмел.

Всё то время, что у нас был гость, она сильно нервничала и почти молчала. Папа же, напротив, вёл себя так, как будто всю жизнь отмечал Песах в пионерской компании.

— Не забудь одеть пионерский галстук, — напомнил мне приятель. В городской Дом пионеров, который находился неподалёку в переулке Стопани, мы были обязаны приходить в красных галстуках.

Наскоро натянув пальто и шапки, мы побежали по родному Уланскому переулку в сторону Чистых Прудов. Уличные фонари давно зажглись.

Седер закончился.

Лев ГУРЕВИЧ

Эту необычную троицу можно было увидеть ежедневно в конце коридора, у окна с видом на гаражи.

Они все были не курящие, но постоянно, как на работу, приходили на это место, где обычно собирались «курцы».

Обед для маршала Ворошилова

Мирон Кононович Левин работал на телевидении завхозом.

Сколько я его знал, он ходил в одних и тех же зелёных, засаленных в некоторых местах, штанах и таком же кургузом пиджачке.

На вид ему было лет семьдесят. И несмотря на то, что будучи человеком пожилым и страдая множеством болезней, он продолжал оставаться оптимистом, поражая всех своим неистощимым юмором и иронией.

Ходили легенды о его далёком прошлом.

Рассказывали, что в 1938 году, когда все дрожали от сталинских репрессий, Мирон Кононович работал администратором ресторана Центрального Дома Красной армии.

В один из летних дней, во время учений Белорусского военного округа, в Минске ожидался приезд маршала Ворошилова.

Мирон Кононович, как администратор, отвечал за обслуживание маршала.

Накрыли стол в ресторане: маршала ждали к обеду. Мирон Кононович так закрутился в делах, что

только под вечер вспомнил, что он с самого утра сам ничего не ел.

Маршал где-то задерживался.

Около шести вечера Мирон Кононович решил, что Ворошилов не приедет.

Он спокойно сел за стол и съел маршальский обед.

Но через некоторое время приехал Климент Ефремович, его повели в ресторан покушать, но стол оказался пуст.

Начальник Дома Красной армии чуть не упал в обморок, ещё бы — 38-й год!

Но Ворошилов, на удивление, перевёл всё в шутку, сказав, что кто опоздал, тот пролетел...

После этого случая Мирона Кононовича с треском уволили, слава богу, что не посадили.

Война застала Левина в Минске. Немцы начали массовые облавы на евреев. Чтобы не попасть в гетто и не погибнуть, Левин подался в лес.

В лесу он набрёл на партизанский отряд и стал партизаном. О своём военном прошлом он рассказывать не любил, так как всю войну провоевал на кухне, готовя еду для партизан.

В партизанском отряде Левин подружился с радистом отряда — Монусом Ерухимовичем Резником, который после войны также пришёл на телевидение и стал звукорежиссёром, кстати, одним из лучших по тем временам.

Монус Ерухимович также ходил с палочкой, такой походкой, как будто у него между ног висело килограммов десять, но это не мешало ему юморить и радоваться жизни.

Третий член компании Абрам Моисеевич Новосельский — бывший артист Русского драматического театра, уволенный за профнепригодность. Но на телевидении он работал режиссёром спортивной редакции.

Когда в театре, где работал Абрам Моисеевич, пошли слухи о его увольнении, Новосельский поспорил с мужским коллективом театра, что он написает на голову директору театра и только после этого уйдёт.

Забравшись на колосники, Новосельский попросил, чтобы директора позвали на сцену.

Как только директор вышел, Абрам Моисеевич сверху стал писать ему на голову. Спор он выиграл, но из театра вылетел пулей.

Новосельский был помоложе своих друзей и более продуктивен в части придумывания баек и анекдотов...

Вокруг этой еврейской тройки всегда собиралось много бездельников и любопытных.

- Встречаются два редактора, рассказывает Абрам Моисеевич, один говорит другому: «Послушай, что делать, мне захотелось поработать?».
  - Что делать? Ляг поспи пройдёт.

– А вы слышали (подхватил эстафету Резник), один еврей в Америке купил мельницу, и что вы думаете, еврей крутится, а мельница стоит.

Стены содрогались от хохота. Работы тогда действительно было мало. Телевидение не имело собственной программы. Врезались в московскую сетку, чтобы показать свои местечковые новости. В основном сюжеты с заводов, колхозов и всякую ерунду. О политике ни слова, ещё не доросли.

- Что за народ у нас здесь работает, жалуется Левин. Поставил автомат с газированной водой, за свои деньги купил сироп, думал, соберу эти пятаки и как раз будет на сироп, так вчера открываю автомат и вместо пятаков выгребаю кучу шайбочек и железок. Здесь, на телевидении, и то воруют. Ну как дальше жить с таким народом?
- Но ты же с другим жить не хочешь? –
  Вмешался Резник.
- Хочешь не хочешь, в мои годы уже нечего менять...
- Знаешь, встречаются в море два корабля. На одном еврей плывёт из Советского Союза в Израиль, на втором из Израиля в Советский Союз и друг другу крутят пальцем у виска.

Разговор подхватывает Абрам Моисеевич:

- Слышали хохму? Исаак Цирульник принял православие!
  - Что ты говоришь?
- Да, на днях было партсобрание и его исключили из партии.
  - Цирульник?! Офицер, фронтовик...
- Что вы удивляетесь? Православие... Я работал в синагоге!!! Да, да, не удивляйтесь. Наш родной Русский драматический театр до сих пор находится в помещении бывшей синагоги. Любят нас, евреев... Вставил свои пять копеек Монус Ерухимович.
- Любят не любят, при чём здесь помещение? Им там хорошо и пусть играют на здоровье, всё равно уже молиться некому... Иных уж нет, а те далече...

Михаил ГАНКИН

3 **72017**

Летнюю сессию 1967 года в Могилёвском машиностроительном институте мы с моим соучеником Яшей Гекрайтером завершили триумфально: экзамены по всем предметам мы сдали на отлично, в том числе последний экзамен по «Технологии металлов».

Вот что значит «Физкультура»!..

Преподаватель по этому предмету выразил особое восхищение нами. По его словам, мы были первыми студентами-заочниками в истории института, сдавшими экзамен по этой довольно сложной дисциплине на «5» (через 3 года мы услышим такое же высказывание после сдачи экзамена по сопромату). Он предложил нам перейти с заочной формы обучения на дневную (это было нашей мечтой), гарантировал общежитие и стипендию. Мы немедленно согласились. Но так как он был лишь заместителем декана дневного отделения, а декан должен был приехать через два дня, то он попросил нас на это время задержаться после окончания сессии.

Через 2 дня мы в весьма приподнятом настроении (а как же иначе, ведь мы — уже почти что «дневники!...) постучались в двери кабинета декана дневного отделения, профессора, доктора наук Молочкова.

Декан внимательно изучил наши зачётки, затем медленно прочитал вслух наши фамилии, имена и отчества: Гекрайтер Яков Наумович и Бендиткис Борис Шмарьевич...

Некоторое время все молчали. Затем он попросил наши паспорта, нашёл искомый «5-й пункт», осведомился, откуда мы приехали, явно удовлетворённо кивнул и объявил: «Так как мы не проходили предмет "Физкультура" и у нас нет зачёта по этому важнейшему для будущих инженеров предмету, нам ни в коем случае не может быть предоставлено общежитие и стипендию мы, как минимум, семестр получать не будем».

Так мы заочниками и осталась.

Борис БЕНДИТКИС

«Народ и армия едины!». Вряд ли ктото станет с этим спорить. Вот только зависит всё от того, что в данный момент творится в стране. Например, в начале восьмидесятых служба в Советской армии из почётной обязанности стала медленно превращаться в вынужденную необходимость, ну а в конце честь защищать родину в её горячих точках уже вообще мало кого радовала, и многие старались, по возможности, этой участи избежать.

Каждый воин должен знать свой манёвр

Витька не был исключением. Он нисколько не сомневался, что армия — это школа мужества, но для себя лично предпочёл её заочный вариант и, перешагнув этот рубеж в восемнадцать лет, не собирался к нему возвращаться.

С тех пор минули годы. У Виктора уже был свой бизнес, жена, квартира, пара любовниц и

менять это на суровую и голодную во всех отношениях участь защитника отечества, по его убеждению, было лишено всякого смысла.

На адрес матери, где Витька был прописан, регулярно приходили повестки, периодически к ней наведывались сотрудники военкомата и даже милиция, но на их расспросы звучал один и тот же ответ.

– Вити нет, он в Москве.

Жил Витька в другом районе. Квартира, фирма, машина — всё было оформлено на жену. Да и самого его как бы и не было — при-

зрак, а не человек, фантом какойто. Его видят в городе, с ним разговаривают, а коснись, так и нет его — в Москве он.

Прилагать особые усилия для соблюдения своего инкогнито Вите и не приходилось: он торговал мебелью, а это занятие требовало частых разъездов. За годы, проведённые им в «подполье», не произошло ни одного мало-мальски серьёзного инцидента, и Виктор был абсолютно спокоен за свою судьбу.

Но, увы, ничто в нашем мире не вечно, как, впрочем, и сам этот мир. Однажды сотрудники военкомата каким-то образом вычислили истинное Витино местопребывание и очень быстро поставили его об этом в известность. Произошло это тёплым майским днём. Витька в спортивных штанах «Адидас» и в тапочках на босу ногу обсуждал у подъезда с соседом пригнанную тем из Германии новую тачку, и не заметил, как подошёл незнакомый мужчина.

- Не подскажете, в восемнадцатой квартире проживает Кравцов Виктор Михайлович?
  - А тебе он зачем?
  - Да я из военкомата, ему повестка.

У Вити от неожиданности язык намертво прирос к нёбу и, чтобы вернуть присутствие духа, ему понадобилось проделать над собой усилия.

- Ты что, мужик, охренел что ли? И Витины глаза расширились до неимоверных размеров. Он же помер!
- Как помер, когда? В свою очередь сделал большие глаза посыльный.
- Да уже с месяц, наверное. С серьёзным и немного грустным лицом ответил Витька, а затем незаметно подмигнул соседу:
- Помнишь, в подъезде его бабе ещё деньги собирали?
  - А жена его здесь живёт?
  - Да, здесь. Куда ж ей деться?
  - Одна?
- Чего одна? Нашла себе какого-то мужикаВитька ж помер.
  - А сейчас она дома?
- Не, наверное, на работе. Да ты поднимись, посмотри, может, утешишь вдовушку, серьёзно посоветовал Виктор, изобразив при этом доброжелательную улыбку. Но растерявшийся посыльный вместо того, чтобы последовать совету, попрощался и отправился разносить повестки по другим адресам. Витька же, пристально вглядываясь в удалявшуюся спину, как ни в чём не бывало, продолжил прерванную беседу.

Прецедент, как говорится, был исчерпан, но это был только первый звоночек.

Следующий прозвенел в его квартире как-то поздно вечером. Глянув в глазок, Витя увидел за дверью двух незнакомых парней и выяснил, что пришли они в столь поздний час, чтобы вручить ему повестку, причём под личную подпись. Пускать в дом непрошенных гостей он естественно не стал, а вместо этого быстренько набрал теле-

фон милиции и сообщил дежурному, что к нему в квартиру ломятся какие-то бандиты.

Спустя несколько минут на площадке послышалась возня, и снова раздался звонок. На сей раз звонил сотрудник милиции.

- Чего надо? Буркнул через дверь Витька.
- Это вы вызывали милицию?
- − Ну, я.
- Откройте, милиция.
- Нет, не открою.
- Как это не откроете? Опешил милиционер.
- Откуда я знаю, кто ты. Те двое тоже говорили, что они из военкомата.

Несколько секунд милиционер ошалело смотрел на дверь, затем махнул рукой и побежал догонять сотрудников, уводивших в машину незадачливых посыльных.

На следующий день парни заявились рано утром решительные и злые. Но само собой, Витьку уже не застали: он, как всегда, был в Москве.

Подобные визиты в дальнейшем стали повторяться с завидным постоянством, но разыскиваемый для призыва в армию субъект попрежнему оставался недосягаемым.

Как-то раз, не поинтересовавшись, кто звонит, Витина жена открыла дверь. В квартиру вошёл незнакомый военный. Он поздоровался и задал уже привычный вопрос.

- Здесь проживает Виктор Михайлович Кравцов?
- Н-нет... Вы знаете, его нет дома. Слегка замявшись, ответила женщина. А уверенности её, надо сказать, отнюдь не способствовал тот факт, что Витька в этот момент как раз был дома. Он принимал душ, и из ванной отчётливо доносились плеск воды и его довольное пофыркивание.
  - А вы, простите, кем ему будете?
  - Жена.

Неожиданно из ванной донёсся Витин голос:

- Катя, кто там пришёл?
- Да прапор какой-то из военкомата.
- А какого хрена ему надо?
- Витьку ищёт.
- Гони его отсюда, Витьки нет, он в Москве!

От таких разговоров прапорщику стало немного неловко. Он молчал, сконфуженно поглядывая то на хозяйку, то на двери ванной. В принципе, дальнейшее его пребывание в этом доме уже не имело смысла, но то ли любопытство взяло верх, то ли служба того требовала, и

B **Z**2017 121

он, немного помявшись, всё же задал не совсем уместный в подобной ситуации вопрос:

- Простите, а кто там... в ванной?
- А это? Это Витькин двоюродный брат.

Вопрос, который последовал далее, был уже ну совсем бестолковым:

- Скажите, а почему он у вас моется?
- Живу я с ним, Витька же в Москве.

После столь откровенного ответа спрашивать уже действительно было не о чем. Прапорщик извинился, потом извинился ещё раз и не попрощавшись ушёл.

Наша жизнь, вопреки всем человеческим устремлениям совершенно непредсказуема, и о том, что произойдёт с нами в следующую минуту, а тем более через год, знают, вероятно, только пророки. Витька к их числу не относился, и естественно ни слухом, ни духом даже не мог предположить, что спустя год после этих событий у него возникнет острая потребность лично явиться в военкомат. Связано это было с его решением кардинально поменять своё местопребывание. Нет, не в другой город, и даже не в Москву, где, по некоторым слухам, он якобы пребывал по нынешний день, а гораздо дальше - в Землю обетованную, на историческую родину. И здесь, хочешь не хочешь, нужно было топать в военкомат сниматься с учёта. Вот уж воистину – если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

Молодой подполковник, рассматривая Витины документы, сделал удивлённое лицо:

- Виктор Михайлович, вы что, сами явились к нам? Неужели всё-таки решили послужить родине?
- Да нет, знаете ли, пока что не возникло такого желания.
- Ну и что же вас привело к нам в таком случае?
- Уезжать вот собрался нужно сняться с учёта.
- Уезжать? Это, конечно, хорошо. Но, к сожалению, сделать это вы сможете только через два года, придётся всё-таки послужить.
- Я так не думаю.
   Задумчиво произнёс Виктор, разглядывая мрачный неуютный кабинет подполковника.
   Затем вдруг задал неожиданный вопрос:
- Простите, как вы здесь работаете? Разве можно в такой обстановке вообще работать?

- Что вы имеете в виду? Не понял подполковник.
- Да вот это! И Витя широко развёл руками.
   Такую древнюю мебель даже в музей не возьмут не та фактура.
- Ну, знаете ли, у нашего государства пока ещё нет средств, чтобы обеспечить нас новой мебелью.
  - Да я знаю, что у государства нет средств.
  - А вы что-то можете предложить?
  - Надо подумать.
    И Витька достал сотовый.
- Алё, Сергей? Я в военкомате. Подвези сюда письменный стол, кресло и приличную стенку с платяным и книжным шкафом. Жалюзи? Ну, конечно. Да, ещё приставной стол и четыре стула. Какой кабинет? Витя вопросительно глянул на подполковника.
  - Десятый. Подсказал тот.
  - Десятый. Ну всё. Жду.

Витя спрятал мобильник и посмотрел на хозяина кабинета.

- Я вижу у вас лётные эмблемы. А чего в военкомате служите?

И здесь подполковника прорвало. Он рассказал, что летал на СУ-25, командовал эскадрильей, прошёл Афган, а теперь вот, в результате бардака оказался никому не нужен и вынужден дослуживать штабной крысой. Подполковник изливал Виктору душу, а тот лишь время от времени кивал головой и поддакивал.

Неожиданно их беседу прервал стук в двери. В кабинет вошли четыре крупногабаритных парня. Они попросили выгрузить из ящиков бумаги и принялись выносить в коридор старую мебель.

А спустя полчаса кабинет уже походил на офис преуспевающего предпринимателя. Сам подполковник с удивлением наблюдал за этим волшебным превращением, затем, с явным удовольствием устроившись в мягком винтовом кресле, заявил Виктору:

 Знаете, Виктор Михалыч, такие люди, как вы, и здесь нужны.

Но, немного поразмыслив, добавил:

- Всё-таки жаль, что вы уезжаете.
- В результате Витя получил необходимую отсрочку на год и был снят с учёта в связи с временным переездом на новое место жительства... в Москву.

Семён ШОЙХЕТ

ABMOZPAD

Он модный, легко узнаваемый, никому не подражающий. Псой Короленко! И этим всё сказано.

Наша встреча состоялась в Витебске. Днём перед концертом мы гуляли по городу и разговаривали. Касались самых разных тем.

выступать как исполнитель собственных песен и песен других авторов.

Работал и выступал в России, США, Израиле. Даже засветился в некогда знаменитом журнале «Огонёк», был редактором музыкального отдела, правда, недолго.

Я занимался творчеством Владимира Галактионовича Короленко, — рассказывает мой собеседник.
 Учился в МГУ у Николая Ива-

новича Либана. Он влюбил меня в писателя, по его инициативе я поступил в аспирантуру и написал про Владимира Галактионовича Короленко диссертацию. Не исклю-

чаю возможности, переработав, опубликовать её, как книгу.

Лёгкий разговорный стиль моего собеседника мгновенно меняется, когда он начинает рассказывать о своих научных работах. Я не случайно обратил на это внимание. У меня, по многим эпизодам нашей встречи, сложилось мнение, что в нём живут одновременно два человека — Павел Лион и Псой Короленко.

— Меня интересует идеология, мировоззрение Владимира Галактионовича Короленко в его мемуаристике, дневниках, в контексте духовных поисков рубежа XIX — начала XX века, в том числе в различных модных теориях, политических, богословских крайностях того времени, которых Короленко всегда избегал, будучи гуманистом, верящим в человека.

Вы так влюбились в Короленко, что во второй своей жизни сами стали Короленко, – сказал я.

— Не во второй, а в первой, — поправил меня собеседник. — Я считаю на первом месте у меня то, что обозначаю фамилией Короленко. Это моё творчество, моё общение с людьми. Когда мне говорят, что это псевдоним, даже обидно, скорее — это творческое имя. Это главное во мне. Косвенно я всё же стараюсь сохранить в своём творчестве, своих проектах диалог

Короленко, поющий на идише

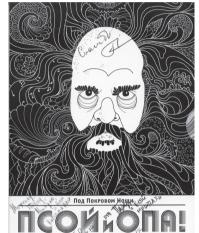
Предметом исследований и темой кандидатской диссертации Павла Эдуардовича Лиона было творчество русского писателя Владимира Галактионовича Короленко.

Другое имя певца Павла Эдуардовича Лиона — Псой Короленко — было подсказано шуткой писателя из его письма к брату Иллариону, где он иронизирует над семейным обычаем называть детей по святцам: «Ты — Иллари-

он, отец — Галактион. Родись я в День святого Псоя — быть мне бы Псоем Короленко».

Павел Лион, которого мы, чтобы не запутаться в фамилиях-псевдонимах, будем именовать Псой Короленко, не только не боится смеяться над самим собой, но, по-моему, даже любит это делать. И когда пишет песни и выступает с ними на сцене (чаще в клубах), и когда даёт интервью, и когда фотографируется. Наверное, это привилегия сильных людей не бояться выглядеть смешными.

Родился и живёт Псой Короленко в Москве, где в 1992 году окончил русское отделение филологического факультета МГУ и аспирантуру. В альма-матер в 1997 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Литературная позиция В.Г. Короленко». В том же году начал

 $\mathbb{B}_{\overline{a}}$ 2017

с эпохой Владимира Галактионовича Короленко. Не исключаю, что напишу ещё и монографию с учётом современной эпохи.

Учёным себя не чувствую. Слово это по отношению к себе рассматриваю как шутку. Да, я кандидат наук, и, возможно, когда-нибудь это ружьё ещё выстрелит. Когда-нибудь... — повторил мой собеседник, и мы перешли на другую тему.

- Про Короленко мне более-менее понятно, – сказал я. – Теперь, если не возражаете, поговорим про паспортную фамилию Лион.
- Фамилия Лион идёт от дедушки по матери, по его просьбе, ответил мой собеседник,
   для него было важно, сохранение фамилии, он был единственный ребёнком в семье, и моя мама была единственным ребёнком у него.
   Мама Александра по паспорту, но дома её всегда звали Алла, и многие думали, что её на самом деле зовут Алла.

Марк Михайлович Лион — это мой дедушка. Он родился в Одессе, ещё в раннем возрасте был отправлен дядьями учиться в Женеву (Швейцария) в колледж, а потом в Париже учился в университете. Это было до революции 1917 года. По возрасту дедушка годился мне в прадедушки. Как и мама, так и я, очень поздние дети, и моё общение с дедушкой отличалось важной чертой — это было общение с человеком, который на 80 лет старше тебя и несёт в себе вибрации прошлого или теперь уже позапрошлого века.

Фамилия Лион и его жизнь в Швейцарии, Франции – это символическое совпадение, но во французском городе Лионе он не жил. Сама же фамилия - довольно известная еврейская фамилия, её происхождение действительно связано с городом Лионом, а в России она довольно редкая. В Москве живёт ещё одна семья Лион, к ней принадлежит художник Дмитрий Лион, но мы не родственники. Дед учился в Швейцарии, а потом в знаменитой парижской Сорбонне на врача, но никогда не работал медиком. Вернувшись в Россию после 1917 года, стал переводчиком на французский язык. Переводил для франкоязычного читателя труды Владимира Ленина, а во время Великой Отечественной войны - статьи Ильи Эренбурга, работал переводчиком в Совинформбюро - это информационно-пропагандистское ведомство в СССР, появившееся в годы войны. Был довольно важным идеологическим работником, хотя всю жизнь оставался беспартийным.

И вот здесь мой собеседник, вероятно, вспомнив научную составляющую свой непростой биографии, снова перешёл на другой стиль речи.

 Дед оказал на меня серьёзное влияние. В нём прослеживались контуры центристского мировоззрения, некое нравственное целомудрие и отказ от крайностей, от разных видов партийностей, включая, кстати, и религию. Он к ней был активно равнодушен. Она была для него частью декадентского ухода от мира. Он был в литературе за реализм. Модернизм тоже его раздражал. Вряд ли картины Шагала, как и Пикассо, были его живописью, хотя мы с ним об этом не говорили. Он был человеком XIX века. И, когда я работаю с именем Короленко, с наследием Владимира Галактионовича, он и мой дедушка для меня во многом сливаются в некую единую фигуру. Короленко, конечно, не был совсем уж современником моего дедушки, это было более раннее поколение, с благородным идеализмом, просвещённым и демократическим взглядом на мир.

Родным языком дедушки был, пожалуй, французский. Писал он на нём свои дневники, которые попадались мне на глаза. Дедушка ассоциировал себя с европейской культурой. Он был просвещённым космополитом.

Идиша не знал, не интересовался еврейской историей, культурой, для него это было что-то местечковое.

Мой собеседник упомянул имя Марка Шагала в тот момент, когда мы входили в Доммузей художника. Псой Короленко внимательно разглядывал стенды, фотографии, что-то у меня спрашивал, уточнял, особенно заинтересовала его кухонная утварь и русская печка с лежаком, которая была первым рабочим местом художника. Потом Псой остановился перед зеркалом в большой комнате и после продолжительного разглядывания себя спросил:

- Мог бы я вписаться в то время?
- Вряд ли, ответил я.

С нами гулял по городу и витебский поэт, музыкант, автор и исполнитель песен Михаил Рубин, по чьему приглашению Псой Короленко и оказался в Витебске.

Миша уверенно сказал:

– Мог бы вписаться, он всё может.

Когда вышли из музея, мой собеседник продолжил рассказ:

— Увлечение языком идишем могло бы пойти из второй моей линии. Меня никто не учил языку, но бабушка и дедушка по отцу его хорошо знали. Бабушкина фамилия Рупштейн, дедушкина — Энштейн. Жив и здравствует папин брат — мой дядя, у него есть дети, и есть, кому продолжать род. (Это, вероятно, было сказано в оправдание того, что он по паспорту Лион — А.Ш.)

Папа — инженер, шахматист-любитель, принимал участие в турнирах.

...Скорее всего, я отношусь к той части интеллигентных современных евреев, у которых идиш идёт, как это ни парадоксально, от отсутствия его в семье, — сказал Псой Короленко. — Кому-то идиша хватало в семье. А у меня его не было совсем, вот и пошло. Мне всегда казалось, что этот язык невероятно привлекательный и глубинным образом комне относящийся. При этом я был лишён всего этого в детстве. Так происходит у многих клезмеров, работающих в современной светской еврейской культуре.

Начиная с возраста 25-30 лет я стал любительски изучать идиш по учебникам и песням. Познакомился в общих чертах с идишкайтом (вековой уклад жизни, язык идиш, культура восточноевропейского еврейства). А потом узнал, что есть клезмерское движение в современной музыке и идиш популярен среди современных интеллектуалов, как язык европейских поэтов и писателей. Помимо Шолом-Алейхема, всем хорошо известного, и даже помимо Айзика Башевиса-Зингера, я узнал, что это обширнейшая культура. Это ещё и язык рабочего движения. Параллельно это язык религиозного фундаментализма. Богатый спектр возможностей, стилей, мыслей. И язык несёт с собой интересный дух. Идиш оказался очень ёмким языком.

Андрей Бритштейн привёл меня впервые на питерский фестиваль еврейской музыки «Клезфест». Помогал мне в первых опытах написания песен на идише. Плохое знание языка не делает тебя хорошим поэтом, но при определённом настроении может что-то получиться.

Ещё одним моим учителем языка идиша и идишкайта, как и для многих моих коллег клезмеров, является Майкл Алперт. Фольклорист, музыковед, скрипач, преподаватель дисциплин, связанных с идишистской музыкальной культурой.

Псой Короленко в Витебске.

В 1999—2000 годах Псой Короленко изучал идиш в Канзасском университете в рамках Программы стажировки для преподавателей вузов.

— Для меня было важно общение с Михаилом Крутиковым — профессором Мичиганского университета, я там провёл семестр. — Псой продолжил свой рассказ: — В качестве вольнослушателя посещал его семинар. Рассказывали про еврейское местечко в мемуаристике, историографии, литературе, проводились классы по идишу с чтением на языке. А ещё я занимался культурной программой, организовывал концерты, в том числе и свои.

В 2009 году Псой Короленко работал приглашённым артистом (artist-in-residence) в Мичиганском университете в Анн-Арборе с проектом «SPELL-ART: Foreign Elements in Song and Performance».

- Помню, Крутиков задал мне вопрос, не боюсь ли я лучше узнать идиш, не испортит ли это специфическое обаяние моих песен.
- Спросил он это серьёзно?
  Уточнил я.
  Или всё же была в этом доля иронии...
- Спросил, как мне показалось, серьёзно. А я серьёзно ответил: «Не боюсь, буду и дальше идти в этом направлении».

Переводы на идиш и с идиша, песни с переводами, на нескольких языках — это значительная часть репертуара Псоя Короленко. Чаще это песни первой половины XX века. Есть и новые песни на «авторском» идише, идущие от своеобразного флирта с языком, влюблённости в него. Это настроение передаётся залу.

§ **7**2017

— Многое для меня значит работа с другими людьми, которые знают язык лучше меня, — признаётся Псой Короленко. — Например, Даниель Кан — современный американско-немецкий шансонье, очень активно оперирующий идишем, сочиняющий песни на идише и переводящий на идиш слова многих современных песен. Он мне интересен как коллега и соавтор проектов. У нас вышел совместный альбом «The First International». Мы хотим понять, что находится под национальным, на каком фундаменте строится национальная культура.

В моём репертуаре много советской классики, звучащей в переводах на идиш. Это ещё один пример еврейского интернационализма. Если сформулировать одним предложением, это будет звучать: идишкайт как советишкайт. Я записал с замечательными клезмерскими музыкантами Марком Ковнатским, Юрием Хаинсоном, Надей Фомин, Евгением Хазданом и Алексеем Розовым — они были и аранжировщиками – целый цикл советских песен 30-х годов, времён Великой Отечественной войны и более поздних песен хорошо известных композиторов Шаинского, Тухманова, Блантера, Френкеля. Тексты песен переводил известный поэт Арон Вергелис. Программа была сделана при активном участии Санкт-Петербургского

Михаил Рубин, Аркадий Шульман и Псой Короленко у памятника Марку Шагалу в Витебске.

еврейского общинного центра и его руководителя Алика Френкеля, а также Московского продюсерского центра «Бэт-Тэйт».

Моё внимание к этой теме, к этому материалу привлёк Тимур Фишель из Эстонии. Эти песни и раньше исполнялись на идише, но никогда не исполнялись в стиле «клезмер». Мы перевели их на музыкальный еврейский язык. Так вышел диск на идише «С чего начинается Родина».

Есть у меня и другой репертуар. Много авторских песен, часто они многоязычны, в них может присутствовать сразу несколько языков — идиш, русский, один из европейских языков. В этом для меня мистика встречи культур, поколений, наций.

Выступления Псоя Короленко запоминаются особым стилем исполнения, смесью языков. В репертуар, кроме собственных песен, входят многочисленные переводы, кавер-версии (включая перепевки песен начала XX века), а также песни Шиша Брянского. Поёт, аккомпанируя себе на клавишных инструментах, чаще всего это так называемая «гармоха» — синтезатор «Casio» с включённым тембром аккордеона. Экспериментирует с разными песенными традициями, поёт на 6-7 языках, в основном на русском, идише, английском и французском, зачастую на смешении нескольких из них одногу новременно, иногда со вставками и на

Несколько лет назад Псой Короленко придал своему эстрадному творчеству несколько неожиданный поворот. Написав новые тексты к «бесконечным» куплетам «короля эксцентрики» 1910-х годов Михаила Савоярова, он создал на этой основе новую концертную программу «Благодарю покорно!»

других языках, например, на украинском.

Такой Псой Короленко — то ли действительно фигура, в которой живёт сразу несколько очень не похожих друг на друга людей, то ли актёр, прекрасно исполняющий выбранную для себя роль.

А встреча в Витебске Псоя Короленко со своими поклонниками прошла на ура!

Аркадий ШУЛЬМАН

Сюжеты еврейских волшебных сказок — это не просто порождения богатой фантазии, хотя часто они бывают очень интересными и непростыми, как та сказка, с которой мы познакомим вас сегодня.

Еврейские волшебные сказки в основном посвящены взаимоотношениям между человеком и Богом, а вернее, отношению человека к Чуду, то есть прямому проявлению Бога в нашей жизни.

Юрий ДАЙГИН

ЕВРЕЙСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Как человек должен достойно принять Чудо, можно ли к нему подготовиться, попросить о нём, можно ли им воспользоваться и как — вот вопросы, на которые даёт ответы еврейская сказка, набрасывая на ответ ткань сюжета: то прозрачную и невесомую, как фата невесты, а то тяжёлую и пёструю, как восточный ковёр.

В вопросе использования результатов Чуда еврейские мистики всегда были непреклонны: просить и готовиться можно, но Высшая Сила может принести выгоду только обществу, а не кому-то конкретному. Есть даже такая знаменитая фраза на арамейском: «Деиштамиш бэтага — халаф», что в приблизительном переводе означает: «Использующий Тайное Знание в своих целях погибает». Эту формулу часто забывают современные учителя Каббалы, что делает её особенно актуальной в наше время.

Еврейские сказки, многие из которых являются отголосками еврейской мистики, также

согласны с этим условием, в чём читатели лично убедятся, прочтя сказку «Богемский оборотень», а если затруднятся с толкованием, им на помощь придут примечания переводчика.

Принимающий Чудо обязан быть альтруистом и не оставлять плоды, которые приносит Чудо, только для себя. Но есть ещё кое-что: подготавливая Чудо, нужно быть очень осторожным и различать, где можно применить мистические знания, а где стоит оставить все искусственные средства и просто положиться на верность Божества своему Слову, собственным Законам, общей для Него и для его Народа морали. Здесь

затрагивается вопрос доверия к Богу — очень важный вопрос, ответ на который является гранью, отделяющей Веру от магии.

История, которую мы предлагаем вашему вниманию, входит в сборник «Необычные еврейские сказки», состоящий из семи мистических легенд XI—XVII вв. Авторский перевод сказок выполнил израильский преподаватель еврейской мистики и философии доктор Юрий Дайгин.

В чём необычность этих произведений? Она, прежде всего, заключена в нехарактерной для большинства еврейских волшеб-

ных сказок динамичности сюжета и в обилии описанных приключений. Если вы уже читали когда-то еврейские сказки, вам будет легко сравнить их с приведённой ниже.

Ещё одной особенностью этих сказок является то, что в них можно чётко определить еврейские элементы, идеи, однозначно относящиеся к еврейской религии или мистике и не являющиеся заимствованиями из нееврейского фольклора.

А ведь это тоже, к сожалению, редкость: в подавляющем большинстве еврейских сказок, даже тех, которые не являются пересказом известных сюжетов с заменой имён героев на еврейские (а часто встречается и такое!), трудно бывает найти нечто, что делает сказку именно еврейской.

Итак, приятного вам чтения!

Рисунки Елены ЧАШКА

372017 127

В дремучих богемских лесах и их окрестностях веками жили охотники, дровосеки, угольщики, пастухи, разбойники и обычные крестьяне, люди суровые и суеверные. Они верили в добрых и злых лесных духов, оборотней, колдунов и прочую нечисть, рассказывали о них разные истории, и все они были для жителей Богемии не сказками, а былью.

Forenceui obopomeno

И вот однажды в одном из королевств в тех местах появился страшный волк. Люди говорили, будто это оборотень, потому что зверь был необычайно огромен, быстр и умён. Многих людей он растерзал, и никто не отваживался ходить через лес, в котором он обитал, даже артели отважных угольщиков обходили его стороной. А когда король предложил угольщикам награду за голову оборотня, они отказались: уж больно тот был хитер, и уже не одна охота на лютого зверя кончилась смертью охотников, а снова пытать счастья ни у кого желания не было.

Ущерб от чудовища был так велик, что король объявил: тот, кто убьёт или поймает оборотня, получит в жены его дочь и станет его преемником.

А у короля был ближайший советник, славившийся своей силой и смелостью, знаменитый воин, не раз побеждавший на турнирах и участвовавший во множестве войн. Этот рыцарь был уже зрелого возраста, но, воюя и путешествуя, женой так и не обзавёлся.

Услыхав об указе, советник явился к королю и сказал:

 Если Ваше Величество серьёзно намерено выполнить своё обещание, я рискну жизнью и убью оборотня.

Король заверил советника, что издал указ не сгоряча, а действительно собирается исполнить обещанное, но стал уговаривать придворного оставить мысли об опасном предприятии: слишком он любил и ценил рыцаря. Однако тот был твёрд в своём решении и вскоре, как следует вооружившись, тронулся в путь.

В полном одиночестве ездил советник от одной лесной деревушки к другой, разговаривал с угольщиками и дровосеками, просил проводить его к логову зверя, но люди шарахались от одинокого всадника и никто не хотел ему помочь. Пока в одной из дальних деревушек подвыпившие угольщики не рассказали благородному господину, что живёт глубоко в лесу в одинокой избушке странный угольщик, скорее всего,

колдун, которого оборотень не трогает и вечно кругится поблизости. Недолго думая, советник направил коня в указанном направлении, и вскоре был возле убогой лесной хижины.

Однако угольщик и слышать не хотел о том, чтобы проводить советника к оборотню, несмотря на все уговоры и посулы:

Он хитрее любого человека, а тело его будто сделано из железа! – говорил угольщик.Вы просто погубите себя, господин!

Но, в конце концов, советник уговорил угольщика отвести его в ту часть леса, где чаще всего бывал оборотень и где, судя по всему, было его логово. С мушкетом и тяжёлым охотничьим копьём советник сел в засаду и стал ждать. Прошло не слишком много времени, и он увидел небывало огромного волка, выходящего из чащи прямо напротив него. Советник прицелился из мушкета, но волк, видимо, заметил его, молниеносно отпрыгнул в сторону, а затем вдруг выскочил, словно из-под земли, и повалил советника на землю, выбив из его рук мушкет и готовясь перегрызть ему горло.

К счастью, притаившийся недалеко угольщик отогнал зверя, который почему-то не только не напал на него, но и послушался. Однако советник не собирался отступать, схватил копье и пошёл на волка. Но угольщик, не хотевший, чтобы волк пострадал, заслонил его, так что пришлось советнику отбросить его в сторону.

И в третий раз рыцарь устремился на оборотня, но тот набросился на него с такой яростью, что стало ясно: воину осталось жить лишь считанные мгновения.

Господи! – взмолился советник. – Сохрани мне жизнь и, клянусь, я оставлю этого зверя в покое!

Только он произнёс эти слова, как волк отошёл назад и стал вилять хвостом, словно он был собакой. Поражённый чудом советник поспе-

шил побыстрее убраться из опасного места. Однако волк пошёл за ним и не отставал, как советник ни старался его отогнать.

Во время всего пути назад волк сопровождал советника день и ночь, подходя всё ближе и ближе. Волк приносил пойманную дичь, словно охотничья собака, и оттонял хищных зверей, пытавшихся поохотиться на незваного гостя и его коня.

К моменту возвращения волк стал совсем ручным, и, перед тем как войти в город, советник не удержался от бравады: он снял с себя пояс и надел его как поводок на шею волка, что тот безропотно стерпел. Так рыцарь и вошёл в город, держа громадного волка возле себя на поводке, к ужасу и восторгу жителей.

Король и его приближённые сразу же принялись уговаривать советника убить опасное чудовище, но тот ответил:

— Этот волк мог меня убить, но пощадил. Как же я отплачу ему неблагодарностью?! К тому же, этот волк не трогает никого, кто на него не нападает, у меня было время это проверить. Никакой это не оборотень, просто очень большой и умный зверь. Он совершенно безопасен, клянусь своей головой!

С тех пор советник не разлучался со своим волком, кормил его отборным мясом и брал с собой на каждую охоту. Король сдержал слово:

он отдал за смельчака дочь и назначил его своим преемником. Вскоре король умер, и рыцарь занял его место на троне.

Однажды зимой, когда выпал обильный снег, король вернулся с охоты сам не свой, а на следующий день уехал, переодевшись богатым торговцем и взяв с собой лишь несколько слуг.

Через несколько дней король вернулся очень довольный и созвал придворных на вечерний пир. После первого кубка король велел привести своего волка. Когда волка ввели в пиршественную залу, король с хитрым видом достал из лежавшей рядом дорожной сумы золотое кольцо и показал его волку. Зверь задрожал. Тогда, не говоря ни слова, король подошёл к волку и надел кольцо на коготь его правой лапы. В этот миг зрение у всех присутствовавших на пиру помутилось, а когда глаза людей прояснились, на месте волка стоял обнажённый человек и рыдал. Придворные повскакивали со своих мест, кто-то с грохотом опрокинул стол, отовсюду были слышны испуганные вскрики, ругань и обрывки молитв.

— Успокойтесь, — спокойно сказал король. — Тот, кого мы все считали волком,— человек, но это не колдун и не оборотень, а просто несчастный, околдованный с помощью вот этого кольца. Эй, слуги! Принесите-ка волку одежду и дайте горячего вина! А я пока расскажу, что произошло на последней охоте и через несколько дней после неё.

Тем временем околдованного одели и усадили к столу, все расселись по местам, и король начал рассказ:

— Так вот, несколько дней назад во время очередной охоты волк вдруг заволновался и кинулся в чащу, держа нос у земли. Я поскакал за ним и увидел, как он стоит на небольшой поляне, засыпанной снегом, гладкой и белой, как бумага. Потом гляжу — волк медленно двигается по поляне и скребёт снег правой передней лапой. Подъезжаю поближе и вижу: вся полянка покрыта странными знаками! А волк сидит рядом и пристально смотрит на меня. Тут я и понял, что волк — это заколдованный человек. В своих путешествиях я много слышал таких историй. Знаки, начертанные им, явно были буквами, но я понятия не имел, что это за язык.

К счастью, когда остальные меня нагнали, среди моих придворных сыскался знаток языков и оказалось, что надпись сделана на еврей-

 $3\sqrt{2}$

ском. Он её сразу же и прочёл, пока не исчезла. Там было написано: «Я раввин из такого-то города, превращённый в волка с помощью волшебного кольца. Ради того, что я пощадил твою жизнь и ради нашей дружбы принеси мне кольцо и верни мне человечий вид, иначе я навсегда останусь зверем. Если не исполнишь мою просьбу, я тебя убью».

Сидящие за столом зароптали от ужаса и гнева, все они смотрели на сидящего у стола человека, понимая, что его угроза вовсе не была пустой. Превращённый уже немного пришёл в себя, взгляды придворных он встретил спокойно.

— Там же было написано, у кого находится кольцо, кто этот злодей, превративший беднягу в волка, — продолжил король, пристально посмотрев на дрожащего околдованного. — Но я не буду сейчас говорить о нём. Ещё там был грубый рисунок волшебного кольца.

Король замолчал, и только треск огня в очаге нарушал тишину.

 Так расскажи нам толком, кто ты и как ты был превращён в волка! — приказал король.

Спасённый отставил кубок с горячим вином, улыбнулся и, всё ещё с трудом подбирая слова, рассказал королю и его приближённым всё, что мог рассказать, не опасаясь за свою свободу и жизнь.

На следующий день король, как ни грустно ему было это делать, решил отпустить расколдованного раввина домой.

- Но если всё же решишь остаться или вернёшься,
   сказал король напоследок,
   до конца дней будешь жить при мне в почёте и богатстве.
- Дома меня ждёт достаточно богатств, ответил с поклоном раввин. Я очень соскучился по дому и по своим ученикам.

На том они и расстались.

Когда раввин вернулся в свой город из долгого путешествия, не было предела радости евреев, ведь тот был знаменитым книжником, знавшим семь десятков языков, но, что важнее, он был известным благотворителем, без счёта тратившим деньги на нужды общины. Одно омрачало праздник: за несколько дней до возвращения раввина бесследно исчезла его жена. Раввин, впрочем, отнёсся к новости об её исчезновении совершенно равнодушно, сказал только:

 Может, когда-нибудь вернётся... Меня вон сколько не было дома, а ведь вернулся!

Люди недоумённо переглядывались: стран-

ным стал их любимый раввин! Прошли дни, месяцы, и вроде бы он снова был всё тем же спокойным и добродушным человеком, каким его все знали, однако появились в нём и новые черты, удивлявшие и пугавшие членов общины.

Как-то раз, когда со времени его возвращения прошло уже несколько лет, собрал раввин всех родичей, своих и жениных, на вечеринку. А когда все наелись и захмелели, раввин вдруг сказал:

— Знаю, что все вы беспокоитесь о судьбе моей жены. И, должен сказать, приключения, которые я пережил, не прошли для меня бесследно, я чувствую, что скоро отправлюсь в Мир Иной. Поэтому хочу, наконец, открыть вам всю правду о себе и о моей жене и рассказать, что с нами приключилось.

***

Жил-был богатый раввин, знаток Священных Книг, ведающий множество языков, глава местной ешивы, не считавший денег на благотворительность, поивший и кормивший сотни студентов. И была у него жена, женщина вздорная и злобная.

Случилось так, что в короткое время раввин лишился всех своих богатств. Погоревал он немного, но потом решил, что, видно, согрешил в чём-то перед Господом, потому и наказан. А нету лучше способа узнать всё о себе и своей судьбе, чем отправиться бродить по свету. Тем более, что тяжко жить в бедности в том же месте, где привыкли к твоему богатству.

У раввина были сотни учеников, полсотни из них были ближе ему, чем остальные. Вот он и призвал их к себе, предложив уйти с ним вместе. Деньги на первое время у раввина были, а там Господь поможет прокормиться. Ученики с радостью приняли предложение учителя, и той же ночью они тайно покинули город.

Прошёл год, потом ещё один. Раввин с учениками скитался от города к городу, от деревни к деревне. Поначалу их принимали хорошо, тем более что раввина все знали или слышали о нём. Но постепенно одёжка на раввине и учениках поистрепалась и они стали напоминать ораву нищих, а нищим никто не рад, особенно когда их целая толпа.

Наконец, и терпение учеников истощилось, попросили они их отпустить к семьям, чтобы жениться и зажить достойной жизнью. Раввин учеников держать не стал, только попросил их

справить с ним в последний раз Шаббат. После двух лет скитаний ещё несколько дней ничего не значили, и ученики согласились.

Вот шли они по лесу, и раввин устал. Приглядев себе тенистое место у источника, попросил он учеников идти дальше, а сам решил отдохнуть в тенёчке, чтобы потом, со свежими силами, их нагнать. Так и сделали.

Только раввин успел немного отдохнуть, как вдруг увидел бегущую мимо ласку, а в пасти у неё что-то сверкало. Так обычно сверкает на солнце золото. Раввин кинулся за лаской, та припустила от него в лес и выронила сверкающий предмет на траву.

Это было золотое кольцо, очень старинное, но тем не менее недорогое, грубой работы. Повертев кольцо туда-сюда, раввин обнаружил внутри него надпись на древнем языке, который он неплохо знал, ведь он был очень учёным человеком. Надпись гласила: «Некрасиво, но бесценно».

«Магическое кольцо!» — взволновался раввин. — «В чём же его сила?! Эх, если бы оно могло выполнять любые желания!».

Решив, что попытка не пытка, раввин сказал вслух:

 Я хотел бы, по воле Господа, сейчас же найти пояс, полный золотых монет!

Только он произнёс своё желание, как перед ним появился пояс, набитый золотыми монетами. Радости раввина не было предела, но он решил не искушать судьбу и своих учеников, которые всё же были слишком молоды и могли поддаться искушению украсть кольцо или донести на учителя, и спрятал пояс под одеждой. А когда он нагнал учеников и они пришли в ближайший город, раввин сказал ученикам, будто бы богатый и благочестивый родственник снабдил его деньгами. Тут же раввин и ученики купили себе достойную одежду и устроили пир, а на следующий день они отправились в родной город.

Одно пожелание за другим, и раввин не только вернул, но и приумножил свои богатства. Снова стал он тратить огромные суммы на благотворительность и зажил, как прежде.

Только его жена не находила себе места и всё выспрашивала, как так могло получиться, что из нищего он снова стал богачом. Ни отговорки, ни шутки не помогали.

А поскольку раввин очень любил свою жену, то как-то раз он не выдержал и рассказал ей о кольце.

Конечно же, это только подогрело её любопытство, и женщина всю душу вымотала раввину, упрашивая его показать ей кольцо хоть на минуту.

И однажды ночью раввин не выдержал и сам вложил кольцо в руку жены.

Она долго и внимательно рассматривала кольцо и, когда раввин протянул за ним руку, медленно с улыбкой произнесла:

 Пусть Господь обратит моего мужа в волка и пусть он скитается в дремучем лесу среди диких зверей!

Не успела женщина произнести своё пожелание, как раввин превратился в огромного волка и, выпрыгнув в окно, умчался в дремучие богемские леса.

Поскольку был он не обычным волком, а оборотнем, был он гораздо больше и намного сильнее любого волка, к тому же сохранил много от своего прежнего человечьего ума, и не было в лесу ни зверя, ни человека, который бы остался в живых, бросив ему вызов. Только с одним существом он дружил: с нищим угольщиком, одиноко жившим в самой чаще.

***

Сидевшие за столом подавленно молчали, не смея поднять глаз на раввина, а тот говорил и говорил, изливая душу, и всё накопившееся в сердце, — грусть, страх, горечь.

- Как же король вернул тебе кольцо? спросил его кто-то из слушателей.
- Как раз об этом я и спросил его перед расставанием, – усмехнулся раввин. – И вот что он мне поведал...

***

Весь вечер после охоты король не находил себе места. А на следующее утро он переоделся в богатого торговца, взял с собой нескольких верных слуг и поехал в город, где раньше проживал раввин.

Приехав, он велел слуге разнести по городу весть: в городе появился богатый торговец, который за большие деньги скупает старинные украшения, как дорогие, так и не слишком ценные.

Несколько дней король кружил по городу, скупая всё, что ему предлагали, пока не случилось неизбежное: ему указали на жену раввина, как на женщину, владеющую таким множеством старинных вещей, какое не снилось и первым богачам столицы.

 $3\sqrt{2}$

Слово за слово, лесть за лестью, король совершенно очаровал богатую еврейку. Но как же добыть кольцо? И король решил: надо кольцо украсть.

Путешествуя по миру во времена своей бурной молодости, король многому научился, и не всегда это были умения, о которых может упомянуть отпрыск благородного рода. Незаметно ухмыльнувшись в усы, король приступил к делу.

– Какая прелесть! – воскликнул он, нежно приподняв руку раввинши и разглядывая кольца на её руке по соседству с волшебным кольцом. – Сколько вы за них хотите?

Торгуясь и кокетничая, вертя руку с кольцами туда-сюда, тряся деньгами и не умолкая ни на минуту, король так запутал и смутил женщину, что, когда он купил у неё эти два кольца за бешеные деньги, она и не заметила от жадности и смущения, как с её руки пропало третье, самое важное кольцо.

Не мешкая ни минуты, король оседлал коня и ускакал прочь из города.

***

В комнате долго царило молчание. Наконец, раввин прервал его:

— Я, конечно, не сказал королю, что это было за кольцо, чтобы не искушать его. Но с тех пор, как оно снова оказалось в моих руках, я воспользовался им только один раз. — Раввин помолчал, собираясь с силами, и решительно продолжал: — Вас, конечно, продолжает интересовать, куда же исчезла моя коварная жена перед моим возвращением. Так вот: она никуда не исчезала! Вы все так удивлялись случившимся со мной после возвращения переменам, особенно моей необъяснимой жестокостью по отношению к одной ослице, которую я постоянно избивал и изнурял работой...

Его прервал всеобщий вопль негодования и ужаса, люди повскакали с мест. — Не может быть! — крикнул кто-то.

– Почему? – устало спросил раввин. – Вы же поверили, что я был волком... Я превратил её сразу же, как выехал за пределы города. И

больше никогда не использовал то кольцо. И не ищите его, когда я умру, всё равно не найдёте...

Шум долго не смолкал, потрясённые люди переговаривались, спорили, качали головами.

Когда гости опомнились, большинство из них, особенно родственники раввинши, стали умолять вернуть ей человеческий облик, но раввин был твёрд: слишком много он пережил из-за своей жены, которую когда-то любил.

Ещё через несколько лет после этого вечера раввин действительно умер. Кольцо, как он и предсказывал, так и не нашли, сколько не искали. Ослицу больше никто не обижал и не нагружал никакой работой, хотя не все верили, что это действительно превращённая раввинша, о которой, впрочем, так и не было никаких вестей.

Примечания к сказке «Богемский оборотень»

Сказка была впервые опубликована на идише в сборнике еврейских сказок (майсе-бух, тауѕе bukh), изданной в Базеле в 1602 году. В сборнике сказка называлась «Рабби, который был превращен в вервольфа». На русском языке короткий и весьма упрощённый вариант этой сказки был издан в сборнике «Чудесное дитя». Вот английский перевод: Joachim Neugroschel, «Great Tales of Jewish Occult and Fantasy: The Dybbuk and 30 Other Classic Stories».

Казалось бы, ничего еврейского в этой сказке нет. Существует множество европейских сказок о мужьях, бывших или ставших оборотнями. Например, поэма (лэ) знаменитой средневековой поэтессы XII–XIII вв. Марии Французской «Оборотень».

Тем не менее, давайте приглядимся к содержанию сказки получше.

Когда появляется волшебное кольцо? Раввин находит его накануне расставания с учени-

ками, находка предотвращает расставание, и это очень важно: в иудаизме всегда подчёркивалась важность духовной связи между Учителем и учениками. Данный элемент органично связан с основной линией сюжета. Если мы заменим образ раввина на какого-нибудь дворянина, это будет уже другая сказка.

В сказках, особенно еврейских, нет ничего случайного. Обращение раввина в волка – это, разумеется, наказание. Злая жена была лишь инструментом. За что же он был наказан? Ключ к пониманию наказания лежит в конце сказки: после превращения жены в ослицу раввин больше никогда не использовал магическое кольцо. За постоянное использование его и постигло наказание, ведь один из основополагающих принципов еврейской магии – это запрет на её использование в своих личных целях. Раввин должен был выкинуть кольцо сразу же после возвраще-

ния в родной город, ибо цель, ради которой оно у него появилось, была уже достигнута.

В этой сказке есть также один несомненно еврейский элемент: еврейский язык. Ведь именно он вызволил раввина. Почему же раввин, знавший множество языков, писал на снегу по-еврейски, хотя шанс, что его поймут, был ничтожен? Да потому, что в волчьем обличии он не помнил ни одного другого языка! Можно сказать, потому что этот язык был его родным. Но возможно и более глубокое объяснение: в еврейской традиции язык Торы является священным, божественным, магическим и чудотворным. И ведь чудо происходит: король видит надпись, понимает, что это именно надпись, а затем в его свите находится знаток еврейского (а ведь ждать нельзя, снег тает быстро, по нему пробегают звери и m. д.).

Юрий Дайгин родился в Москве в 1971 году, а в 1992 году эмигрировал в Израиль, где резко сменил направдеятельности: ление *готовившийся* стать программистом молодой человек пошёл изучать еврейскую мифилософию. стику и Юрий много лет проучился в Бар-Иланском университете. где получил докторскую степень, написав диссертацию о влиянии еврейской Каббалы на русскую религиозную философию.

Юрий преподает еврейскую мистику и мировую философию в Цфатском академическом колледже, а в свободное от преподавательской деятельности время пишет

и переводит сказки, занимается изучением еврейской истории, путешествует по Израилю.

Сказочная повесть Юрия «Легенды о ядоа» была опубликована в «Антологии странного рассказа» (Харьков 2012), другая сказочная повесть «То, во что верят все» вышла в 42-м номере литературного журнала «Полутона». Оба произведения были опубликованы под псевдонимом Бустанай.

В 2016 году Юрий Дайгин опубликовал в

Интернете сборник «Необычные еврейские сказки», состоящий из семи еврейских народных легенд XI—XVII вв. в его авторском переводе и с иллюстрациями художника Елены Чашка.

Елена Чашка – художник-иллюстратор, увлекается историей и мифологией, любит иллюстрировать «городские легенды» (особенно после посещения Праги).

B 72017 133

Клуб «Коллекционер»

11 декабря 1868 года в Гродно родился Акива Арье Вайс, один из основателей Тель-Авива.

Акива Арье Вайс был отличным часовщиком, искусным ювелиром и одарённым архитектором-самоучкой. Наряду с коммерческой активностью (ювелирное дело и торговля бриллиантами) он активно занимался сионистской деятельностью в городе Лодзь, где жил со своей семьёй с тех пор, как родители его переехали туда из Гродно. В Лодзе Вайс возглавлял филиал общества «Геула» («Избавление»), занимавшегося покупкой земель в Палестине.

– онроф рэнэжоq<mark>У</mark> оаиаА-илэТ илэтоаонэо

Одним из основателей и руководителей этого общества был Меир Дизенгоф, в будущем первый мэр Тель-Авива. В 1904 году Вайс совершил «разведывательную» поездку в Палестину. Он путешествовал по Святой Земле две недели, изучая

людей и их жизнь и, вернувшись домой, смог принять обдуманное решение о репатриации.

3 августа 1906 года Акива Вайс с женой и шестью детьми высадился в порту Яффо. В тот же день Вайс попал на собрание еврейской общины, которое проходило вечером в яффском клубе «Иешурон».

Слушая о проблемах, связанных с поисками жилья, в частности для новых репа-

триантов, Вайс предложил основать новый еврейский квартал. Это предложение было с энтузиазмом принято собравшимися. На собрании было организовано «общество строителей домов», позже переименованное в «Ахузат Байт» («Домашнюю усадьбу»), а Арье Вайс выбран его главой, которым он был до 1911 года.

Вайс начал активную деятельность во главе общества. Наряду с этим он не забывал и о традиционной для него деятельности. Через некоторое время он открыл на яффской улице Бустрос часовую мастерскую и ювелирный магазин.

Благодаря активной работе Вайса 11 апре-

ля 1909 года, во второй день Песаха, на песчаных дюнах состоялась жеребьёвка — лотерея ракушек. Акива Вайс собрал по 60 белых и серых ракушек. На одних написал номера участ-

ков, на других — имена участников жеребьёвки. Ракушки сложили в две шапки, и мальчик, сын аптекаря, вытягивал по одной из каждой шапки. С тех пор этот день считается днём основания Тель-Авива.

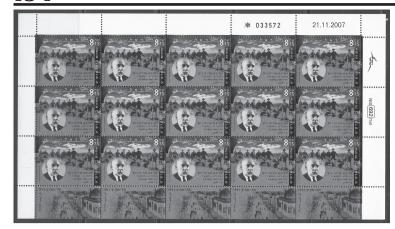

Марка, посвящённая сорокалетию Тель-Авива.

Первый тель-авивский кинотеатр «Эден» изображён на израильской марке, вышедшей в 2007 году.

Марки, посвящённые 100-летию Тель-Авива.

Марка, посвящённая первой киностудии в Палестине.

Фотография, запечатлевшая участников этой исторической лотереи, воспроизведена на конверте первого дня, для марки, посвящённой сорокалетию Тель-Авива, и на марке, выпущенной к столетнему юбилею города (кстати, на купоне этой марки изображены ракушки, с помощью которых проводилась лотерея).

Через год все шестьдесят домов были построены, в них поселились сто десять человек.

В 1911 году вместо Вайса на должность главы комитета нового квартала был избран Меир Дизенгоф.

Было много споров среди первых жителей, как именовать новое поселение, и выбрали, наконец, Тель-Авив — «холм весны»: такое название дал Нахум Соколов своему переводу на иврит романа-утопии Теодора Герцля «Альтнойданд».

В 1912 году в Тель-Авиве провели первую перепись. Построенных домов — девяносто четыре, а в них пятьсот две жилых комнаты, сто тридцать пять кухонь, сто шесть ванных комнат. Население — семьсот девяносто человек, из них триста шестьдесят три — мужчины, четыреста двадцать семь — женщины. На иврите говорили сорок три процента жителей, на идише — тридцать пять процентов, на русском языке — одиннадцать (в частности, многие документы мэрии Тель-Авива писались на русском языке), остальные изъяснялись на немецком, французском, английском, испанском и арабском.

В год основания Тель-Авива в семье Вайсов рождается девочка, и отец решает назвать её в

честь своего детища — то есть Ахузат Баит. Так появилась маленькая Ахуза-

бет (по аналогии с Элизабет) — первый ребёнок, родившийся в Тель-Авиве. В детстве родные звали девочку Ахуза, но, повзрослев, она изменила своё имя на Элизабет, с которым и прожила до самой смерти.

В 1913 году Акива Арье Вайс открывает первую киностудию в Палестине под названием «Ора хадаша». Правда, первый фильм, посланный во Францию, потерялся из-за разразившейся Первой мировой войны.

Был Вайс и среди подрядчиков первого тель-Авивского кинотеатра «Эден» (Рай), который изображён на израильской марке, вышедшей в 2007 году. В 1925 году Вайс въехал в новый дом на улице Маза. В этом доме у Вайса часто собирались ювелиры, которые приносили с собой образцы своих товаров. Члены этого небольшого клуба занимались как бриллиантами, так и украшениями. Нередко, засиживаясь допоздна, ювелиры, не желая ходить с драгоценностями по тёмным улицам, оставляли их у Вайса. Для хранения драгоценностей Вайсом был приобретён немецкий супернадёжный сейф.

8 декабря 1937 года была создана первая коммерческая организация по торговле брил-

37₂₀₁₇

Серебряная медаль выставки ценностей Госфонда драгметаллов России в Израиле, 1993 г.

лиантами на территории будущего Израиля — Алмазный Клуб Палестины. Располагалась эта организация в доме Акивы Вайса занимала одну небольшую комнату, в которой стоял знаменитый сейф.

Именно эта дата, 8 декабря 1937 года, и считается датой основания Израильской бриллиантовой биржи.

В годы, предшествующие Второй мировой войне, многие торговцы бриллиантами и ювелиры из Бельгии и Голландии иммигрировали в Палестину и перенесли туда свой бизнес. Они стали членами бриллиантовой биржи.

Сейчас тель-авивская биржа является крупнейшей в мире алмазной биржей, через которую проходит больше половины добываемых в мире алмазов. Тема бриллиантов и тельавивской биржи стала темой марок, посвящённых международной филателистической выставке «Бельгика-2001».

Интересно отметить, что в 1993 году на Московском монетном дворе была отчеканена серебряная медаль в память Выставки ценностей Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации в Израиле, проходившей в январе-марте 1993 года в в Рамат-Ганском Музее алмазов Гарри Оппенгеймера, входящем в комплекс израильской бриллиантовой биржи. Вес медали 34,81 г. (серебро 900 пробы), диаметр 38,7 мм.

Эта выставка была первой большой выставкой российских драгоценностей после 1917 года.

В заключение автор хочет обратить внимание читателей на то, что в заметке практически полностью отсутствует информация о гродненском периоде жизни Вайса и о его родителях.

Автор надеется, что эти сведения ему помогут получить читатели журнала, которым он заранее благодарен.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Борис БРЕСТОВИЦКИЙ, КАК НАЧИНАЛСЯ ТЕЛЬ-АВИВ, http://ilterritory.com/

Александр Непомнящий. Забытый основатель Тель-Авива http://www.jewish.ru/history/israel/2014/08/news994325946.php

МАХАНАИМ – еврейский культурно-религиозный центр, «История сионизма и Государства Израиль», Лекция 7, Вторая алия, http://www.machanaim.org/kurs/zionism/07-2alia.htm

Алёна ФАЛЬКОВИЧ. Тель-Авив — семь домов, шесть историй, пять семей..., ИСРАГЕО, http://www.isrageo.com/2014/02/17/doma-tel-aviva/

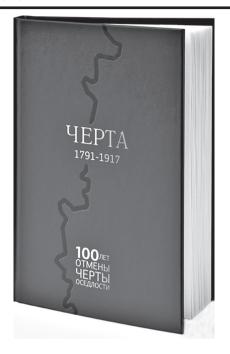
В. Бернштам. Выставка российских бриллиантов в Израиле, Петербургский коллекционер №2 (94), стр. 39, 2016 г.

Владимир БЕРНШТАМ fnbern@gmail.com

136

Новые книги

ЧЕРТ*А*. 1791—1917

В издательской группе «Точка» вышла книга, посвящённая 100-летней годовщине отмены черты оседлости в России. Её заголовок «Черта. 1791—1917» устанавливает хронологические рамки повествования — от Екатерины ІІ, при которой началось формирование цивилизации российского еврейства, до Февральской революции, положившей конец юридически оформленному ущемлению их прав.

Книга стала результатом совместной работы большого коллектива авторов, представляющих учёных из Москвы, Петербурга, из Беларуси, Украины, Израиля, Молдовы...

По замыслу этот труд не является научной монографией в узком смысле слова. Наоборот, он представляет собой научно-популярное издание, рассчитанное на самую широкую читательскую аудиторию.

Географически охватывает территорию Западного края — региона, где проживало не менее 90% евреев Российской империи. Литовский Иерусалим (Вильно), белорусские местечки, украинские степи, бурлящая жизнь Одессы, патриархальный быт Бессарабии — несомненны различия в укладе жизни, в уровне образования и благосостояния, и даже — в диалектах языка проживавших там евреев.

Но в книгу вошли и сюжеты о столичных общинах — тех, которые возникали и развивались вне Черты, оказывая при этом определяющее влияние на судьбу российского еврейства в целом.

Поскольку хронология и география повествования затрагивают практически всю историю евреев Российской империи, с теми или иными аспектами этой темы знаком практически каждый читатель. Но описание условий и образа жизни евреев эпохи Черты во взаимосвязи многих факторов встречается не во многих изданиях.

В данном случае в 26 главах книги рассмотрены события, положившие начало Черте, показаны изменения в её географии, в её законодательстве на протяжении полутора веков, описаны системообразующие элементы еврейской жизни — община, соблюдение традиций, использование языка ашкеназских евреев. Показано, как в фамилиях эпохи Черты отража-

лись пути миграции еврейского населения, его традиционные занятия. В отличие от коренного населения империи у евреев эти фамилии об-

разовывались от корней нескольких языков — иврита, идиша, немецкого и, конечно, русского.

Одна из концептуальных идей книги заключается в том, что законы Черты поначалу не носили репрессивного, угнетающего характера. Дело даже не в том, что именно замкнутость, отделённость российских евреев от остального населения огромной страны во многом сохранила, уберегла еврейский народ от опасности «растворения», ассимиляции. Этот результат, положительный для сохранения этноса, стал как бы побочным, не планировавшимся продуктом законотворчества российской власти.

Главным, ключевым намерением властей при введении особых законов и положений о евреях было именно регулирование их жизни в качестве подданных нового для них государства. Учёт жителей, взимание налогов, распределение натуральных повинностей, включая военную, — вот что стало истинной причиной опутывания населения приобретённых западных областей массой законов и подзаконных актов.

И лишь позднее законодательство из чисто регулирующего стало превращаться в ограничительно-репрессивное. Идеологический подтекст, конечно, важен. Вероятно, именно этот аспект — неприязнь к иноверцам — и послу-

272017

жил фактором перехода от одной сути законодательства к другой.

И таким образом, в многонациональной Российской империи формировался еврейский вопрос. Он стал встречным движением. Иногда трудно даже определить, где был сеющий рознь и ущемление прав евреев государственный посыл, а где — «запрос» населения на объект для насилия, для выплёскивания негативной энергии. Особенно наглядно этот сюжет прослеживается в главах, посвящённых погромам, наветам против евреев.

Не менее интересен и подход книги к описанию ответных шагов населения Черты. Тот факт, что втягивание евреев в революционное движение был связан с погромами и с репрессивной политикой царизма, — общеизвестен. Но, чтобы подчеркнуть не «врождённую» революционность евреев, а именно трансформацию их взглядов, в книге показан политический портрет еврейской общины до поворота, случившегося в империи в 1880-е годы. И таким образом, мы видим действительно движение — от евреев, читающих псалмы благодарности Б-гу за спасение государя, к евреям, игравшим ключевую роль при создании боевых организаций революционных партий.

Ещё одна ключевая тема книги — собственно та, которой посвящён факт её издания. Как, когда, по каким причинам произошла отмена всего законодательного блока, на протяжении полутора веков угнетавшего еврейский народ в империи?

В очерках книги показаны различные ветви национального движения, показаны и выдающиеся интеллектуалы, включившиеся в начале XX века в общедемократический процесс по модернизации отсталого политического строя.

Вывод при этом делается следующий: отдавая должное самоотверженной борьбе еврейской интеллигенции за равноправие своего народа, приходится признать, что шансов на успех у неё практически не было. Политический строй России был организован таким образом, что менее всего был готов идти на уступки под каким-либо нажимом.

В книге приводятся соответствующие примеры, как внутренней политики (сопровождавшейся просто роспуском Государственных дум, где продвигали тему еврейского равноправия), так и внешней политики (когда обращение амери-

канского правительства о необходимости соблюдения прав приезжающих американских евреев лишь сплотило самые реакционные и консервативные круги, привело к войне санкций).

Таким образом, система ограничительных антиеврейских законов, органично связанная с самой сутью имперского политического режима, могла быть отменена лишь вместе с отменой самого этого режима. И, когда это произошло (в ходе Февральской революции), события развивались стремительно.

Но при этом в книге (где приводится, кстати, и текст знаменитого постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений») отмечается, что подготовка документа в ведомстве министра юстиции Керенского шла очень кропотливая и тщательная, а вот подписание его произошло буднично, в ряду других малозначимых бумаг в 12 часов ночи 20 марта 1917 г. (2 апреля по новому стилю).

Авторы книги, вслед за участниками тех событий, оставивших некоторые следы этой истории в мемуарах, полагают: освобождение еврейского народа от ограничительных законов царизма происходило в русле общего демократического процесса, и оно должно было произойти вместе с социальным освобождением всего российского народа, вместе с превращением его в полноправных граждан. Поэтому излишне акцентировать внимание на отмене именно антиеврейских законов ни еврейские активисты, ни члены демократического правительства не хотели.

Как известно, дальнейшая судьба еврейского народа в России складывалась совсем непросто, а иногда — и трагически. Но это не умаляет значения тех событий, которым посвящена книга и которые произошли 100 лет назад. В тот момент еврейский народ действительно приобрёл свободу и равноправие. Помнить о таких эпизодах в его истории — удел не только профессионалов-учёных. Евреи современного мира — это во многом потомки «народа Черты», и его нынешняя свобода — продолжение многовековой борьбы за национальное достоинство, национальное самоопределение. 1917 год — краеугольный камень на этом пути.

Александр ЭНГЕЛЬС

«ШАТЁР ДАВИДА» — новая синагога в витебске

В начале XX века в Витебске действовало более 70 синагог и иудейских молитвенных домов. Прошло чуть более ста лет. Еврейская община Витебска прочувствовала на себе все огненные вихри этого времени. В городе оставалась одна небольшая действующая синагога, открытая в начале 90-х годов на месте молитвенного дома, и останки (разрушенные стены) Большой Любавичской синагоги.

И вот впервые за более чем сто лет в Витебске построена синагога, получившая название «Шатёр Давида». Новый 5778 год по еврейскому календарю иудейская община города встретила в ней. Здесь прошла первая молитва.

Витебляне по достоинству оценили красоту здания, построенного по ул. Грибоедова (архитектор Алексей Федористов), которое органично вписалось в старый городской район.

На фасаде синагоги золотыми буквами на

иврите написано её название «Охель Давид» («Шатёр Давида»).

Наш собеседник Томчин Леонид Альбертович — председатель Витебской иудейской общины.

Выступает Леонид Томчин.

— Конечно же, центр синагоги — это молельный зал. Мы постарались совместить в молельном зале каноны ортодоксальной синагоги, дух города Витебска, красоту и удобство для молящихся.

Ленточку перерезают Леонид Томчин, раввин Малкиель Горгодзе, старейший член Витебской общины Давид Сонькин, помощник губернатора Витебской области Михаил Даниленко.

Молельный зал рассчитан на 80-85 человек. В синагоге удобная мебель для молящихся. В восточную стену вмонтированы камни из Иерусалима, символизирующие «Стену плача». На плоскости, отделяющей балкон от зала, — копии работ Марка Шагала (цикл витражей «Двенадцать колен Израилевых»). Они подчёркивают неразрывную связь новой синагоги с историей Витебска.

37**2017**

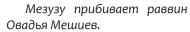
Молельный зал светлый, высокий. Внешне напоминает шатёр. Овадья Мешиев. На потолке двенадцать сводов.

Здание синагоги - это более 600 квадратных метров. Просторный холл со стеклянным куполом создаёт хорошее светлое настроение.

Планируем сделать Музей еврейской жизни Витебска.

Имеется просторный учебный класс.

Этажом ниже расположена миква - бассейн для ритуальных омовений. Он выполнен по всем канонам ортодоксального иудаизма.

Разделить праздник пришли люди различных национальностей.

Некоторые это сделали просто из любопытства. Прохожие спрашивали: «Что здесь будет?», а потом надолго задерживались у синагоги.

На торжественное открытие прибыли представители областной и городской власти, международных неправительственных организаций, христианских конфессий, еврейских религиозных объединений и общин из Беларуси и России.

...Скрипач на крыше заиграл

еврейскую родную мелодию. Внизу её подхватили два юных скрипача: за юношей СТОЯЛИ пожилые прихожане, мальчик играл во главе детской колонны.

Перед зданием встретились поколения: старая синагога и новая. И закружились в хороводе с разноцветными шарами.

Как будто по заказу осенние дожди в этот день

уступили место ласковому солнцу.

...Выступали почётные гости. Было заслушано приветствие от губернатора Витебской области.

А затем наступил кульминационный момент – перерезана ленточка перед входом в новую синагогу.

В небо полетели воздушные шарики.

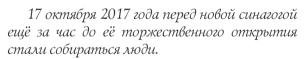
К дверям синагоги, молельного и учебного классов были прикреплены мезузы.

Десятки людей в молельном зале слушали выступления раввинов.

Для всех желающих была проведена экскурсия по новой синагоге.

Пришли члены еврейской общины, многие евреи города отпрашивались с работы, чтобы приехать сюда. Некоторые говорили, что впервые сегодня войдут в синагогу.

СОДЕРЖАНИЕ

Аркадий ШУЛЬМАН * Arkady SHULMAN ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ЛЕТАЕТ * WHY A MAN FLIES	3
Алла ЛЕВИНА * Alla LEVINA СТИХИ * POEMS	36
Галина ПИЧУРА * Galina PICHURA МАНЕЧКА И БОРЯ * MANECHKA AND BORYA	39
Елизавета ПОЛЕЕС * Elizaveta POLEES СТИХИ POEMS	43
Марат БАСКИН * Marat BASKIN ЛЕГЕНДЫ НЬЮ-ЙОРКА * LEGENDS OF NEW YORK	46
Инесса ГАНКИНА * Inessa GANKINA СТИХИ * POEMS	56
Валерий ВАЙСМАН * Valery WEISSMAN СТИХИ * POEMS	58
Михаил БАРАНЧИК * Mikhail BARANCHIK СТИХИ * POEMS	59
Константин КАРПЕКИН * Konstantin KARPEKIN АРХИВАРИУС «МИШПОХИ» * ARCHIVIST OF MISHPOHA	60
Майя КАЗАКЕВИЧ * Maia KAZAKEVICH КТО УНАСЛЕДОВАЛ ХАРАКТЕР ИЧЕ-БРАЖНИКА? * WHO INHERITS THE CHARACTER OF ICHE-BRAZHNIK?	64
Аркадий ШУЛЬМАН * Arkady SHULMAN BO-ПЕРВЫХ, Я ИЗ ПИНСКА * FIRSTLY, I AM FROM PINSK	69
Руслан СЕРЕДА * Ruslan SEREDA 76 ЛЕТ ПОСЛЕ PACCTPEЛA * 76 YEARS AFTER SHOOTING	75
Валентина ЯКУНИНА * Valentina YAKUNINA ПРАВЕДНИКИ * THE RIGHTEOUS	76
Александр ШКОЛЬНЫЙ * Alexander SHKOLNIY ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ * STORY OF A PHOTO	77
Михаил САДОВСКИЙ * MikhailSADOVSKIY ДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КОРОТКИХ СТИХОВ * LONG STORY OF SHORT POEMS	78
Авром ГОНТАРЬ * Avrom GONTAR СТИХИ * POEMS	80
Семён ЛИОКУМОВИЧ* Semen LIOKUMOVICH БЕЙНЕНСОНЫ: СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА *	
THE REINENSONS, FAMILY CHRONICLE	۷1

372017	14
--------	----

3 72017	141
Владимир ОРЛОВ * Vladimir ORLOV	
ПОСЛЕ ТОГО, КАК «ВЫЛЕТЕЛА ПТИЧКА» * AFTER "SAY CHEESE!"	89
Валерия ГАЙШУН * Valeria GAISHUN ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕДУЛЯ! * FORGIVE ME, GRAMPA!	94
Леонид ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ * Leonid TREMBOVOLSKIY НОВЕЛЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ * NOVELS OF MY LIFE	95
Михаил ТРЕЙСТЕР * Mikhail TREISTER MEMYAPЫ * MEMOIRS	103
Семён ЛИОКУМОВИЧ * Semen LIOKUMOVICH СПОРТИВНАЯ ДИНАСТИЯ * SPORTING DYNASTY	111
Михаил МОЗЕНСОН, Лев ФРИШЕРМАН, Леонид РУБИНШТЕЙН * Mikhail BARANCHIK, Lev FRISHERMAN, Leonid RUBINSTEIN СТИХИ * POEMS	115
Лев ГУРЕВИЧ * Lev GUREVICH	115
СЕДЕР С ПИОНЕРОМ * SEDER WITH PIONEER	116
Михаил ГАНКИН * Mikhail GANKIN ОБЕД ДЛЯ МАРШАЛА ВОРОШИЛОВА * DINNER FOR MARSHALL VOROSHILOV	117
Борис БЕНДИТКИС * BorisBENDITKIS BOT ЧТО ЗНАЧИТ «ФИЗКУЛЬТУРА!» * SEE WHAT "PHYSICAL EDUCATION" MEANS!	119
Семён ШОЙХЕТ * Semen SHOIKHET КАЖДЫЙ ВОИН ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СВОЙ МАНЁВР * EVERY FIGHTER MUST KNOW HIS MANOEUVRE	119
Аркадий ШУЛЬМАН * Arkady SHULMAN КОРОЛЕНКО, ПОЮЩИЙ НА ИДИШЕ * KOROLENKO, SINGING IN YIDDISH	122
Юрий ДАЙГИН * Yuri DAIGIN ЕВРЕЙСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ * MAGIC JEWISH FAIRY TALES	126
Владимир БЕРНШТАМ * Vladimir BERNSHTAM	
УРОЖЕНЕЦ ГРОДНО – OCHOBATEЛЬ ТЕЛЬ-ABИBA * A NATIVE OF GRODNO IS FOUNDER OF TEL AVIV	133
Александр ЭНГЕЛЬС* Alexander ENGELS ЧЕРТА. 1791–1917 * LINE. 1791-1917	136
Александр ШКОЛЬНЫЙ * Alexander SHKOLNIY «ШАТЁР ДАВИДА» – НОВАЯ СИНАГОГА В ВИТЕБСКЕ * "TENT OF DAVID", A NEW SYNAGOGUE IN VITEBSK	138

The year 2017 marks 130 years since the birth of the famous artist and our countryman Marc Chagall. The current issue of "Mishpoha", published by the Belarusian Union of Jewish Communities and Organizations, is dedicated to the artist's anniversary.

The magazine opens with Arkady Shulman's essay "Why a Man Flies". The author writes: "In Chagall's paintings I can see something very familiar and close to me". The literary composition traces how the attitude to the artist in his native Vitebsk changed throughout the twentieth century.

The new issue offers its readers a wide range of poetry, prose, journalism, archival research, complemented by numerous photographs taken recently and from family albums and archives.

The selection of poetry presents new works by Alla Levina, a Minsk-based poetess and translator. One of the best representatives of the genre in Belarus, writing in the Russian language, the author shares with the readers her lyric full of deep philosophical underlying message.

The creativity of the poetess Elizaveta Polees is also well-known to the readers of our magazine. The author of multiple books, she is also a regular contributor to "Mishpoha". Her poetry is an organic combination of lyricism and citizenship.

The verses by Inessa Gankina express a desire to capture a rapidly changing world.

Our magazine has always featured literary works by both established and new voices. This issue includes poetic debuts by Valery Weissman, a young poet from Minsk, and Mikhail Mosenson, a pedagogue from Minsk.

"Mishpoha" also presents poems by Mikhail Baranchik, Lev Frisherman and Leonid Rubinstein.

The prose section contains novels "Legends of New York" by an interesting writer Marat Baskin. A native of the Belarusian town of Glusk, who lived much of his life in Belarus, he moved to the United States in his adulthood. So did the characters of his stories and novels, whose life in a new place is the main and cross cutting theme of the writer's creativity.

The story "Manechka and Borya" by Galina Pichura is about love, soul-stirring feelings that two mature persons carried through all their life.

The traditional "Short story" section features short stories, based on what the readers of the magazine witnessed, heard or experienced, and shared with the editorial board. Sometimes these stories are almost like anecdotes, other times they are read as parables. "Mishpoha" presents short stories by Lev Gurevich, Mikhail Gankin, Boris Benditkis and Semen Shoikhet.

Mikhail Treister, a prisoner of the Minsk ghetto, partisan, talented engineer and writer, passed away in the spring of 2017, on the second day after his 90th birthday. In memory of the writer "Mishpoha" publishes the "Memoirs" by Mikhail Treister. The documentary narrative takes the readers to the late 1960s and tells the story of Mikhail and a team of his friends who were regarded as dissidents for reading a book that was banned in the Soviet Union. Mikhail was called in for questioning, lost a prestigious job, and a chance to receive an academic degree.

Dr. Yuri Daigin, a researcher from Israel, tells about Jewish magic tales and publishes one of them, titled "Bohemian Werewolf". The first printed version of the story was published in Yiddish in 1602 in Basel. The present day folk literary work has gained a second life. The illustrations to the "Magic Jewish Fairy Tales" are made by the artist Elena Chashka.

The novelist, translator and poet Mikhail Sadovskiy, who came into literature in the early 1960s and was well acquainted with many famous Soviet writers, presents his memoirs "Long Stories of Short Poems". Mikhail Sadovskiy writes about his translations of poems for children by the famous Jewish poet Avrom Gontar from Yiddish, and how the Soviet publishing houses refused to publish these works under various excuses.

372017

The "Archivist" section of "Mishpoha" features stories by Konstantin Karpekin, the Head of the State Archive Funds of the Vitebsk Oblast. The stories are based on the documents from the archives of Belarus. Though the events, described by Konstantin Karpekin, happened almost a hundred years ago, their morals are still relevant today.

Every issue of the magazine presents family stories, tracing and depicting the changes in Jewish life in Belarus during the past hundred or hundred and fifty years.

The short novels by Maia Kazakevich from Bobruisk are the story of her family. There were rich people with rough temper in it and those who disobeyed the parents' will, the women, guardians of family hearth and traditions. Maya's father fought at the front, his parents and sister died in the Slutsk ghetto. Over the past decades her family members have been scattered around the world. Only in the photographs are the brothers and sisters together again.

The chronicle of the Beinenson family is described by Semen Liokumovich. The forefathers of the family were the natives of the Uzda town, current Minsk region. For making a careless remark in the 1930s they were handed a sentence in Stalin's prison camps and sent to the infamous construction of the White Sea Canal. The next generation of the family fought bravely at the fronts of the Great Patriotic War. Those who remained in Minsk died in the ghetto, the women worked in the rear, experienced all the hardships of life in evacuation. After the victory the survivors returned to Minsk. In this family there are educators, architects, builders. The generation of grandchildren and great-grandchildren lives in different countries of the world. The story of one family turns out to be the entire history of the people.

The memories by Leonid Trembovolskiy are another story of one family. A wounded soldier, a graduate of the aviation institute, had to experience a lot of hardships in life. In the years of Stalin's anti-Semitism he was dismissed from work. He moved to live in Belarus. Overcoming all difficulties, he became one of the leading designers of the Minsk tractor plant. The father's work was continued by his son.

Under the heading "Excursion to the Past" "Mishpoha" publishes a story about a walk around old Pinsk with a connoisseur of the city, Eduard Zlobin.

The famous painter Iosif Greenberg is described by his friend, director Vladimir Orlov. Greenberg is well-known as a painter and a teacher who trained many outstanding artists, set designers. A native of Bobruisk, he happened to live in Latvia, Russia, Israel, and now he's back to Belarus again. Wherever he goes, the photograph of a 14-year-old mother's brother, Isaac, taken just before the Great Patriotic War, and a camera, that captured Isaac, are always with Iosif Greenberg as the most precious relics. Isaac died, and the photo is a memory, the memory of the pre-war family and the childhood of Iosif himself.

Arkady Shulman's essay "Korolenko, singing in Yiddish" is devoted to the famous chansonnier Psoy Korolenko, singing in many languages, including Yiddish. Psoy Korolenko is the pseudonym of Pavel Lion, who made his research work in literature on the creativity of the Russian writer Korolenko. Hence, the pseudonym of the popular singer and songwriter.

The essay "Sporting Dynasty" by Semen Liokumovich describes the family of the honored coach of the BSSR Alexander Verhlin.

The "Collector" Club is created by Vladimir Bernshtam. He tells about stamps and envelopes, devoted to the founder of Tel Aviv, a native of the Grodno city, Akiva Weiss.

The new book "Line. 1791-1917", dedicated to the 100th anniversary of the abolition of the

Pale of Settlement of Jews, is reviewed by the compiler and editor of the new edition Alexander Engels.

"Mishpoha" follows its tradition of publishing free announcements related to the search of relatives, friends and fellow soldiers.

«МИШПОХА» – это Ваш журнал

На его страницах:

очерки о еврейских семьях, рассказы об истории и традициях, проза, поэзия, рецензии на новые книги, архивные документы и комментарии к ним, заметки о еврейской общине Беларуси.

ПОМОГАЯ ЖУРНАЛУ, ВЫ ПОМОГАЕТЕ СЕБЕ.

Общественное объединение «Еврейский культурный центр "МИШПОХА"»

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЕВРЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «МИШПОХА» УНП 300603808

ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В БЕЛОРУССКИХ РУБЛЯХ:

ОАО «Приорбанк» г. Минск, ЦБУ 200 г. Витебск, БИК РЈСВВҮ2Х. Расчётный счёт ВҮ96РЈСВ30152001961000000933

для перечисления денежных средств в РОССийских Рублях:

Банк-получатель: «Приорбанк» ОАО, г. Минск, Республика Беларусь, БИК РЈСВВҮ2X, УНП 100220190

Банк-корреспондент: Счёт 3011181020000000136 ПАО Сбербанк,

г. Москва, Российская Федерация к/счет в ОПЕРУ ГУ ЦБ РФ

по г. Москве 30101810400000000225 ИНН 7707083893, БИК 044525225

Наименование бенефициара:

Общественное объединение «Еврейский культурный центр «Мишпоха» («Семья»).

Номер счёта бенефициара: BY46PJCB31352001960050000643

ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ДОЛЛАРАХ США:

Банк-получатель: PRIORBANK, MINSK, REPUBLIC OF BELARUS

SWIFT: PJCBBY2X

Банк-корреспондент: ACC. 36089449 CITIBANK NA, NEW YORK USA

SWIFT: CITIUS33

Номер счёта бенефициара: ВУ92РЈСВ31352001960030000840

Наименование бенефициара: Public Association Jewish Cultural Mishpoha,

Vitebsk, Republic of Belarus

ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ЕВРО:

Банк-получатель: PRIOBANK, MINSK, REPUBLIC of BELARUS

SWIFT: PJCBBY2X

Банк-корреспондент: ACC. 55045512 RAIFFEISEN BANK

INTERNATIONAL AG, Vienna, Austria

SWIFT: RZBAATWW

Hомер счёта бенефициара: BY67PJCB31352001960020000978 Наименование бенефициара: Public Association Jewish Cultural

Mishpoha, Vitebsk, Republic of Belarus.

Состоялись презентации журнала и встречи с читателями в Бобруйске, Борисове, Витебске, Минске.

Фотографии Александра Литина, Михаила Шмерлинга, Аркадия Шульмана.
Рисунки Марка Шагала, Абрама Рабкина, Елены Чашка, Лии Шульман.
Фото на стр. 1 – авторы журнала «Мишпоха» выступают на Дне еврейской женщины,
Витебск, октябрь, 2017 г. Фото Михаила Шмерлинга.
Обложка – по мотивам картины Михаила Шульмана «Окна».